
ISSN 2225-8272

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

JOURNAL OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

**Культурно-просветительский
и образовательный журнал**

Выходит четыре раза в год

Том 11, № 4 2022

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

5.6.1. – Отечественная история (исторические науки);

5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки).

С 2012 года материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по адресу: <http://eLIBRARY.RU> (Научная электронная библиотека).

Включён в базы данных Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO.

**Список членов научно-редакционного совета журнала
«Вестник государственного и муниципального управления»**

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, политологии и государственной политики, директор Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им.Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам.зав. кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института

управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Мелихова Анжела Валентиновна, кандидат юридических наук, Ph.D, доцент Эстонской высшей школы предпринимательства MAINOR (Эстония, Таллин), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры связи с общественностью, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), e-mail: nechaevv@mail.ru

Ручкин Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ» (Россия, Москва), e-mail: alexey.ruchkin@uara.ru

Саран Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Филонов Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: filonovvi@mail.ru

Редакционная коллегия:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, политологии и государственной политики, директор Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию и продвижению (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Брузати Лука, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

***Editorial Council of «Journal
of Public and Municipal Administration»***

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Political science and public policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Arabadjiiski Nicolai, Doctor of Economics, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Astafichev Pavel, Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Bagdasaryan Vardan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Gorin Dmitry, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Eliseev Anatoly, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of History, Political science and public policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of

the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Zaluzhny Alexander, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Zaitsev Vladimir, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Zubarev Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Ivanov Hristo Marinov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria, Varna), e-mail: xiza@abv.bg

Karadzhova Milena, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Maslennikov Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political science and public policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Melikhova Angela, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Higher School of Enterprise MAINOR (Estonia, Tallin), e-mail: vestnik.gmu@yandex.ru

Meneguzzo Marco, Doctor of Economics, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Mikhailchenko Sergei, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Nekhaev Victor, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Nechaev Dmitry, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Ruchkin Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Saran Alexander, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Political science and public policy of the, Central Russian Institute of Man-

agement – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Filonov Vladimir, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: filonovvi@mail.ru

Editorial Board:

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Political science and public policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210victor@mail.ru

Mironenko Nadezhda, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy editor-in-chief of the magazine development (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political science and public policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Arabadjiski Nicolai, Doctor of Economics, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiski@nbu.bg

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

- Багдасарян В.Э. История Великой Отечественной войны через призму
овременного российского кинематографа: проблема идеоло- 11
гических деформаций
- Соколов М.В. Система продовольственного снабжения Орловского окру- 26
га войск ВЧК в 1921–1922 гг.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Цыбаков Д.Л., История развития института парламентских монархий 36
Кабацкий М.С. в европейских государствах в XX в.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Горлов А.В. Формирование теории государственного капитализма Тони 44
Клиффа: критический анализ основных положений
- Тюрин Е.А., Трансцивилизационный континуитет Боспорского царства 64
Савинова Е.Н.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

- Сальникова И.Н. Почтовая открытка как атрибут сервиса услуг в иденти- 75
фикации исторических процессов и социокультурных явлений

РЕФОРМЫ И ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Селютина Е.Н., Начальное образование в Российской империи порефор- 84
Холодов В.А. менного периода: деятельность земств и законодательная
регламентация
- Шляхова В. В. Особенности кадрового обеспечения органов управления 93
и учреждений народного образования РСФСР
в начале 1920-х гг. (на примере Орловской губернии)
- Устинова Ю.Н. Цензура как индикатор общественно-политических 103
настроений и практик в 1914–1917 гг. (на примере Герман-
ской империи)

CONTENTS

Орлова Л.Н., Мартынова М.В.	Особенности и приоритеты военно-физкультурной и патриотической работы в пионерской организации в 40–50-е годы XX века	111
--------------------------------	---	-----

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Кодинцев А.Я.	Анатолий Фёдорович Кони и муравьёвская комиссия	120
---------------	---	-----

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Власов В.В.	Взаимодействие Российского государства и традиционных религиозных конфессий: история и современность	131
-------------	--	-----

Исаев А.В., Матвиенко В.А.	Распространение раскольничества и сектанства в Орловской губернии в конце XIX – начале XX века	144
-------------------------------	--	-----

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Оловяникова А.С., Борисов А.С.	Историческая обусловленность проблематики адаптации либеральных политико-правовых учений в России	155
-----------------------------------	---	-----

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВА

Гребенкин А.Н., Ларин А.А.	Создание системы обеспечения безопасности российских императоров во время железнодорожных поездок (1878–1881 гг.)	165
-------------------------------	---	-----

Выходов А.А.	Функции Министерства внутренних дел в сфере государственного управления Российской империи 60-х – начала 80-х годов XIX века	178
--------------	--	-----

CONTENTS

MILITARY CHRONICLE

- Bagdasaryan V.E. The history of the Great Patriotic War through the lens of modern Russian cinema: the problem of ideological misrepresentation 11
- Sokolov M.V. The food supply system of Orel region of CHEKA troops in 1921-1922. 26

HISTORY OF RUSSIAN STATEHOOD: INTERNATIONAL EXPERIENCE

- Tsybakov D.L., Kabatsky M.S. A history of development of the institution of Parliamentary monarchies in twentieth century Europe 36

GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Gorlov A.V., The development of Tony Cliff's theory of state capitalism: a critical analysis of the main positions 44
- Tyurin E.A., Savinova E.N., Transcivilizational continuity of the Bosphoran kingdom 64

A STATESMAN: PERSONALITY IN THE HISTORY OF STATE DEVELOPMENT

- Salnikova I.N. Postcard as an attribute of the service service in the identification of historical processes and socio-cultural phenomena 75

REFORMS AND INSTITUTIONS: HISTORY AND MODERNITY

- Seliutina E.N., Holodov V.A., Primary education in the Russian Empire in the post-reform period and the activities of zemstvos 84
- Shlyakhova V. V. Peculiarities of Staffing of Governing Bodies and Institutions of Public Education of the RSFSR in the early 1920s (on the example of the Oryol province) 93
- Ustinova Y.N., Censorship as an indicator of socio-political attitudes and practices in 1914-1917 (on the example of the German Empire) 103

CONTENTS

- Orlova L.N.,
Martynova M.V., Features and priorities of military physical and patriotic work in the Pioneer organization in the 40-50s of the 20th century: regional aspect 111

STATESMAN: PERSONALITY IN THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE STATE

- Kodintsev A.Ya., Anatoly Fedorovich Koni and the Muravyov's commission 120

STATE, RELIGION, CHURCH

- Vlasov V.V., The interaction of the Russian state and traditional religious confessions: history and modernity 131

- Isaev A.V.,
Matvienko V.A., The development of Schism and Sectionalism in Orel province in the late 19th and early 20th centuries 144

HISTORY OF LEGAL RUSSIAN STATEHOOD

- Olovyannikova A.S,
Borisov A.S., Historical conditionality of the problems of adaptation of liberal political and legal doctrines in Russia 155

HISTORY OF NATIONAL SECURITY AND STATE PROTECTION

- Grebenkin A.N.,
Larin A.A., The development of the Russian Emperors' security system during railway trips (1878-1881) 165

- Vykhodov A.A. Functions of the Ministry of Internal Affairs in the sphere of state administration of the Russian Empire of the 60s - early 80s of the 19th centuries 178

БАГДАСАРЯН Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, Московский государственный областной университет (Россия, Мытищи), e-mail: vardanb@mail.ru, AuthorID: 266169

BAGDASARYAN V.E., Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow State Regional University (Russian Federation, Mytishchi), e-mail: vardanb@mail.ru, AuthorID: 266169

**ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА: ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДЕФОРМАЦИЙ**

**THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR THROUGH THE LENS OF MODERN RUSSIAN
CINEMA: THE PROBLEM OF IDEOLOGICAL MISREPRESENTATION**

Аннотация. Целью статьи является анализ идеологических деформаций событий Великой Отечественной войны через призму современного российского кинематографа. Актуальность исследования определялась запросом защиты исторической памяти и формирования патриотического восприятия прошлого страны посредством возможностей кинематографа. Источниковую базу работы составили современные российские художественные фильмы, посвященные истории Великой Отечественной войны. Проводилось сопоставление контента фильмов с историческими реалиями и задачами патриотического воспитания. Фиксируется тенденция усиления патриотических акцентов в российских художественных исторических фильмах, в сравнении с кинематографом 1990-х годов. Вместе с тем, обнаруживается и тенденция негативизации советской системы, переходящая зачастую в фактический антисоветизм. Делается вывод, что созданное на такой основе художественные образы и сюжетная канва фильмов идеологически деформирует историю Великой Отечественной войны и содержит угрозы дегероизации подвига народа.

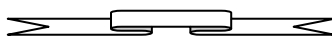
Ключевые слова: Великая Отечественная война, история, кинематограф, исторические фильмы, советский, антисоветский, идеология, Сталин, героизм.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the ideological misrepresentation of the events of the Great Patriotic War through the lens of modern Russian cinema.

The relevance of the study is determined by the demand for the protection of historical memory and the formation of a patriotic perception of the country's past through the possibilities of cinema. The source base of the work includes modern Russian feature films devoted to the history of the Great Patriotic War. The content of films was correlated with historical realities and the tasks of patriotic education. The tendency of patriotic accents in the Russian historical fiction films, in comparison with the cinema of the 1990s, is fixed. At the same time, the tendency to a negative attitude towards the Soviet system, which often turns into actual anti-Sovietism, is also revealed.

As a result, the author comes to the conclusion that the artistic images and storyline of films created on this basis ideologically distorts the history of the Great Patriotic War and contains threats to present the deeds of the people in a non-heroic way.

Keywords: Great Patriotic War, story, cinema, historical films, soviet, anti-Soviet, ideology, Stalin, heroism.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В. И. Ленин, согласно свидетельству А. В. Луначарского, важнейшим из искусств для советской власти называл кино [3, С. 19]. Действительно, потенциалы воздействия кино на массовое сознание колоссальны. Будучи ориентировано по своему формату на образное мышление и соответствующий ментальный тип восприятия, кино охватывает наиболее широкие группы возможного влияния. Можно констатировать, что в качестве инструмента пропаганды кино в XX столетии победило (оттеснило на второй план) книгу. Особое место занимает кино в формировании исторического сознания социума. Советский нарратив представления прошлого был сформирован преимущественно историческими фильмами сталинской эпохи. Через образы этих фильмов старшие поколения до сих пор воспринимают российскую историю. Исторические фильмы советской эпохи стали предметом современной историографии, исследующей их влияние на формирование государственной идеологии и воздействие на массовое сознание [3; 13; 24; 38].

Сегодня перед Российским государством вновь в качестве одной из принципиальных стратегических задач стоит задача формирования патриотического нарратива восприятия прошлого. Важное место в ее решении отводится киноискусству. Снимаются художественные фильмы на историческом материале с очевидными патриотическими целевыми установками. Однако реализовать замысел далеко не всегда удается. Картина прошлого часто оказывается деформирована, а установки на патриотизм в искаженной и методологически невыверенной подаче работают прямо противоположным образом. Обнаруживаемые проблемы реализации государственной политики национальной памяти средствами кинематографа обуславливают актуальность изучения репрезентации современным отечественным кино прошлого страны, определяющую предметное поле исследования. Для рассмотрения было взято, в частности, представление в российском ки-

нематографе истории Великой Отечественной войны как сакральной для российского общества скрепы национальной памяти.

Проводимые ранее обращения к этой теме показали наличие проблем адекватности репрезентации образа СССР периода Великой Отечественной войны и предвоенных лет, советской системы в целом [8; 10; 14; 15]. Источниковой базой работы послужили современные российские художественные фильмы, сюжетная линия которых связана с периодом Великой Отечественной войны. Целевым ориентиром исследования являлись соотнесение контента художественных фильмов с исторической реальностью и оценка решения ими задач патриотического воспитания.

АНТИСОВЕТИЗМ РОССИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА ДЕВЯНОСТЫХ

Фильмы по истории СССР в советском кинематографе были посвящены темам: лениниана – сталиниана, Октябрьская революция, Гражданская война, трудовой героизм, Великая Отечественная война, борьба с социальными пороками и вредительством. В постсоветский период контент был принципиально изменен. Советское время стало освещаться преимущественно в ракурсе социальных трагедий. Типичными сюжетами раскрытия советской темы явились противопоставление личности и государства, всевластие КГБ, тоталитарность, идеологический абсурд и т. п. Идейных расхождений в кинематографических трактовках не встречалось, что может быть свидетельством нового цензурирования и нового идеологического заказа (теперь уже антисоветского) [31].

Фильмы первой послесоветской волны по истории СССР не могли, ввиду сохраняемых советских ориентиров, получить значительных зрительских симпатий. Рынок диктовал запрос на советские бренды. Во второй послесоветской волне он уже был учтён. Исторические фильмы этой волны представляли не только пороки, но и достижения СССР, популяризировали легенды советской эпохи.

Создана была, в частности, героическая художественно-кинематографическая галерея побед советского спорта, таких как первый матч суперсерии СССР – Канада, матч СССР – США олимпийского баскетбольного турнира, шахматный чемпионат в серии шахматных партий Анатолий Карпов – Виктор Корчной.

Однако рецидивы антисоветизма фильмов первой волны так и не были полностью преодолены. Более того, установился шаблон, получивший критическое наименование «вопрекизм». Сообразно с ним победы и свершения достигались вопреки системе. Побеждали люди, тогда как система работала в минус. Чуть ли не в каждом фильме создавался в противовес герою, идущему вразрез с властями, образ партийного бюрократа, представителя репрессивных органов, осведомителя и т. п. К особо негативным последствиям приводило использование идеи вопрекизма в представлении в кинематографе истории Великой Отечественной войны. Тиражировался взгляд, негативизирующий роль государства, партии, НКВД в событиях войны, что фактически смыкалось с посылами антироссийской исторической пропаганды. В установках негативизации советской системы сказывались, по-видимому, не только антисоветский настрой режиссеров и сценаристов, но и использование голливудских шаблонов – герой-одиночка побеждает систему-Левиафана.

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СТАЛИНА

За тридцать лет после распада СССР существенно изменился кинематографический образ Сталина. Первоначально он предстает как патологическая личность, маниакально подозрительный тиран. Ещё в 1989 году в рамках набравшей обороты антисталинской кампании в культуре режиссером Юрием Карой был снят фильм «Пирсы Валтасара, или Ночь со Сталиным» [44]. Сандро из Чегема ещё мальчиком стал свидетелем ограбления парохода и расправы бандита со своими поделщиками. Его самого тот намеревался убить как свидетеля, но пожалел. По проше-

ствии лет, став известным танцором, Сандро был приглашён выступить перед руководством страны, и узнал в бывшем бандите Сталина. Сам вождь народов долго вспоминает, где он мог видеть танцора, но так и не вспомнил. Позже все артисты, бывшие на пиру, один за другим исчезают. Проводится мысль, что и со своими нынешними соратниками Сталин расправится так же, как когда-то расправился с поделщиками при ограблении парохода. Суть сталинской системы раскрывается, таким образом, как запрограммированная в ней система самоуничтожения адептов.

Возвращение сталинизма являлось в 1990-е годы фактически главным пугалом общества. Это пугало власть использовала в борьбе с «красно-коричневой» оппозицией. В разгар этой борьбы и вышел фильм Михаила Туманишвили «Завещание Сталина» [23]. Герой фильма Иван Сташков в исполнении Алексея Жаркова – обладатель сталинского завещания, подделав документы, объявляет себя незаконнорожденным сыном вождя. И этого было достаточно, чтобы дремавшие силы сталинизма проявили себя. Сташков становится Президентом России и, выступая с трибуны Мавзолея Ленина, предъявляет ультиматум странам НАТО с требованием их вхождения в состав единого СССР, провозглашает себя главой всей Земли, уполномоченным вести переговоры с представителями внеземных цивилизаций. Сталин в фильмах этой генерации оказывался персонификацией коммунистической идеологии.

Проходит время, и кинематографический образ Сталина становится иным. В различных фильмах и телесериалах он представляется как мудрый, прагматичный политик, человек стальной выдержки. Он в этом смысле – отличный управленец. Но при этом Сталин в диссонанс с фильмами прежних генераций отделяется от коммунистической идеологии. Он может, скорее, рассуждать о русском народе, но не о перспективах победы коммунизма. К фильмам со Сталиным – мудрым управленцем относятся: «Приказано уничтожить! Операция: «Китайская шкатулка»

(2009г.) [48], «Жуков» (2011 г.) [22], «Сын отца народов» (2013 г.) [57], «Власик. Тень Сталина» (2017 г.) [12] и др.

«БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ»

Лучшим фильмом по истории Великой Отечественной войны, снятым в постсоветский период, критиками часто признается кинокартина российско-белорусского производства 2010 года «Брестская крепость» режиссера Александра Котта [7]. В качестве сильной стороны фильма указывался высокий уровень исторической достоверности. Установка на достоверность была принята при создании кинокартины исходно. Соответствие материала фактам перепроверялось научными работниками мемориала «Брестская крепость». С точки зрения популярного блогера и кинокритика Д. Ю. Пучкова (Гоблина), соответствующие положительные качества фильма явились следствием участия в его создании белорусской стороны [7].

Впрочем, даже в «Брестской крепости» не обошлось без выпадов против советской системы. В фильме сообщалось, что возглавивший оборону цитадели майор Пётр Гаврилов, взятый немцами в плен, был после войны в СССР репрессирован. Эта информация не соответствует действительности. Гаврилов после освобождения из плена, где он, кстати, сошелся с генералом Д. М. Карбышевым, был направлен в фильтрационный лагерь. Прохождение фильтрационного лагеря являлось обязательной мерой для бывших пленных, что было оправдано ввиду имеющих фактов коллаборационизма. Но содержание в фильтрационном лагере репрессалией считать невозможно. Гаврилова недружелюбно встретили после войны в его родном селе, подозревая в предательстве. Но и это, естественно, нельзя квалифицировать в качестве репрессалии. Благодаря разским писателю Сер М Смирнова о защитниках Брест-

нистические взгляды, убежденность в торжестве идеалов СССР [28; 59]. Зою создатели фильма превратили в человека, разделявшего ценности, которые в Советском Союзе определялись как мелкобуржуазные [25].

«1941. КРЫЛЬЯ НАД БЕРЛИНОМ»

Уже в 2022 году в продолжение военной тематики вышел в прокат фильм Константина Буслова «1941. Крылья над Берлином», посвященный первой советской бомбардировке германской столицы [64]. Взятый сюжет действительно раскрывал одну малоизвестную, но яркую страницу истории Великой Отечественной войны. Нахождение новых сюжетов героической визуализации может быть признано сильной стороной современного кинематографа, что не отменяет недостатков по другим позициям.

Фильм критиковался за неточность в использовании бомбардировщиков – не тех, которые в действительности бомбили Берлин в августе 1941 года. В этом случае неточность привела к деформации исторических выводов. Используемые в фильме образцы бомбардировщиков были устаревшими, что давало основание акцентировать внимание на изношенности машин. Отсюда должен был следовать вывод о военно-техническом отставании от противника и недостаточной подготовленности страны к войне. В действительности же Берлин бомбили бомбардировщики, введенные в строй только весной 1941 года, известные позже как Ил-4 [11].

«ПОДОЛЬСКИЕ КУРСАНТЫ»

Отсутствием антисоветских образов выгодно отличается в череде фильмов о Великой Отечественной войне кинокартина Вадима Шмелева 2020 года «Подольские курсанты». В фильме раскрывалась, с одной стороны, одна из наиболее героических страниц обороны Москвы, с другой – высокий моральный дух советской молодежи, вчерашних мальчишек [45].

Кинокартина открывала и новое для мас-

сового восприятия имя героя, который был представлен военным разведчиком, десанником Иваном Старчаком в актерском исполнении Сергея Безрукова. Старчак первым в СССР совершил более тысячи прыжков с парашютом, во время войны выполнял важные диверсионные задачи. Однако обращения в связи с присвоением ему звания Героя Советского Союза были отклонены. Фильм «Подольские курсанты» частично компенсировал эту несправедливость, создав образ народного героя [12].

«28 ПАНФИЛОВЦЕВ»

Уникальность фильма «28 панфиловцев» заключалась в том, что средства на него первоначально собирал народ. Возникшая народная инициатива объясняется общественным запросом на правдивое кино по истории Великой Отечественной войны. Правдивость связывалась именно с избавлением от антисоветских штампов. Всего было собрано 35 миллионов рублей. А далее к проекту уже подключились Министерство культуры России и Министерство культуры Казахстана.

Фильм «28 панфиловцев» режиссерского тандема Андрей Шальопа – Ким Дружинин вышел в 2016 году [65]. Его выход был ответом на развернувшуюся общественно-научную дискуссию по факту подвига панфиловцев. За год до выхода фильма директор Госархива Сергей Мироненко опубликовал справку-доклад о расследовании Главной военной прокуратуры 1948 года по обстоятельствам боя у разъезда Дубосеково, из которой следовало, что информация о подвиге является журналистским вымыслом [51]. Развертывается дискуссия. Появляются данные, показывающие некорректность выводов Главной военной прокуратуры. Другие говорили об аморальности попыток отрицания подвига 28 панфиловцев как важного образа народного восприятия войны. Предельно жесткую оценку сторонникам ревизионистской версии дал министр культуры В. Р. Мединский [34]. Пройдет время, и РВИО

рассекретит документы ФСБ, доказывающие, что подвиг панфиловцев был и его описание в точности соответствует исторической реальности [2]. Создатели фильма «28 панфиловцев», когда еще дискуссия была в самом разгаре и ревизионистская версия получила самое широкое распространение, заняли определенно позицию защиты памяти о подвиге у разъезда Дубосеково.

В фильме «28 панфиловцев» поднималась тема межнационального единства советского народа как фактора Победы, нивелированная в других кинокартинах о военном прошлом. Показателен в этом отношении приводимый ниже диалог двух героев обороны, представлявших разные национальности:

– Они сейчас, знаешь, как думают? Что всё рассчитали... Нашли у русских слабое место и сейчас между наших частей – раз, к шоссе и проскочут. А я думаю – очень хорошо, пусть попробуют, да? Заодно покажем им, если они ещё не знают, кто такие русские и что такое у нас слабое место. Точно?

– Покажем... Вообще-то, я казах.

– А казах что, не русский? Что ты мне голову морочишь? Мы же сейчас за Россию дерёмся или за что?

– Да шучу я...

– Шучу... За Казахстан будем драться – всем покажем, кто такие казахи. Уж не сомневайся.

– Договорились... [65].

«СТАЛИНГРАД»

Фильм Фёдора Бондарчука «Сталинград» 2013 года стал определенным прорывом в российском кинематографе с точки зрения используемых в нем технологических спецэффектов [55]. Критики ставили в вину создателям фильма расхождение названия и контента [56]. Описываемые события, сосредоточенные на романтических историях пяти защитников дома в Сталинграде к оставшейся с ними защитнице дома и немецкого капитана к другой русской девушке, размывают сам контекст Сталинградской битвы. В сравнении с другими фильмами о войне в нём

была минимизирована критика советской системы, но при этом воссоздать историю битвы за Сталинград как решающего сражения Второй мировой войны не получилось. Сказывался и перенос шаблонов Голливуда, проявляемых в создании образов супергероев.

Любовь капитана Петера Кана и русской девушки Маши, рефлексирющий образ немецкого офицера были отмечены критиками как спорная сюжетная линия фильма о войне. По прошествии четырех лет после выхода фильма «Сталинград» разразился резонансный инцидент с выступлением школьника из Нового Уренгоя Николая Десятниченко в бундестаге. Его речь, в которой он говорил, что на Восточном фронте были разные немцы, вызвала осуждение в России [61]. Но в определенных смыслах его слова смыкались с идейными пафосами смысла Фёдора Бондарчука о разных немцах. И в этом смысле инцидент со школьником может быть рассмотрен как проявление определенной тенденции в перетолковании прошлого.

«БИТВА ЗА СЕВАСТОПОЛЬ»

Как и к фильму «Сталинград» Фёдора Бондарчука, к кинокартине Сергея Мокрицкого «Битва за Севастополь» предъявлялась претензия рецензентов о расхождении заявленной темы и содержания [5]. Такое расхождение может быть объяснено процедурой формирования государственного заказа на фильмы по исторической проблематике. Фактически фильм «Битва за Севастополь» был не о Севастопольском сражении, а о судьбе знаменитого героя-снайпера Людмилы Павличенко. Моральной темой кинокартины являлась экзистенция участия женщины в войне в одном ряду с мужчинами.

На Украине фильм вышел под название «Незламна» («Несокрушимая»). Увидевшая свет в 2015 году кинокартина была, вероятно, последним совместным российско-украинским производством. Сам факт одновременного выхода фильма на Первом канале Российского телевидения и украинском

телеканале «Украина» 9 мая 2015 года – через год после Майдана и воссоединения Крыма с Россией – являлся огромным свершением. Музыкальные композиции в фильме исполнял Национальный симфонический оркестр Украины. Участником записей являлся музыкант Святослав Вакарчук, известный не только творческой, но и политической деятельностью. Еще тогда, в 2015 году, процесс возраставшей конфронтации был обратим. Отношение к Великой Отечественной войне среди населения России и значительной части населения Украины принципиально совпадало, а Людмила Павличенко могла быть позиционирована в качестве общего героя.

Фильм «Битва за Севастополь» может быть рассмотрен в качестве позитивного опыта открытия и популяризации героев прошлого. Имя Людмилы Павличенко было известно и прежде, но фигурой героев первого ряда отечественной истории из тех, кого должен знать каждый, она стала уже только после выхода кинокартины [40]. В ключевые фразы истории вошли слова снайперши, обращенные к американской общественности во время приезда ее в составе делегации советской молодежи в США: «Мне 25 лет, на фронте я успела уничтожить 309 фашистских захватчиков. Не кажется ли вам, джентльмены, что вы слишком долго прячетесь за моей спиной?» В 2022 году на параде 9 мая Президент России В. В. Путин назвал Людмилу Павличенко вместе с Николаем Ватутиным и Сидором Ковпаком предшественниками современных защитников Донбасса [41].

«Т-34»

Одним из главных и принципиальных недостатков современных российских фильмов о Великой Отечественной войне явилось несоответствие базовых антропологических типов. Советский человек мыслил и чувствовал иначе, чем мыслят и чувствуют представители поколений, выросших в эпоху Интернета. Иным было и отношение к войне.

Такое расхождение обнаруживается, к примеру, при просмотре фильма «Т-34» 2018

года режиссера Алексея Сидорова [63]. На этот диссонанс указывали рецензенты кинокартины. «Это образцово-показательное бесстрашие, этот программный героизм слегка смущают, – писал, к примеру, автор книги «Миражи советского. Очерки современного кино» Антон Долин. – Поначалу сам не понимаешь, чем. А потом вспоминаешь, к чему возводит свою генеалогию «Т-34»: к советским фильмам о войне. В лучших из них противниками были не немцы, как здесь, а война как таковая. В «Судьбе человека», «Ивановом детстве», «Летят журавли», «Балладе о солдате», «Проверке на дорогах» при всех различиях было одно концептуальное сходство: они показывали, как человек сохраняет в себе человеческое благодаря стремлению к миру и памяти о нём. Пространство «Т-34» устроено принципиально иначе. Оно отдано тотальной нескончаемой войне, в которой царит утешительная простота: есть наши, есть враги, и врагов надо бить до победного конца. Без боли и горечи, с азартом и остервенением игроков компьютерного чемпионата» [18, С. 173–174].

С большой степенью универсальности эти слова о кинокартине «Т-34» могут быть применимы и к другим современным российским кинокартинам о войне.

ШТРАФБАТЫ, ЗАГРАДОТЯДЫ, СМЕРШЕВЦЫ И НКВД: МИФЫ «ДРУГОЙ ВОЙНЫ»

Тема штрафбатов в войне, ввиду тиражируемости от фильма к фильму, приводит к деформируемому представлению, как об СССР, так и о военной Победе. Безусловно, штрафбаты существовали. Но в общей совокупности призванных на фронт удельный вес штрафников составлял 1,24 % сил. Штрафники не были и не могли быть решающей силой. Штрафбатовец не являлся типичным образом солдата, сражающегося за Родину. Перекос в сторону штрафбатовской темы в российском кино о войне не может не квалифицироваться как мифологизация [50; 52].

Наряду со штрафбатами особо любимым

образом в фильмах о войне выступают заградотряды. Аналоги заградотрядов существовали в армиях мира с античных времен, и опыт Красной армии периода войны не являлся беспрецедентным. Большинство задержанных заградотрядовцами направлялись в воинские части, а вовсе не расстреливались, как это показано в фильмах. Зачастую заградотряды вступали в бой с прорвавшими линию фронта войсками противника [49].

Однако в целой череде российских фильмов представлены разоблачающие советский режим сцены расстрела заградотрядовцами своих. Абсолютным вымыслом оказываются представленные в фильмах сцены, когда заградотрядовцы огнем в спину подгоняли вперед атаки красноармейцев. Ничего подобного в истории Великой Отечественной войны не было. Само же использование таких сцен подводит к выводу, что не героизм, а страх быть убитым своими и обреченность будто бы заставляла подниматься солдат в атаки. Образы стреляющих по своим заградотрядовцев представлены, в частности, в фильмах «Гу-га» (1989 г.) [15], «Штрафбат» (2004 г.) [62], «Утомлённые солнцем – 2» (2010 г.) [60], «Паршивые овцы» (2010 г.) [42].

Акцентировка темы НКВД в фильмах о войне также привела к созданию исторического мифа. Первоначально развивалась мифология «кровавых энкавэдэшников», опричников партии. Энкавэдэшник противопоставлялся солдату и офицеру. Герой фильма побеждает немцев, но оказывается жертвой «своих». Производится подмена: основным злом оказываются не нацисты, а собственный государственный режим. Среди фильмов, представляющих сюжетную линию НКВД против общества, можно указать такие, как «Охота на единорога» (1989 г.) [39], «Кукушка» (2002 г.) [29], «В июне 41-го» (2003 г.) [10], «Штрафбат» (2004 г.) [62], «На безымянной высоте» (2004 г.) [37], «День Победы» (2006 г.) [16], «Первый после Бога» (2005 г.) [43], «Последний бой майора Пугачева» (2005 г.) [47], «Сволочи» (2006 г.) [53], «Апостол» (2008 г.) [1], «Поп» (2009 г.) [46], «Утомлённые солнцем – 2» (2010 г.) [60], «Парши-

вые овцы» (2010 г.) [42], «Мы из будущего – 2» (2010 г.) [35], «Служу Советскому Союзу!» (2012 г.) [54], «Дорога на Берлин» (2015 г.) [19], «Желтый песочек» (2017 г.) [21], «Топор» (2018 г.) [58].

Другой стороной отражения роли НКВД, равно как Смерша и войсковой разведки, в войне стало развитие жанра боевика, в рамках которого супергерои из органов внутренних дел и вносят решающий вклад в Победу. Побеждают герои-одиночки, а не народ и не система. Типичным примером такого кино стал сериал «Диверсант» 2004 года режиссера Андрея Малюкова с последующими продолжениями 2007, 2020 и 2022 годов [17].

Удачным драматическим примером раскрытия функций Смерша в войне может быть признан фильм «В августе 44-го» [9]. В нём, вероятно, впервые были в позитивном ракурсе представлены смершевы, показан высокий уровень их профессионализма. Но вынуждены они действовать для успешного решения боевых задач в противоречии с несовершенной командно-административной машиной. Местные западнобелорусские коллаборационисты – враги советской власти – показаны в фильме как серьезные и убежденные в своей правоте противники. Характерно, что автор романа «Момент истины (В августе 44-го)», по мотивам которого был снят фильм, негативно отозвался о нём, ввиду утраты исходного смыслового содержания книги, и попросил убрать свою фамилию из титров [36].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое рассмотрение представления в российских фильмах Великой Отечественной войны позволяет говорить о существенном расхождении кинематографической версии истории с ее народным восприятием. В современном кино о Великой Отечественной войне фиксируется наличие компонент, которые могли бы быть квалифицированы в качестве рецидивов антисоветизма. Прослеживается при этом определенная эволюция от интерпретации советской истории с либе-

ральных к интерпретации с государственно-консервативных позиций. В сравнении с кинематографом первого послесоветского десятилетия в новом российском кино стали акцентировать внимание на великих победах и достижениях, создавать мотивационные патристические образы. Однако при этом обнаруживается тенденция к отделению побед советской эпохи от советской идеологии, стремление десоветизировать достижения и подчеркнуть советскость в случаях неудач. Имея в виду, что советские симпатии у населения по-прежнему являются доминирующими, отношение его к современным российским фильмам по истории СССР в целом и по истории Великой Отечественной войны в частности оказывается достаточно критичным. Негативизация советской системы применительно к истории Великой Отечественной войны не позволяет реализовать через кинематограф в должной мере задачи патристического воспитания, и соответствующая позиция требует корректировки.

Библиография / References:

1. Апостол. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://kino.tricolor.tv/series/watch/apostol-2008/> (дата обращения: 25.09.2022).
2. Архив ФСБ рассекретил документы, доказывающие подвиг 28 панфиловцев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.mk.ru/social/2018/12/03/arkhiv-fsb-rassekretil-dokumenty-dokazyvayushhie-podvig-28-panfilovcev.html> (дата обращения: 25.09.2022).
3. Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. – 2003. – №6. – С.31–46.
4. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Современный фашизм: новые облики и проявления. – М.: Наука и политика, 2017. – 328с.
5. Битва за Севастополь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m4Z3GV-DT6Q> (дата обращения: 25.09.2022).
6. Болтянский Г. Ленин и кино. – М.-Л.:

Государственное издательство, 1925. – 96с.

7. Брестская крепость, фильм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://oper.ru/news/read.php?t=1051607101> (дата обращения: 25.09.2022).
8. Брестская крепость. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H00rAnFatP4> (дата обращения: 25.09.2022).
9. В августе 44-го. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yhovRSNOuYE> (дата обращения: 25.09.2022).
10. В июне 41-го. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/395688/> (дата обращения: 25.09.2022).
11. Виноградов Ю.А. Под крыльями – Берлин-М.: Терра-книжный клуб, 2005. – 384с.
12. Власик. Тень Сталина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QtlvLaFJJTbg> (дата обращения: 25.09.2022).
13. Волков Е.В. «Колчаковщина» в советском игровом кино // Новый исторический вестник. 2013. – №35. – С.84–108.
14. Гаврилов П.М. Сражается крепость: (документальная повесть). – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1975. – 94 с.
15. Гу-га. – URL: <https://kinoblog.tv/films/n1967/film-guga.html> (дата обращения: 25.09.2022).
16. День Победы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SCZMG4zjBBI> (дата обращения: 25.09.2022).
17. Диверсант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://vse-chastifilmov.com/729-diversant-vse-chasti.html> (дата обращения: 25.09.2022).
18. Долин А.В. Миражи советского: очерки современного кино. – М.: АСТ, 2020. – 391 с.
19. Дорога на Берлин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.youtube.com/watch?v=DjHTWMP_T1U (дата обращения: 25.09.2022).
20. Дронов В.А. Историческая и атрибу-

- тивная достоверность изображения врага в современных фильмах о Великой Отечественной войне // Власть. – 2013. – Том 21. – №4. – С. 182–186.
21. Желтый песочек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vs71wd4YYT4> (дата обращения: 25.09.2022).
22. Жуков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=17II47c1q8Y> (дата обращения: 25.09.2022).
23. Завещание Сталина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EaoRUZSheSw> (дата обращения: 28.09.2022).
24. Закиров О.А. Исторические фильмы СССР 1936–1946 гг.: патриотическое освещение дореволюционного прошлого средствами игрового кино. Диссертация ... кандидата исторических наук. – М.: МПГУ, 2011. – 393 с.
25. Зоя (Спасение рядового Иисуса). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.youtube.com/watch?v=nIkh6C3_CX8 (дата обращения: 25.09.2022).
26. Зоя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.iv.ru/watch/419043> (дата обращение 25.09.2022).
27. Колесникова А.Г. Образ немца в советском художественном кинематографе периода Великой Отечественной войны: к проблеме межнационального восприятия // Клио. – 2013. – № 11. – С. 92–95.
28. Космодемьянская Л.Т. Повесть о Зое и Шуре. – Л.: Лениздат, 1984. – 256 с.
29. Кукушка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=34qTK6KJzqg> (дата обращения: 25.09.2022).
30. Лемберик И.М. Капитан Старчак. Год жизни парашютиста-разведчика. – М.: Воениздат, 1960. – 132с.
31. Лидерман Ю.Г. Мотивы «проверки» и «испытания» в постсоветской культуре (на материале кинематографа 1990-х годов): дисс. ... канд. культурологических наук. – М., 2004. – 162 с.
32. Лямзин А.В. Базовые образы Великой Отечественной войны в советском и постсоветском кинематографе как элементы национальной российской идентичности // История и современное мировоззрение. – 2019. – № 1. – С.73–80.
33. Макаров Д.В., Дронов В.А. Динамика образа врага в современных фильмах о Великой Отечественной войне // Власть. – 2013. – Том 21. – №2. – С.160–163.
34. Мединский назвал «конченными мразями» сомневающимися в подвиге панфиловцев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20161004/1478502045.html> (дата обращения: 25.09.2022).
35. Мы из будущего – 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.iv.ru/watch/105708> (дата обращения: 25.09.2022).
36. Мы снова побывали «в августе 44-го...». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.kp.ru/daily/22554/9373/> (дата обращения: 25.09.2022).
37. На безымянной высоте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.iv.ru/watch/na-bezymyannoy-vysote> (дата обращения: 25.09.2022).
38. Орлова А.С. Способы воплощения «образа врага» в советском киноискусстве 1940-х (на материале художественных фильмов о Великой Отечественной войне) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – №4. – С.27–31.
39. Охота на единорога. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=56PbFmyuszg> (дата обращения: 25.09.2022).
40. Павличенко Л.М. Героическая быль: Оборона Севастополя 1941–1942 гг. – М.: Госполитиздат, 1958. – 72с.
41. Парад Победы на Красной площади. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/68366> (дата обращения: 25.09.2022).
42. Паршивые овцы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.film.ru/serials/parshivye-ovcy> (дата

- обращения: 25.09.2022).
43. Первый после Бога. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XI-PBvO0wh8> (дата обращения: 25.09.2022).
44. Пирсы Валтасара, или Ночь со Сталиным. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OZf2qBZNUAY> (дата обращения: 25.09.2022).
45. Подольские курсанты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.iv.ru/watch/225050> (дата обращения: 25.09.2022).
46. Поп. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SArCQWH3hI0> (дата обращения: 25.09.2022).
47. Последний бой майора Пугачева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.iv.ru/watch/poslednij-boj-majora-pugacheva> (дата обращения: 25.09.2022).
48. Приказано уничтожить! Операция: «Китайская шкатулка». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://smotrim.ru/brand/8214> (дата обращения: 25.09.2022).
49. Пыхалов И.В. Великая оболганная война. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 512с.
50. Пыхалов И., Пыльцын А., Васильченко А. Штрафбаты по обе стороны фронта. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 544с.
51. «Разоблачение фальсификатора и изготовленной им фальшивки неизбежно». Директор Государственного архива РФ Сергей Мироненко о пользе чтения исторических документов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2712788> (дата обращения: 25.09.2022).
52. Рубцов Ю.В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране. – М.: Вече, 2007. – 432с.
53. Сволочи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ydQ9vEWfzgc> (дата обращения: 25.09.2022).
54. Служу Советскому Союзу! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nn36u6ffZ8k> (дата обращения: 25.09.2022).
55. Сталинград. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/46039725d78ec4868cf1b43c6020a548/> (дата обращения: 25.09.2022).
56. Сталинград: они сражались за Катю. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w493rceMQ14> (дата обращения: 25.09.2022).
57. Сын отца народов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.iv.ru/watch/syin_ottsa_narodov (дата обращения: 25.09.2022).
58. Топор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rutube.ru/video/c026f6b57b06b129967d857f9a3688da/> (дата обращения: 25.09.2022).
59. Успенский В.Д. Зоя Космодемьянская. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 240с.
60. Утомленные солнцем – 2. Предстояние. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.youtube.com/watch?v=ge3G_vfcEYM; Утомленные солнцем – 2. Цитадель. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aOSIR1uG7ig> (дата обращения: 25.09.2022).
61. Школьник из Нового Уренгоя рассказал в бундестаге о «невинно погибших» солдатах вермахта. Его обвинили в реабилитации нацизма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://daily.afisha.ru/news/12649-shkolnik-iz-novogo-urengoya-rasskazal-v-bundestage-o-nevinno-pogibshih-soldat-vermahta-ego-obvinili-v-reabilitacii-nacizma/> (дата обращения: 25.09.2022).
62. Штрафбат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://smotrim.ru/brand/22625> (дата обращения: 25.09.2022).
63. «Т-34». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H2XsHjG1Ug> (дата обращения: 25.09.2022).
64. 1941. Крылья над Берлином. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.film.ru/movies/1941-krylya-nad-berlinom> (дата обращения: 25.09.2022).

65. 28 панфиловцев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/764465/> (дата обращения: 25.09.2022).
1. Apostol. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://kino.tricolor.tv/series/watch/apostol-2008/> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
2. Arkhiv FSB rassekretil dokumenty, dokazyvayushchiye podvig 28 panfilovtsev. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.mk.ru/social/2018/12/03/arkhiv-fsb-rassekretil-dokumenty-dokazyvayushhie-podvig-28-panfilovcev.html> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
3. Bagdasaryan V.E. (2003) Obraz vraga v istoricheskikh fil'makh 1930–1940-kh godov [The Image of the Enemy in Historical Films of the 1930s–1940s] // Otechestvennaya istoriya. – №6. – S.31–46. (In Russ.).
4. Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. (2017) Sovremennyy fashizm: novyye obliki i proyavleniya [Modern fascism: new faces and manifestations]. – M.: Nauka i politika, 2017. – 328s. (In Russ.).
5. Bitva za Sevastopol'. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m4Z3GV-DT6Q> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
6. Boltyanskiy G. (1925) Lenin i kino [Lenin and cinema]. – M.-L.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo. – 96s. (In Russ.).
7. Brestskaya krepost', fil'm. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://oper.ru/news/read.php?t=1051607101> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
8. Brestskaya krepost'. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HO0rAnFatP4> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
9. V avguste 44-go. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yhovRSNOuYE> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
- 10 V iyune 41-go. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/395688/> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
11. Vinogradov Yu.A. Pod kryl'yami [Under the wings]. – Berlin. – M.: Terra-knizhnyy klub, 2005. – 384s. (In Russ.).
12. Vlasik. Ten' Stalina. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QvtLaFJJTbg> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
13. Volkov Ye.V. (2013) «Kolchakovshchina» v sovetskom igrovom kino [«Kolchakovshchina» in Soviet feature films] // Novyy istoricheskiy vestnik. – №35. – S.84–108. (In Russ.).
14. Gavrilov P.M. (1975) Srazhayetsya krepost': (Dokumental'naya povest') [The fortress is fighting: (Documentary story)]. – Krasnodar: Krasnodarskoye knizhnoye izdatel'stvo. – 94s. (In Russ.).
15. Gu-ga. – URL: <https://kinoblog.tv/films/n1967/film-guga.html> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
16. Den' Pobedy. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SCZMG4zjBBI> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
17. Diversant. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://vse-chasti-filmov.com/729-diversant-vse-chasti.html> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
18. Dolin A.V. (2020) Mirazhi sovetskogo: ocherki sovremennogo kino [Soviet mirages: essays on modern cinema]. – M.: AST. – 391s. (In Russ.).
19. Doroga na Berlin. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.youtube.com/watch?v=DjHTWMP_T1U (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
20. Dronov V.A. (2013) Istoricheskaya i atributivnaya dostovernost' izobrazheniya vraga v sovremennykh fil'makh o Velikoy Otechestvennoy voyne [Historical and attributive authenticity of the image of the enemy in modern films about the Great Patriotic War] // Vlast'. – Tom.21. – №4. – S.182–186. (In Russ.).
21. Zheltyy pesochek. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL:

- <https://www.youtube.com/watch?v=vs71wd4YYT4> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
22. Zhukov. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=17II47c1q8Y> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
23. Zaveshchaniye Stalina. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EaoRUZSheSw> (data obrashcheniya: 28.09.2022). (In Russ.).
24. Zakirov O.A. (2011) Istoricheskiye fil'my SSSR 1936-1946gg.: patrioticheskoye osveshcheniye dorevolyutsionnogo proshlogo sredstvami igrovogo kino [Historical films of the USSR 1936–1946: patriotic coverage of the pre-revolutionary past by means of feature films]. Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk. – M.: MPGU. – 393s. (In Russ.).
25. Zoya (Spaseniye ryadovogo lisusa). [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.youtube.com/watch?v=nIkh6C3_CX8 (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
26. Zoya. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.ivi.ru/watch/419043> (data obrashcheniya 25.09.2022). (In Russ.).
27. Kolesnikova A.G. (2013) Obraz nemtsa v sovetskom khudozhestvennom kinematografe perioda Velikoy Otechestvennoy voyny: k probleme mezhnatsional'nogo vospriyatiya [The image of a German in Soviet art cinema during the Great Patriotic War: to the problem of inter-ethnic perception] // Klio. – №11. – S.92–95. (In Russ.).
28. Kosmodem'yanskaya L.T. (1984) Povest' o Zoye i Shure [The story of Zoya and Shura]. – L.: Lenizdat. – 256s. (In Russ.).
29. Kukushka. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim do-stupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=34qTK6KJZqg> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
30. Lemberik I.M. (1960) Kapitan Starchak. God zhizni parashyutista-razvedchika [Captain Starch. Year of the life of a reconnaissance paratrooper]. – M.: Voenizdat. – 132s. (In Russ.).
31. Liderman Yu.G. (2004) Motivy «proverki» i «ispytaniya» v postsovetskoy kul'ture (Na materiale kinematografa 1990-kh godov). [Motifs of «Checking» and «Testing» in Post-Soviet Cul-ture (On the Material of Cinematography of the 1990s).]: diss. ... kand. kul'turologicheskikh nauk. – M., 2004. – 162s. (In Russ.).
32. Lyamzin A.V. (2019) Bazovyye obrazy Velikoy Otechestvennoy voyny v sovetskom i postsovetskom kinematografe kak elementy natsional'noy rossiyskoy identichnosti [Basic Images of the Great Patriotic War in Soviet and Post-Soviet Cinema as Elements of National Russian Identity] // Istoriya i sovremennoye mirovozzreniye. – №1. – S.73–80. (In Russ.).
33. Makarov D.V., Dronov V.A. (2013) Dinamika obraza vruga v sovremennykh fil'makh o Velikoy Otechestvennoy voyne [The dynamics of the image of the enemy in modern films about the Great Patriotic War] // Vlast'. – Tom.21. – №2. – S.160–163. (In Russ.).
34. Medinskiy nazval «konchenymi mrazyami» somnevayushchikhsya v podvige panfilovtsev. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://ria.ru/20161004/1478502045.html> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
35. My iz budushchego – 2. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.ivi.ru/watch/105708> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
36. My snova pobывali «v avguste 44-go...». [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.kp.ru/daily/22554/9373/> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
37. Na bezymyannoy vysote. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.ivi.ru/watch/na-bezymyannoy-vysote> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
38. Orlova A.S. (2015) Sposoby voploshcheniya «obraza vruga» v sovetskom kinoiskusstve 1940-kh (na materiale khudozhestvennykh fil'mov o Velikoy Otechestvennoy voyne) [Ways of embodying the «image of the enemy» in the Soviet cinema art of the 1940s (on the material of feature films about the Great Patriotic War)] // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. – №4. – S.27–31. (In Russ.).
39. Okhota na yedinoroga. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=56PbFmyszg> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).

40. Pavlichenko L.M. (1958) Geroicheskaya byl': Oborona Sevastopolya 1941–1942gg. [Heroic Reality: The Defense of Sevastopol 1941–1942]. – M.: Gospolitizdat. – 72s. (In Russ.).
41. Parad Pobedy na Krasnoy ploshchadi. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/68366> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
42. Parshivyye ovtsy. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.film.ru/serials/parshivyye-ovtsy> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
43. Pervyy posle Boga. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XI-PBvO0wh8> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
44. Piry Valtasara, ili Noch' so Stalinym. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OZf2qBZNUAY> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
45. Podol'skiye kursanty. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.ivi.ru/watch/225050> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
46. Pop. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SArCQWH3hI0> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
47. Posledniy boy mayora Pugacheva. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.ivi.ru/watch/poslednij-boj-majora-pugacheva> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
48. Prikazano unichtozhit! Operatsiya: «Kitayskaya shkatulka». [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://smotrim.ru/brand/8214> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
49. Pykhalov I.V. Velikaya obolgannaya vojna [Great slanderous war]. – M.: Yauza, Eksmo, 2006. – 512s. (In Russ.).
50. Pykhalov I., Pyl'tsyn A., Vasil'chenko A. (2007) Shtrafbaty po obe storony fronta [Penal battalions on both sides of the front]. – M.: Yauza, Eksmo. – 544s. (In Russ.).
51. «Razoblacheniye fal'sifikatora i izgotovlennoy im fal'shivki neizbezhno». Direktor Gosudarstvennogo arkhiva RF Sergey Mironenko o pol'ze chteniya istoricheskikh dokumentov. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2712788> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
52. Rubtsov Yu.V. (2007) Shtrafniki Velikoy Otechestvennoy. V zhizni i na ekrane [Penal boxes of the Great Patriotic War. In life and on screen]. – M.: Veche. – 432s. (In Russ.).
53. Svolochi. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ydQ9vEWfzgc> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
54. Sluzhu Sovetskomu Soyuzu! [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nn36u6ffZ8k> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
55. Stalingrad. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://hd.kinopoisk.ru/film/46039725d78ec4868cf1b43c6020a548/> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
56. Stalingrad: oni srazhalis' za Katyu. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w493rceMQ14> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
57. Syn ottsa narodov. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.ivi.ru/watch/syin_ottsa_narodov (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
58. Topor. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://rutube.ru/video/c026f6b57b06b129967d857f9a3688da/> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
59. Uspenskiy V.D. (1989) Zoya Kosmodem'yanskaya [Zoya Kosmodemyanskaya]. – M.: Molodaya gvardiya. – 240s. (In Russ.).
60. Utomlennyye solntsem – 2. Predstoyaniye. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.youtube.com/watch?v=ge3G_vfcEYM; Utomlennyye solntsem – 2. Tsitadel'. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aOSIR1uG7ig> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).
61. Shkol'nik iz Novogo Urengoya rasskazal v bundestage o «nevinno pogibshikh» soldatakh

vermakhta. Yego obvinili v reabilitatsii natsizma. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://daily.afisha.ru/news/12649-shkolnik-iz-novogo-urengoya-rasskazal-v-bundestage-o-nevinno-pogibshih-soldat-vermahta-ego-obvinili-v-reabilitacii-nacizma/> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).

62. Shtrafbat. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://smotrim.ru/brand/22625> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).

63. «Т-34». [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H2XshJG1IUg> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).

64. 1941. Kryl'ya nad Berlinom. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.film.ru/movies/1941-krylya-nad-berlinom> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).

65. 28 panfilovtsev. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/764465/> (data obrashcheniya: 25.09.2022). (In Russ.).

УДК 355.65:351.746.1(470.319)"1921/1922"

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-26-35

СОКОЛОВ Михаил Владимирович, соискатель, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: fmmy@yandex.ru

SOKOLOV M.V., Applicant, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: fmmy@yandex.ru

СИСТЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ ОРЛОВСКОГО ОКРУГА ВОЙСК ВЧК В 1921–1922 ГГ.

THE FOOD SUPPLY SYSTEM OF OREL REGION OF CHEKA TROOPS IN 1921–1922

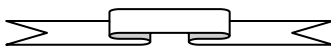
Аннотация. Целью статьи является исследование системы снабжения продовольствием Орловского округа войск ВЧК-ГПУ в 1921–1922 года. Анализируется штатный состав Управления военно-продовольственного снабжения войск ВЧК-ГПУ, подчинявшегося народному комиссариату продовольствия. Зона ответственности Управления простиралась на территории Орловской, Тамбовской, Воронежской и Курской губерний. Продовольствие производилось самостоятельно в военных совхозах и на военных огородах, которые обслуживались трудармейцами и вольнонаёмными работниками. Также продукты закупались на свободном рынке, который развивается после начала проведения Новой экономической политики в марте 1921 года. Значительная часть продовольствия бойцам и командирам Орловского округа войск ВЧК-ГПУ поступала централизованно по нарядам наркомпрода, которые реализовывались сотрудниками Управления на территории округа, в соседних регионах. Продукты доставлялись также и из советской Белоруссии и Украины. Военно-продовольственные органы Орловского округа войск ВЧК-ГПУ, помимо выполнения прямых обязанностей, дополнительно занимались политической работой в войсках и благотворительностью в отношении инвалидов.

Ключевые слова: Орловский округ войск ВЧК-ГПУ, Орловская губерния, Орловский военный округ, продовольственное снабжение.

Abstract. The purpose of the article is to study the food supply system of Orel region of CHEKA troops in 1921–1922. The staff of the Department, which was subordinate to the People's Commissariat of Food, is analyzed.

The area of responsibility of the Department extended to the territory of Oryol, Tambov, Voronezh and Kursk provinces. Food was produced independently in military state farms and in military vegetable gardens, which were serviced by labor soldiers and freelancers. Also, products were purchased on the free market, which unfolded after the start of the New Economic Policy in March 1921. A significant part of the food for the soldiers and commanders of Oryol region of CHEKA troops came centrally according to the orders of the People's Commissariat of Food, which were implemented by the Management staff on the territory of the district, in neighboring regions, as well as products were delivered from Soviet Belarus and Soviet Ukraine. The military food authorities of the Orel district of the Cheka-GPU troops, in addition to performing their direct duties, were additionally engaged in political work in the troops and charity for the disabled.

Keywords: Oryol region of the CHEKA troops, Oryol province, Oryol Military District, food supply.

ВВЕДЕНИЕ

Войска ВЧК были созданы 19 января 1921 года по решению Совета труда и обороны (СТО). Чекистские воинские части были распределены по территориальным округам. Орловский округ войск ВЧК включал в свой состав территории Орловской, Тамбовской, Воронежской и Курской губерний [14, С. 71]. Начальником Орловского округа войск ГПУ вначале был Б. В. Лавровский (1889–1988 г.) [7], а к 1921 году на эту должность назначается Фрадько [5; Л. 42], а в 1922 году – Лобачёв [5; Л. 8 об.].

Одной из задач создания особых воинских подразделений в составе органов государственной безопасности было освобождение частей РККА от выполнения заданий по борьбе с внутренней контрреволюцией. Это требовалось и ввиду предстоящего сокращения численности войск, поскольку основные задачи по борьбе с внешним противником к этому времени были уже решены, и ввиду социального состава Красной армии, состоящей к этому времени в значительной степени из мобилизованных крестьян, восстания которых против политики «военного коммунизма» и требовалось подавлять. Предполагалось, что классовый отбор в войска ВЧК избавит их от прокрестьянских настроений и позволит эффективно решить проблемы борьбы с внутренней контрреволюцией.

Вероятно, изначально при создании войск ВЧК предполагалось использовать армейский опыт строительства вооружённых сил. В частности, опыт создания военных округов, Орловский округ войск ВЧК совпал в своих границах с границами Орловского военного округа, включавшего Орловскую, Тамбовскую, Воронежскую и Курскую губернии. И ликвидированы эти два Орловских округа были почти одновременно: военный – 9 марта 1922 года, а округ войск ВЧК – 20 марта того же года.

В целях экономии государственных ресурсов было решено не дублировать в полном объёме системы обеспечения войск РККА и войск ВЧК обоих Орловских округов,

а использовать опыт, уже наработанный в созданном 13 марта 1918 года Орловском военном округе 1-го формирования.

При этом руководство Орловского округа войск ВЧК располагало всей документацией – нормативной и текущей, которая позволяла ориентироваться в проблемах служб обеспечения. Именно по этой причине в архивном фонде начальника войск ВЧК Орловского округа [5] отложились документы, связанные с продовольственным снабжением обоих округов. На основании этих документов рассмотрим систему продовольственного снабжения Орловского округа войск ВЧК, а с 6 февраля 1922 года, после упразднения чрезвычайной комиссии, войск ГПУ.

Следует отметить, что в деле продовольственного снабжения войска ВЧК – ГПУ строго отделялись от местных органов государственной безопасности. Председатель ВЦИК М. И. Калинин 5 сентября 1921 года отдал распоряжение, что недопустимы вмешательства со стороны местных организаций (органы ЧК, милиция, отряды особого назначения и т. п.) в работу Главснабпродарма и его местных органов [12, С. 6; С. 7].

Основу системы продовольственного снабжения составляло Управление военно-продовольственного снабжения войск Орловского военного округа. Согласно приказу наркомпрода № 165/117 от 18 июля 1921 года тыловые органы Главснабпродарма разделялись на территориальные и линейные. Территориальными военпродорганами в военных округах являлись окружные управления военно-продовольственного снабжения, а линейными – управления военно-продовольственного снабжения дивизий и уполномоченные при полках или воинских частях, не входящих в состав линейных объединений: по одному – на каждые 2000 человек едоков в войсковых частях и по одному – на каждые 15 в управлении и учреждениях [12, С. 4; С. 1]. Отметим, что органы военно-продовольственного снабжения кормили не только военнослужащих, но и членов семей командного состава (правда, на каждого члена семьи полагалось только по поло-

вине пайка) [8; 2]. При этом по распоряжению председателя Совета труда и обороны В. И. Ленина от 17 августа 1921 года проверке правильности зачисления на воендовольствие должны были проверять комиссии, составленные из представителей РВСР, Главснабпродарма и РКИ [8, С. 8]. Причём подчёркивалось, что семьи начальствующего состава военно-продовольственных органов ВЧК удовлетворяются продовольствием по нормативам Красной армии [15, Л. 10].

Штат сотрудников Управления военно-продовольственного снабжения войск Орловского военного округа состоял из 126 человек во главе с начальником (начупродокра, как обозначалась должность в документах того времени) А. М. Шелеховым [1, С. 2]. В его непосредственном подчинении имелись помощник, сотрудник для поручений, уполномоченный и девушка-переписчик.

Управление состояло из отделов и частей. В административном отделе под началом Г. Н. Лазича, которому непосредственно подчинялись агент для поручений 1-го разряда Н. В. Федотов и чертёжник К. К. Павлов, находились: административное отделение в составе начальника отделения Н. Б. Норко, старшего делопроизводителя, двух журналистов (они вели журналы учётов), трёх переписчиков, старшего делопроизводителя и счетовода; в хозяйственном отделении во главе с И. Н. Луссом работали: старший делопроизводитель, агент 1-го разряда, заведующий хозяйством, счетовод, переписчик, четыре курьера, три уборщицы, истопник, слесарь, два шофера, четыре повозочных, рабочий, судомойка и два телефониста. Обратим внимание, что для хозяйственных нужд управления использовались как автомобильный, так и гужевой транспорт, что требовало достаточно громоздкой хозяйственной инфраструктуры, которая должна была включать гаражи и конюшни, каретные сараи и помещения для фуража. В управлении был собственный телефонный узел [6, Л. 1].

Следующие два подразделения административного отдела имели штат поменьше –

в организационном отделении в подчинении у С. Н. Стребуржинского было четыре делопроизводителя – два старших и два младших, переписчик и конторщик; а в организационной части начальнику Николаю Вереснёву были подчинены лишь два инструктора по оргчасти и переписчик.

В составе адмотдела было еще одно подразделение – информационное – в составе начальника А. Ф. Маурера со старшим делопроизводителем, переписчиком и ротаторщиком, который тиражировал бланки исходящих документов и инструктивные материалы.

Как видим из штатного расписания, административный отдел обеспечивал основные потребности инфраструктуры всего Управления военно-продовольственного снабжения войск Орловского округа войск ВЧК.

Основным рабочим органом управления был отдел снабжения. Его начальником в январе 1922 года был Георгий Марголис, в его прямом подчинении были: помощник, два инструктора, сотрудник 1-го разряда и журналистка. Для координации работы отдела действовало общее отделение во главе с Николаем Горленко, в распоряжении которого были два старших делопроизводителя. Два следующих отделения – продовольственное (начальник Михаил Бражник и три старших делопроизводителя) и товарное (начальник Василий Хромин и один старший делопроизводитель) – занимались учётом. Наиболее активным и многочисленным в составе отдела снабжения было агентурно-транспортное отделение. В его составе находились: начальник отделения Константин Покровский, два старших делопроизводителя, пять старших и три младших агента. Восемь последних сотрудников как раз и занимались поиском продовольствия и его доставкой по территории Орловского округа войск ВЧК. Ещё одним структурным подразделением отдела снабжения была часть с говорящим названием – «распределительная» – во главе с Сергеем Ильинским [6, Л. 1].

Заготовительно-продовольственная часть

под руководством начальника Николая Рыжова объединяла три отделения: сельскохозяйственное (начальник Иван Пятibrатов и один старший агент), производственно-техническое (начальник Георгий Ващинский, технический инструктор, старший агент и старший делопроизводитель) и заготовительное отделение, возглавляемое Олегом Орловым, в составе отделения было два человека – старший делопроизводитель и инструктор по заготовкам.

Планирование, нормирование, финансовое обеспечение работы управления были сосредоточены в учётно-расчётном отделе под началом его руководителя Георгия Юдина, которому помогали сотрудник для поручений 1-го разряда и журналист, находились четыре структурные единицы.

Инструкторское отделение учётно-расчётного отдела возглавлял Алексей Малиновский, в его распоряжении находились два инструктора и один счетовод. В составе кредитно-сметной части на 1 января 1922 года значился лишь её начальник – Эдуард Репман. У руководителя сметного отделения Владислава Ардзиевского было два подчинённых – бухгалтер и счетовод. Расчётное отделение Алексея Ершова состояло из трёх подчинённых – бухгалтера, счетовода и казначея. Судя по отсутствию в штатном расписании других казначеев или кассиров, именно в расчётном отделении учётно-расчётного отдела хранилась вся использовавшаяся в Управлении военно-продовольственного снабжения войск Орловского военного округа наличность как для расчётов с поставщиками, так и для выплаты жалования сотрудникам [6, Л. 2].

Еще одним структурным подразделением управления являлась часть учёта снабжения во главе с её начальником Алексеем Ребровым, которая проводила операции по учёту и контролю движения продуктов по частям войск ВЧК – ГПУ Орловского военного округа. Илья Смирнов стоял во главе отделения учёта потребностей войск в продовольствии, этот учёт вели бухгалтер и счетовод. Отделение учёта исполнения планов возглавлял Иван

Наумов, а работа выполнялась старшим делопроизводителем и счетоводом. В отделении учёта движения продуктов отсутствовала ставка начальника, а в январе 1922 года значились лишь бухгалтер Иван Родин и счетовод. Наконец, в отделении учёта сельскохозяйственных операций и производств начальник отделения Сергей Сувилов руководил работой трёх счетоводов, которые вели статистику работы собственных сельхозпредприятий, находившихся в распоряжении Орловского округа войск ВЧК – ГПУ [6, Л. 1–2].

Помимо сотрудников, заполнявших штаты Управления военно-продовольственного снабжения войск Орловского военного округа, в начале 1922 года в учреждении имелся ещё и кадровый резерв в составе трёх человек Управления военно-продовольственного снабжения войск Орловского военного округа. Следует отметить, что ещё в 1921 году наблюдался дефицит военно-продовольственных работников и по приказу № 4 от 4 января 1921 года заместителя председателя Революционного военного совета республики (РВСР) Э. Склянского и заместителя наркомпрода Н. Брюханова всем военкоматам РСФСР надлежало произвести учёт и регистрацию военпродработников [12, С. 1].

При управлении создавались и учебные подразделения, в частности курсы красноармейских кашеваров и курсы красноармейских хлебопёков [12, С. 5; С. 14–15].

Сотрудники управления осуществляли контроль за работой местных органов снабжения. В частности, инструктор отдела снабжения Сергей Орлов в ноябре–декабре 1921 года находился в г. Тамбове для обследования частей снабжения Тамбовского губернского управления продовольственного снабжения (Упродгуб) [6, Л. 2].

Часть сотрудников управления постоянно находилась в командировках по губерниям Орловского округа войск ВЧК. Так, начальник агентурно-транспортного отделения Покровский 5 января 1922 года прибыл из командировки в города Тамбов, Воронеж и Курск, как и старший агент отдела снабжения Вильгельм Бахур, работавший в то же время там же [6, Л. 3].

Продовольствие для войск ВЧК Орловского военного округа получалось по нарядам продовольственных комитетов, которые исполнялись территориальными подразделениями. Так, с 28 декабря 1921 года по 3 января 1922 года сотрудник управления – начальник распределительной части отдела снабжения Ильинский – находился в командировке в Брянске для реализации наряда Компрода, выполняемого Брянским губкомпродом [6; Л. 3 об.].

Часть нарядов на продовольствие нужно было выполнять за пределами Орловского военного округа войск ВЧК, в частности в г. Ростове-на-Дону, куда был командирован резервист управления Сергей Бабиянц [6, Л. 11]. А сотрудник для поручений при начальнике отдела снабжения Всеволожский в январе 1922 года совершил служебную командировку в Нижний Новгород [6, Л. 13]. Продовольственные маршруты из Орловского округа войск ВЧК прокладывались и в Сибирь, для чего начальнику агентурно-транспортного отделения отдела снабжения Покровскому пришлось согласовывать этот вопрос в Москве [6, Л. 14].

Продовольствие для войск ВЧК в округ доставлялось не только с территории РСФСР, но и с соседней советской Украины, с которой граничил округ. 22 декабря 1921 года старший делопроизводитель отдела снабжения Мациевич убыл в служебную командировку в г. Харьков для исполнения наряда компрода за № 38039 на 5000 пудов сахара [6, Л. 5]. Сахар для нужд Орловского военного округа войск ВЧК удалось получить на Украине только во второй половине января 1922 года, причём, помимо Мациевича, пришлось направлять в Харьков ещё и старшего агента отдела снабжения Ильина [6, Л. 10]. При этом сотрудникам управления пришлось за сахаром ездить не только в Харьков, но ещё и в Киев. Другой наряд, уже на зерно, исполнялся в Одессе и Киеве, для чего туда 28 декабря 1921 года был командирован старший агент отдела снабжения Семён Гершликович [6, Л. 21].

Были налажены связи и с другой сосед-

ней советской республикой – Белоруссией. Временно исполняющий должность начальника управления Булыго 18 января 1922 года издал приказ № 17 о направлении в служебную командировку в г. Витебск старшего делопроизводителя отдела снабжения Светлогорского для выполнения наряда на получение 1000 пудов махорки для нужд Орловского военного округа войск ВЧК [6, Л. 8].

Продукты заготавливались и непосредственно войсками. Согласно Положению о рабочих частях при местных органах Главснабпродарма, утверждённому заместителем председателя РВСР Э. Склянским и замнаркомпродом Н. Брюхановым 17 февраля 1921 года, при военных округах создавались сельскохозяйственные батальоны для производства сельхозработ в целях удовлетворения потребностей в овощах и иных предметах продовольствия и фуража, а также для охраны и транспортировки собранных и заготовленных продуктов [12, С. 1; С. 12]. Более того, на местах создавались военные совхозы и специальные огородные хозяйства [12, С. 3; С. 1]. По решению Второго военно-продовольственного съезда в 1921 году при совхозах были оборудованы мастерские по ремонту инвентаря [12, С. 2; 1]. В этих военных совхозах работали не только трудармейцы, но и вольнонаёмные рабочие и служащие, их труд оплачивался по ставкам профсоюзов с премированием по нормам ВЦСПС [10, С. 1].

В 1921 году Орловский военный округ имел под пашней 3184 десятины, под огородами – 1179, общая площадь засева составляла 4363, под садовые хозяйства округа было занято 358 десятин, сенокосы занимали 22 260 десятин, а общая площадь эксплуатации – 26 981 [11, С. 3–4]. При этом не всё шло гладко на этом направлении работы, в частности отвод земель, начавшийся с сентября, затянулся до мая, и губернские военно-продовольственные органы не могли своевременно принять меры к ремонту построек и инвентаря. Ещё хуже обстояло дело со снабжением инвентарём и посевным материалом. Инвентарём они были удовлетво-

рены от 10 % до 60 % потребного количества, семенами – от 15 % до 50 % (за исключением проса, где процент удовлетворённости в несколько раз превышал процент потребности). Но, несмотря на все эти обстоятельства, они со своей задачей справились: все сельскохозяйственные работы были проведены полностью [3, С. 8–9].

Командировались сотрудники и в Москву, в частности, начальник распределительной части отдела снабжения Ильинский убыл в столицу для личного доклада в Главснабпродарме о продовольственном снабжении Орловского военного округа войск ВЧК с 12 по 21 января 1922 года [6, Л. 13]. А 10 января 1922 года старший делопроизводитель административного отдела Григорий Квиля убыл в столицу для сдачи и получения из Главснабпродарма корреспонденции Управления Орловского округа [6, Л. 5]. Начальник учетно-расчетного отдела Юдин убыл 18 января в г. Москву в тот же Главснабпродарм с неким срочным и секретным поручением [6, Л. 10]. А начальник хозяйственного отделения административного отдела Петр Лусса оказался в Москве для закупки «разнообразных канцелярских принадлежностей» [6, Л. 10].

Часть продукции, необходимой для работы управления, не получалась в централизованном порядке, а закупалась по рыночным ценам, что было вполне законно в условиях новой экономической политики. Так, временно исполняющий должность начальника управления Булыго 18 января 1922 года издал приказ №17 о назначении «комиссии для приёма копировальной бумаги, закупленной на вольном рынке» [6, Л. 8]. При этом проверялось, чтобы при заготовках не только копировальной бумаги, но и продуктов питания не превышались рыночные цены [1, С. 2].

Продукты для войск ВЧК Орловского округа складировались в так называемых магазинах (складах), правда, вплоть до 1922 года у центральных органов не было точных сведений об их количестве и месторасположении. По этой причине осенью 1921 года было проведено всероссийское

анкетирование, целью которого было выяснить: «1. Точный список всех продмагов; 2. Их дислокацию; 3. Подчинённость; 4. Объём и характер функций; 5. Обслуживаемую каждым продмагом территорию; 6. Взаимоотношения с военпродорганом, коему данный продмаг подчинён; 7. Взаимоотношения с гражданскими продорганами (адресование продгрузов по нарядам); 8. Взаимоотношения с войсковыми частями» [10, С. 1–2].

Руководство управления было озабочено систематизацией огромного бумажного потока из различных входящих и исходящих документов. Так, в приказе № 14 от 14 января 1922 года начальник Управления военно-продовольственного снабжения войск Орловского военного округа отдаёт распоряжение по созданию, как сказали бы в наше время, информационной базы. Он упоминает о своих неоднократных приказах о направлении копий всех приказов, распоряжений и переписки принципиального характера, документов, которые могли служить справочным материалом, в информационное отделение, что нарушалось сотрудниками. Поэтому А. М. Шелехов еще раз приказал «все приказы и распоряжения, откуда бы они не исходили, направлять в информационное отделение» [6, Л. 7], то есть это отделение должно было накапливать у себя всю входящую документацию. Затем эти документы должны были в копиях передаваться в структурные подразделения, которые должны были непосредственно исполнять полученные распоряжения или учитывать содержащуюся в них информацию. При этом делалось исключение – если документ содержал настолько важную информацию, что нельзя было медлить с её исполнением даже для копирования, то следовало передавать в отделы подлинники, но под подписку и с обязательным возвращением документов обратно в информационное отделение. Помощнику начальника управления Д. С. Кагану было поручено строго наблюдать за точным выполнением данного приказа.

Одной из важных деловых бумаг обшир-

ного документооборота управления были бланки требований на проезд и перевозку грузов. В условиях строгого контроля за транспортной системой страны в этот период, формирования устойчивой денежной системы в начальный период новой экономической политики такие документы представляли собой значительную ценность. Поэтому они заказывались централизованно в штабе Орловского военного округа, и для их получения создавалась специальная комиссия. По приказу № 16 от 17 января 1922 года начальника Управления военно-продовольственного снабжения войск ВЧК Орловского военного округа для приёма бланков требований на проезд и перевозку грузов по железной дороге формы № 1, 2 и 3 была назначена комиссия в составе председателя – начальника агентурно-транспортного отделения Покровского и членов: старшего делопроизводителя Квиля и чертёжника административного отдела Павлова. По окончании работы по приемке бланков председатель комиссии был обязан донести до руководства составленный акт [6, Л. 7]. К 23 января акт был готов, а полученные из Управления военных сообщений Орловского военного округа бланки требований на проезд и перевозку грузов по железным дорогам формы № 1 в количестве 1388 штук за № с 31 201 по 33 000 включительно и № 7307–7350 и другие были записаны в соответствующей приходно-расходной книге бланков [6, Л. 10].

Из Орла указанные бланки передавались в губернии Орловского округа войск ВЧК. Так, 27 января 200 штук бланков требований на перевозку по железным дорогам формы № 1 были выданы Брянскому упродгубу, ещё 300 бланков были отправлены в Воронеж [6, Л. 15].

Правильность расходования бланков проездных документов проверялась и штабом войск ВЧК. Приказом № 58 от 24 октября 1921 года начальника войск ВЧК Орловского округа Фрадыко для проверки денежных сумм, правильного ведения денежной отчетности Уполснаба и правильного ведения и

выдачи проездных требований общей частью штаба была назначена комиссия [5, Л. 42].

Как и во всяком учреждении, в Управлении военно-продовольственного снабжения войск Орловского военного округа происходило движение кадрового состава. Так, приказом № 4 от 4 января 1922 года начальника управления инструкторы отдела снабжения Ахромеев и организационной части Лавзин были откомандированы в распоряжение окрвуза Орловского военного округа и исключены из списков своих подразделений, сняты со снабжения [6, Л. 2 об.]. А журналистка учётно-распределительного отдела Измайлова тем же приказом в связи с сокращением штатов управления была откомандирована в подотдел распределения и учёта рабочей силы Орловского губернского управления комитета по труду (губкомтруда) [6; 3]. Последний пункт приказа демонстрирует нам, что в начале 1922 года происходила оптимизация штатной структуры управления.

В помещениях Управления военно-продовольственного снабжения войск ВЧК Орловского военного округа велось постоянное дежурство одним из сотрудников. Не все выполняли эту обязанность добросовестно, так, приказом № 5 от 5 января 1922 года начальник управления за несвоевременную явку на дежурство младшего агента отдела снабжения Асеева назначил на внеочередное дежурство через день – 7 января [6; Л. 3 об.].

Случалось, сотрудники управления болели, что оформлялось соответствующим приказом. Так, в приказе № 11 начальника Управления военно-продовольственного снабжения войск Орловского военного округа от 12 января 1922 года было записано: «Заболевшего счетовода хозяйственного отделения административного отдела Лимана Арведа полагать больным на дому с 17.12.1921. Основание: удостоверение Орловской уездной советской больницы от 20.12.1921г.» [6, Л. 5].

Не все сотрудники вели себя дисциплинированно. Так, Павел Рубин, агент 1-го разряда хозяйственного отделения администра-

тивного отдела, за 2-недельную неявку на службу «без всякой на то дачи объяснений» был уволен от занимаемой должности и исключён из списков сотрудников управления [6, С.6].

Необходимо отметить, что за время своего существования военно-продовольственные органы пережили значительную эволюцию, превратившись из подсобного органа контроля, учёта и содействия, каким был Главснабпродарм в момент его возникновения, к 1922 году в мощный аппарат фактического снабжения армии, «выросли и окрепли такие функции, как переработка пищевых веществ и сельскохозяйственная работа, которые привели Главснабпродарм в более тесное соприкосновение с органами ВСНХ и наркомзема» [2; С. 1–2].

Несмотря на длительную эволюцию, к 1921 году военно-продовольственные органы Орловского округа войск ВЧК – ГПУ не смогли преодолеть некоторые противоречия, в частности, с военным командованием. В октябре 1921 года был проведен съезд военпродорганов Орловского военного округа, на котором выявились две противоположные точки зрения о необходимости сосредоточения всего военно-продовольственного дела в руках военпродорганов, которые встретили возражение только со стороны представителя военного командования [16, С. 7].

Дело в том, что в военной структуре была своя снабженческая организация, возглавляемая Центральным управлением снабжения (ЦУС) РККА, которая обеспечивала воинские подразделения всеми видами боевого и вещевого довольствия. Представители ЦУСа на местах постоянно заявляли претензии на возвращение им и продовольственного снабжения. Эти противоречия проявились и на снабженческом съезде Орловского военного округа, проведённом 16 октября 1921 года, однако в конечном итоге съезд «стал на точку зрения, поддерживаемую коммунистической фракцией, о необходимости существования военпродорганов в их настоящем виде» [13, С. 7].

Подобная полемика происходила не

только на местах, но и в центральных органах военного снабжения. Так, в конце 1921 года печатные органы Центрального управления снабжения (ЦУС) и Главного управления по снабжению Красной армии и флота продовольствием и предметами первой необходимости (Главснабпродарм) обменялись едкими фельетонами, направленными друг против друга, в которых представители каждого из органов военного снабжения – Григорьев из ЦУСа и В. Г. Недлер из Главснабпродарма высмеивали позиции противной стороны и отстаивали точку зрения собственного ведомства [4, 2].

Помимо снабжения частей войск ВЧК, военно-продовольственные работники должны были вести политическую работу – устную агитацию, освещать продовольственные вопросы в красноармейских газетах, брошюрах, листовках, плакатах, по согласованию с командованием и политуправлениями участвовать в красноармейских конференциях, выступать на митингах. Особое значение эта работа имела в воинских частях, предназначенных для сбора продналога [9, С. 1].

Органы военно-продовольственного снабжения занимались и благотворительной работой, в частности, по распоряжению председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого они предоставляли военным инвалидам работу в учреждениях, на своих промышленных предприятиях и при сельскохозяйственных работах, а также оказывали помощь хозяйствам самих инвалидов [12, С. 7; С. 9].

Таким образом, Орловский округ войск ВЧК – ГПУ в 1921–1922 гг. снабжался продовольствием структурами Управления военно-продовольственного снабжения войск Орловского военного округа. Это управление имело штатный состав из 126 сотрудников, подчинявшихся народному комиссариату продовольствия и обеспечивавших красноармейцев и чекистов из войск ВЧК – ГПУ, расквартированных на территории Орловской, Тамбовской, Воронежской и Курской губерний. Продовольствие производилось самостоятельно в военсовхозах и на военных огородах, которые обслуживались трудар-

мейцами и вольнонаёмными работниками. Также продукты закупались на свободном рынке, который разворачивается после начала проведения новой экономической политики в марте 1921 года. Значительная часть продовольствия бойцам и командирам Орловского округа войск ВЧК – ГПУ поступала централизованно по нарядам наркомпрода, которые реализовывались сотрудниками управления на территории округа, в соседних регионах, а также продукты доставлялись из советской Белоруссии и советской Украины. Военно-продовольственные органы Орловского округа войск ВЧК – ГПУ, помимо выполнения прямых обязанностей, дополнительно занимались политической работой в войсках и благотворительностью в отношении инвалидов.

Библиография / References:

1. А. Б. Заметки об учёте // Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 8. – С. 2.
2. Бычков С. Назревший вопрос // Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 8. – С. 1–2.
3. В Орловском Упродокре // Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 8. – С. 8–9.
4. В.Н. [Ответственный редактор В.Г. Недлер] «Недурные государственники» // Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 9. – С. 1–2.
5. ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. 1676. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАОО. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 5.
7. Лавровский Борис Вячеславович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://history.wikireading.ru/308208> (дата обращения: 25.10.2022).
8. Обеспечение семей комсостава и курсантов // Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 6. – С. 2.
9. Р.Г. Политработа военпродорганов //

Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 7. – С. 1–2.

10. С.Б. [Бычков]. Производственная и заготовительная роль органов Главснабпродарма // Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 6. – С. 1–2.

11. Сарнов В., Форостяный И. Эксплуатация военсовхозов и военгородов в 1921 году // Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 8. – С. 3–4.

12. Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 1–9.

13. Снабженческий съезд Орловского военного округа // Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 8. – С. 7–8.

14. Соколов М.В., Саран А.Ю. Орловский округ войск Всероссийской чрезвычайной комиссии в 1921–1922 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2019. – № 3. – С. 71–85.

15. Справочный отдел. Ответы и разъяснения на запросы с мест // Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 9. – С. 10.

16. Съезд военпродорганов Орловского военного округа // Сборник материалов по военно-продовольственному делу. – 1921. – № 8. – С. 7.

1. A.B. Zаметki ob uchote [Notes on accounting] // Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu. – 1921. – №8. – S.2. (In Russ.).

2. Bychkov S. Nazrevshiy vopros [An urgent question] // Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu. – 1921. – №8. – S.1–2. (In Russ.).

3. V Orlovskom Uprodokre [In the Orlovsky Prodokr] // Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu. – 1921. – №8. – S.8–9. (In Russ.).

4. V.N. [Otvetstvennyy redaktor V.G. Nedler] «Nedurnyye gosudarstvenniki» [«Not bad

- statesmen»] // Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu. – 1921. – №9. – S.1–2. (In Russ.).
5. GAOO (Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti) [State archive of the Oryol region], F.1676. Op.1. D.2. (In Russ.).
6. GAOO. F. 1.676. Op. 1. D. 5. (In Russ.).
7. Lavrovskiy Boris Vyacheslavovich [Lavrovsky Boris Vyacheslavovich] [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://history.wikireading.ru/308208>. (Data obrashcheniye 25.10.2022). (In Russ.).
8. Obespecheniye semey komsostava i kursantov [Provision of families of command staff and cadets] // Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu. – 1921. – №6. – S.2. (In Russ.).
9. R.G. Politrabota voyenprodorganov [Political work of military food agencies] // Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu. – 1921. – №7. – S.1–2. (In Russ.).
10. S.B. [Bychkov]. Proizvodstvennaya i zagotovitel'naya rol' organov Glavsnabprodarma [Production and Procurement Role of the Glavsnabprodarm Organs // Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu. – 1921. – №6. – S.1–2. (In Russ.).
11. Sarnov V., Forostyanyy I. Ekspluatatsiya voyensovkhozov i voyengorodov v 1921 godu [Operation of military state farms and military towns in 1921] // Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu. – 1921. – №8. – S.3–4. (In Russ.).
12. Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu [Collection of materials on the military food business]. – 1921. – №1–9. (In Russ.).
13. Snabzhencheskiy s"yezd Orlovskogo voyennogo okruga [Supply congress of the Oryol military district] // Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu. – 1921. – №8. – S.7–8. (In Russ.).
14. Sokolov M.V., Saran A.Yu. Orlovskiy okrug voysk Vserossiyskoy chrezvychaynoy komissii v 1921–1922 gg. [Oryol district of the troops of the All-Russian Extraordinary Commission in 1921-1922] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2019. – №3. – S.71–85. (In Russ.).
15. Spravochnyy otdel. Otvety i raz'yasneniya na zaprosy s mest [Reference department. Answers and clarifications to requests from the field] // Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu. – 1921. – №9. – S.10. (In Russ.).
16. S"yezd voyenprodorganov Orlovskogo voyennogo okruga [Congress of military food agencies of the Oryol military district] // Sbornik materialov po voyenno-prodovol'stvennomu delu. – 1921. – №8. – S.7. (In Russ.).

УДК 316.42:[342.53:342.51](4)''19''

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-36-43

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор, кафедра государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России (Россия, Химки), e-mail: d413839@yandex.ru, AuthorID: 470075

TSYBAKOV D.L., Doctor of Political Sciences, Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Russian Federation, Khimki), e-mail: d413839@yandex.ru, AuthorID: 470075

КАБАЦКИЙ Максим Сергеевич, старший преподаватель, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: mkabatsky@mail.ru, AuthorID: 1101500

KABATSKY M.S., Senior Lecturer, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: mkabatsky@mail.ru, AuthorID: 1101500

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТСКИХ МОНАРХИЙ В ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В XX В.

A HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PARLIAMENTARY MONARCHIES IN TWENTIETH CENTURY EUROPE

Аннотация. Целью статьи – является исследование событий XX века, отразившихся на становлении и развитии парламентско-монархической формы правления в европейских государствах. Авторами даётся подробный анализ процесса упразднения и реставрации монархии в европейских государствах на фоне ключевых исторических процессов, включая мировые войны, довоенный, межвоенный и послевоенный периоды. Отмечается в целом негативное влияние событий XX века на монархическую форму правления. Выделяются аргументы и основания легитимистского формата, которые могут быть использованы в качестве базиса идеи реставрации монархий в XXI веке.

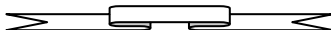
Ключевые слова: монархия, европейская парламентская монархия, история парламентских монархий, реставрация, Антанта, Российская империя, лоялисты.

Abstract. The purpose of the article is to study the political and historical events of the 20th century, which affected the formation and development of the parliamentary-monarchical form of government in European states.

The authors give a detailed analysis of the abolition and restoration of monarchy in European states against the backdrop of key historical processes, including world wars, prewar, interwar and postwar periods.

As a result, the authors come to conclusions that it is noted the negative impact of the events of the 20th century on the monarchical form of government. The arguments and foundations of the legitimist format, which can be used as a basis for the idea of the restoration of monarchies in the twenty-first century, are highlighted.

Keywords: monarchy, European parliamentary monarchy, history of parliamentary monarchies, restoration, Entente, Russian Empire, loyalists.

ВВЕДЕНИЕ

Парламентская монархия как комплексная институциональная компонента продолжает своё развитие по сей день, аккумулируя политические изменения и трансформации посредством реформ, принимаемых управленческих решений. В свою очередь, монархия, являясь одной из древнейших форм правления, известной со времён Античности, несмотря на существовавшие политические противоречия и кризисные состояния, смогла сохранить свою институциональную сущность [1, С. 199]. В предыдущем исследовании было установлено, что исторический процесс оказывает существенное влияние на формирование и развитие государственных систем [2, С. 70]. Представляется убедительным использование хронологически систематизированных исторических событий в качестве структурного элемента анализа актуального и будущего состояния европейских парламентских монархий.

Развитие исторического процесса отражает нелинейность и вариативность политических сценариев развития парламентских монархий. Политические изменения могут оказывать как благоприятное, так и неблагоприятное влияние на развитие института парламентской монархии – приводить к его усложнению, модернизации, реформационной адаптации, равно как и к его упрощению, ослаблению монархической власти вплоть до упразднения монархии и провозглашения республики. Вариативность политических сценариев позволяет судить о сохранении текущего состояния политической системы либо сигнализировать о грядущих политических изменениях [3, С. 133]. Следовательно, политические изменения прошлого состояния институтов монархии позволяют не только судить о их текущем положении, но и формулировать выводы о будущем состоянии с применением методов политического анализа и прогнозирования.

Наиболее актуальными для текущего состояния политико-историческими изменениями парламентской монархии являются изме-

нения, произошедшие в XX века. Такое суждение подтверждается заключением, что недавние события, несмотря на их неустоявшуюся, относительную нефундаментальность (в противовес более поздним событиям, ставшим фундаментальной основой государственных систем), представляются наиболее чувствительными к современным политическим трансформациям. Таким образом, политические изменения, имевшие место в рамках исторического развития XX века, до сих пор оказывают влияние на работоспособность и функционирование парламентских монархий XXI в., в силу чего их изучение обладает обширным политико-историческим потенциалом.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Политические изменения, имевшие место в первой и второй половинах XX века, представляются наиболее актуальными для текущего состояния монархических политических систем. Накопленный исторический опыт обладает прогностическим потенциалом, позволяющим наиболее точно оценить текущее положение парламентских монархий, а также может быть использован при выработке прогностических исследований.

XX век оказался весьма противоречивым для состояния европейских парламентских монархий. Указанное обстоятельство является следствием сложностей развития политико-исторического процесса эпохи, в которой преобладали события, преимущественно негативные для природы монархической власти (мировые войны, появление и распространение тоталитарных идеологий, рост популярности идей левого политического спектра, конфликтность и внутренняя неустойчивость политических систем ряда государств). Данные условия способствовали ослаблению монархической власти вплоть до её упразднения в ряде европейских государств.

Общая характеристика XX века для развития института европейских монархий мо-

жет быть оценена как неблагоприятная: в ряде европейских государств монархия была упразднена (Австро-Венгерская империя, Албания, Болгария, Венгрия, Германская империя, Греция, Османская империя, Испания, Португалия, Российская империя, Румыния, Югославия, Черногория – 13 стран). Кроме того, были отменены планировавшиеся решения о реставрации монархии в Польше, Литве и Финляндии. Стоит отметить, что в XX в. была реставрирована только одна европейская монархия (Королевство Испания), которая была упразднена ранее в этом же веке.

Практика упразднения монархий в XX веке объясняется внутривнутриполитическими и внешнеполитическими обстоятельствами. Первая мировая война (1914–1918 гг.) и её последствия привели к коллапсу политических систем побеждённых государств, что привело к низвержению монархии в трёх империях: Австро-Венгерской, Германской и Османской. Стоит подчеркнуть, что упразднение монархии не являлось ни целью оппозирующей стороны, включавшей преимущественно монархические страны (Антанта), ни требованием Версальского мирного договора (28 июня 1919 году), однако в силу крайне критического состояния политико-экономических систем стран, усугубившегося после поражения в Великой войне, а также ассоциации в общественном мнении личностей монархов и непосредственно монархии с проводимой государственной политикой произошли активизация и усиление политического влияния сил антимонархической и республиканской направленности, что привело к Ноябрьской революции в Германии (3 ноября 1918 году – 11 августа 1919 году), Кемалистской революции в Османской империи (19 мая 1919 году – 24 июля 1923 году) и самоустранению (но не отречению) Карла I от австрийского престола (12 ноября 1918 году). Планы о реставрации монархии в новообразованных финском, литовском и польском государствах были отложены и оказались нереализованными вследствие их внешнеполитической ориентации на Цен-

тральные державы, которые утратили свою монархическую государственность и международное политическое влияние.

Особенностью упразднения монархии в Австрии является её противоречивый правовой статус: несмотря на самоустранение Карла I, отречение и упразднение монархии не предполагалось, однако кризисным положением воспользовалась пришедшая к власти «Социал-демократическая партия Австрии», организовавшая Учредительное собрание, результатом работы которого стало изгнание Габсбургов из Австрии. Принимая во внимание то, что данный запрет является грубым нарушением прав человека (в силу чего он был отменён в 1996 году), представляется довольно убедительным основанием повышенной легитимности возможная реставрация монархии в Австрии в XXI веке.

Единственной европейской монархией, упразднённой до начала Великой войны в XX в., является Королевство Португалия. После убийства Карлуша I (1908 году) и восшествия Мануэля II (1908–1910 гг.) на престол по инициативе короля было распущено диктаторское правительство и назначены демократические выборы, на которых победу одержали сторонники республиканских и социалистических идей, что позднее привело к свержению монархии посредством революции (1910 году) и провозглашению республики. Данные исторические обстоятельства могут оказаться довольно убедительным аргументом, придающим легитимность потенциальной португальской реставрации, принимая во внимание изменившиеся особенности демократического процесса в современном мире.

Российская империя оказалась единственной страной Антанты, в которой, несмотря на военные успехи, были упразднены монархия посредством революции. К основным причинам упразднения монархии следует отнести неспособность существующего абсолютистского режима своевременно реагировать на вызовы эпохи модерна. Движимые сословными установками, монархическо-аристократические элиты Российской

империи отказались учитывать интересы других социальных групп, что привело страну к революциям и Гражданской войне. Остальные предпосылки падения российской монархии носили производный от главной причины характер: нежелание и/или невозможность трансформации самодержавия (абсолютной монархии) в парламентскую монархию (несмотря на зарождающийся опыт российского парламентаризма [5, С. 52]), распространение радикальных идей и популярность революционных деятелей левого толка, назревшие политические противоречия.

Формально провозглашение в России республики состоялось на основании постановления Временного правительства от 1 (14) сентября 1917 г., изданного после провала выступления генерала Л. Г. Корнилова. Что должно было затем утверждаться Учредительным собранием, подготовку к проведению которого знаменовало создание такого представительского учреждения, как предпарламент. Монархические партии и организации к моменту избирательной кампании в Учредительное собрание себя активно уже не проявляли, противниками большевиков в составе этого института выступали разного рода умеренные левые и остатки либералов. Следует вывод, что не будь УС разогнано большевиками, то оно неминуемо подтвердило бы сентябрьское решение Временного правительства.

Само же отречение императора, не говоря уже об отречении сразу и за цесаревича, не носило легитимного характера с точки зрения того государственного режима, что существовал в стране на февраль 1917 года. Таким образом, реальные события показывают, что в стране ещё до прихода к власти большевиков уже активно действовали силы, враждебные монархизму, которые де-факто ликвидировали монархический строй уже к сентябрю 1917 года. Есть мнение, что они ориентировались на Антанту и даже выполняли ее указания по свержению монархии с целью привлечь в войну США, где среди «политического класса» не было решимости вступать в глобальное противоборство на

стороне российского самодержавия.

Легитимистский подход является основным аргументом отечественных лоялистов, который используется в идеологической борьбе по поводу перспективы реставрации российской монархии в XXI в. в формате парламентской монархии. Существующие исследования отмечают возрастающий интерес российского общества к монархической форме правления [8, С. 164–165].

В других европейских государствах процесс развития монархических форм правления развивался не менее противоречиво. После вхождения Королевства Черногория в состав Югославии в 1918 году монархия была упразднена (как и сам субъект международного права, ставший частью другой страны) и Никола I Петрович потерял претензии на престол. После повторного обретения Черногорией независимости в 2006 году вопрос о форме правления не поднимался на ключевых государственных уровнях, однако не следует исключать, что в случае его актуализации данные обстоятельства позволят рассматривать парламентскую монархию (в противовес существующей парламентской республике) в качестве возможной и допустимой для черногорского государства формы правления.

Испанская монархия была упразднена в 1931 году после провозглашения республики. Республиканская форма правления в Испании оказалась политически нестабильной (что подтверждается также предыдущим историческим опытом), что привело к гражданской войне (1936–1939 гг.). Несмотря на победу фалангистов во главе с генералом Ф. Франко, которые были настроены по отношению к монархии более лояльно, чем их оппоненты-республиканцы, монархия в стране была реставрирована лишь в 1969 году политическим решением Ф. Франко, а коронация Хуана Карлоса I состоялась только в 1975 году. Испанский опыт является убедительным аргументом в пользу реалистичности сценариев реставрации монархии в Европе, в силу чего их изучение и анализ для каждого европейского государ-

ства представляется убедительным и целесообразным.

Вторая мировая война (1939–1945 г.) оказала на европейские монархии в целом негативное влияние, в результате чего Албания, Болгария, Венгрия, Италия, Румыния и Югославия утратили монархическую форму правления.

К 1944 году ни одна из восточно-европейских стран не обладала суверенитетом, будучи оккупированными нацистской Германией или же находясь под её полным протекторатом. Причём войну объявили и первыми вторглись на территорию СССР именно Румыния, Италия и Венгрия; Болгария, не объявляя войну Советскому Союзу, участвовала в гитлеровской оккупации Греции и Югославии. Все эти страны пребывали в состоянии войны не только с СССР, но и с его союзниками – США и Великобританией. Поэтому поспешный маневр на сторону антигитлеровской коалиции, когда судьба войны была решена, засчитан им не был.

Упразднение монархической формы правления в послевоенный период – это сложный процесс, связанный в первую очередь со сносом всей системы социально-политических отношений в Восточной Европе, поэтому в эпицентре политической борьбы находился не институт монархии как таковой, а вся политическая система, одним из важных компонентов которой он оставался. Неустойчивость послевоенных политических систем определялась и внутренними основаниями, а именно тем, что правые силы – традиционная социальная опора монархии – в своём большинстве оказались на стороне фашизма и гитлеризма, как это происходило в государствах с республиканской формой правления – в Финляндии или во Франции в период существования «режима Виши». Ровно по этой причине отказались от монархического строя в Италии, где прямое советское влияние отсутствовало. Показательно, что стойких роялистов в странах Европы в процессе послевоенного демонтажа политических систем явлено не было, но в контролируемой британцами Греции успешный рефе-

рендум по вопросу о сохранении монархии стал катализатором кровопролитной гражданской войны 1946–1949 г. с участием коммунистических повстанцев.

Специфическим примером на этом фоне выступают Югославия и Албания, где ещё в условиях вражеской оккупации в освобождённых патриотами районах фактически сложились параллельные структуры управления левых повстанцев, настроенных на ликвидацию довоенных политических институтов.

Королевство Албания утратило свою государственность после его оккупации фашистской Италией (апрель 1939 года). Несмотря на освобождение территории Албании в 1943 году и сохранение *de jure* статуса королевства, королю Албании Зогу I было запрещено возвращаться в страну, что происходило на фоне установления коммунистической диктатуры в 1944 году Энвером Ходжей.

Аналогичным образом Королевство Югославия было лишено своих суверенитета и самостоятельности, формально сохранив монархию до 1945 года, когда была провозглашена Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). Несмотря на коммунистическую ориентацию, в отношениях СССР и СФРЮ наметился разлад в 1948 году, после которого социалистические системы двух государств существовали без непосредственной координации, что позволяет рассматривать СФРЮ как самостоятельную социалистическую систему.

После свержения фашистского режима в Италии силами союзников был организован конституционный референдум (2 июня 1946 г.) о форме правления, по результатам которого 54,27 % высказались за республику, а 45,73 % – за монархию [4]. Пограничные результаты, а также возможное недоверие к действующему монарху после поражения в войне свидетельствуют о том, что итальянское общество оказалось расколотым по вопросу формы правления.

Королевство Греция является единственной европейской монархией, упразднённой

после Второй мировой войны (в 1967 и 1973 гг.). Греческий антимонархизм являлся одним из аспектов политической идеологии «чёрных полковников», установивших в Греции диктатуру, которой оппонировал греческий король Константин II. Отмечая противоречивые результаты референдумов о форме правления 1973 и 1974 гг., идея греческой реставрации имеет достаточную легитимистскую основу, которая может быть использована греческими роялистскими силами в качестве убедительного аргумента в пользу монархической власти.

Принимая во внимание многообразие европейских монархий XX века, а также общий вектор их развития в сторону парламентских монархий, стоит подчеркнуть, что непарламентские европейские монархии, в случае их сохранения или реставрации, будут вынуждены развиваться по пути парламентской монархии ввиду несоответствия абсолютной монархии европейской политической культуре, устоявшимся принципам прав и свобод человека в демократическом обществе.

Европейские парламентские монархии, сохранившие монархическую форму правления в XX в. (Великое Герцогство Люксембург, Княжество Андорра, Княжество Лихтенштейн, Княжество Монако, Королевство Бельгия, Королевство Дания, Королевство Испания, Королевство Норвегия, Королевство Швеция, Нидерланды и Соединённое Королевство) аккумулировали политические изменения, позволяющие развиваться их государственности в пользу парламентской монархии посредством реформ. Данные условия оказались ключевыми факторами сохранения их монархической государственности, несмотря на существовавшие противоречия, характерные для XX в., включая оккупацию территорий странами-агрессорами (Бенилюкс и Скандинавия). Британский опыт монархизма свидетельствует о сохраняющейся тенденции совершенствования монархических институтов, а не об их упразднении [6, С. 404]. Монархия в современном мире всё чаще рассматривается не как устаревшая патриархальная форма власти [7, С. 7], а как устоя-

вшая политическая система, которая может комплементарно сочетаться с демократическими институтами и выражающими их политическими системами. Накопленный исторический событийный опыт также свидетельствует в пользу эффективности монархических систем для принятия управленческих решений [9, 10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, политико-исторический процесс XX века оказал ощутимое влияние на развитие и формирование европейских парламентских монархий XXI века, в силу чего изучение этого опыта и воздействия исторических фактов на принятие политических решений представляется обоснованным и логически уместным, что позволяет обнаруживать возможные актуальные опорные пункты политического анализа и прогнозирования.

Библиография / References:

1. Кабацкий М.С. Исторический и современный опыт развития института парламентских монархий // Вестник государственного и муниципального управления. – 2021. – Т. 10. – № 5. – С. 69–75.
2. Кабацкий М.С. Политические сценарии развития европейских парламентских монархий и их влияние на демократический политический процесс // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16. – № 5. – С. 131–140.
3. Кабацкий М.С. Современное положение института монарха в Королевстве Бельгия // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15. – № 5. – С. 198–209.
4. Марченко В.А., Снетков В.Н. Всемирная монархия. Аспекты современности // Актуальные проблемы науки и практики. – 2018. – № 2. – С. 12–16.
5. Панов В.Н. Россия в начале XX века: от абсолютной монархии к буржуазной парламентской монархии // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы разви-

тия: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». – 2017. – С. 52–60.

6. Папаяни Ф.А. Монархия: перевёрнутая страница истории или неизбежная перспектива? // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2017. – № 2 (61). – С. 163–173.

7. Результаты референдума 1946 года о форме правления // МВД Республики Италия. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=F&dtel=02/06/1946&tpa=l&tpe=A&lev0=0&levsut0=0&es0=S&ms=S> (дата обращения: 22.08.2022).

8. Смольяков А.А. Особенности реализации принципа разделения властей в парламентарных монархиях и республиках // Закон. Право. Государство. – 2020. – № 3 (27). – С. 89–97.

9. Шалдина М.О., Снетков В.Н. Положение монархии как формы правления в современном обществе // Актуальные проблемы науки и практики. – 2019. – № 3. – С. 5–9.

10. Яковлева Е.К. Восприятие британцами института монарха в XXI веке // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития: Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. – Новосибирск: СибАГС, 2014. – С. 403–404.

1. Kabatskiy M.S. (2021) Istoricheskiy i sovremennyy opyt razvitiya instituta parlamentskikh monarkhiy [Historical and modern experience in the development of the institution of parliamentary monarchies] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.10. – №5. – S.69-75. (In Russ.).

2. Kabatskiy M.S. (2021) Politicheskiye stszenarii razvitiya yevropeyskikh parlamentskikh monarkhiy i ikh vliyaniye na demokraticheskiy politicheskiy protsess [Political scenarios for the development of European parliamentary monarchies and their influence on the democratic political process] // Srednerusskiy vestnik ob-

shchestvennykh nauk. – T.16. – №5. – S.131–140. (In Russ.).

3. Kabatskiy M.S. (2020) Sovremennoye polozheniye instituta monarkha v Korolevstve Bel'giya [The current position of the institution of the monarch in the Kingdom of Belgium] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – Orol. – T.15. – №5. – S.198–209. (In Russ.).

4. Marchenko V.A., Snetkov V.N. (2018) Vsemirnaya monarkhiya. Aspekty sovremennosti [World Monarchy. Aspects of modernity] // Aktual'nyye problemy nauki i praktiki. – № 2. – S.12–16. (In Russ.).

5. Panov V.N. (2017) Rossiya v nachale XX veka: ot absolyutnoy monarkhii k burzhuaznoy parlamentskoy monarkhii [Russia at the Beginning of the 20th Century: From Absolute Monarchy to Bourgeois Parliamentary Monarchy] // Nauka, obrazovaniye, obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Cheboksary: Tsentр nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plyus». – S.52–60. (In Russ.).

6. Papayani F.A. (2017) Monarkhiya: perevornutaya stranitsa istorii ili neizbezhnaya perspektiva? [Monarchy: a turned page of history or an inevitable prospect?] // Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy. – №2(61). – S.163–173. (In Russ.).

7. Rezul'taty referendumа 1946 godа о forme pravleniya [The results of the 1946 referendum on the form of government] // MVD Respubliki Italiya. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=F&dtel=02/06/1946&tpa=l&tpe=A&lev0=0&levsut0=0&es0=S&ms=S> (Data obrashcheniya: 22.08.2022). (In Russ.).

8. Smol'yakov A.A. (2020) Osobennosti realizatsii printsipa razdeleniya vlastey v parlamentarnykh monarkhiyakh i respublikakh [Features of the implementation of the principle of separation of powers in parliamentary monarchies and republics] // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. – №3(27). –S.89–97. (In Russ.).

9. Shaldina M.O., Snetkov V.N. (2019)

Polozheniye monarkhii kak formy pravleniya v sovremennom obshchestve [The position of the monarchy as a form of government in modern society] // Aktual'nyye problemy nauki i praktiki. – №3. – S.5–9. (In Russ.).

10. Yakovleva Ye.K. (2014) Vospriyatiye britantsami instituta monarkha v XXIveke [The British Perception of the Institution of the Monarch in the 21st Century] // Obshchestvo v epokhu peremen: sovremennyye tendentsii razvitiya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchonykh. – Novosibirsk: SibAGS. – S.403–404. (In Russ.).

ГОРЛОВ Александр Витальевич, старший преподаватель, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: strix63@yandex.ru, AuthorID: 116488

GORLOV A.V., Senior Lecturer, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: strix63@yandex.ru, AuthorID: 116488

**ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА ТОНИ КЛИФФА:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ**

**FORMING THE THEORY OF STATE CAPITALISM TONY CLIFFE: A CRITICAL
ANALYSIS OF THE MAIN PROPOSITIONS**

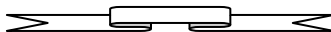
Аннотация: Цель статьи заключается в критике основных положений теории государственного капитализма Тони Клиффа. В ходе анализа автором установлено, что ни одно из представленных им положений не соответствует истине: во-первых, Октябрьская революция 1917 года не была пролетарской, во-вторых, приход к власти сталинистов не представлял собой контрреволюционный переворот, в-третьих, в СССР правила не бюрократия, и, в-четвёртых, советский капитализм не был реакционным. Опираясь на научные факты, автор статьи стремится показать, что во избежание ошибок, допущенных Тони Клиффом, советский строй следует рассматривать как номенклатурный.

Ключевые слова: теория государственного капитализма Тони Клиффа, Октябрьская революция 1917 года, марксистская теория формаций, номенклатурная буржуазия, рабочее государство.

Abstract. The purpose of the article is to criticize the main positions of Tony Cliff's theory of state capitalism. In the course of the analysis, the author finds out that none of the positions presented by him is true: firstly, the October Revolution of 1917 was not proletarian, secondly, the coming to power of the Stalinists did not represent a counter-revolutionary coup, thirdly, bureaucracy did not rule in the USSR, and, fourthly, the Soviet capitalism was not reactionary.

As a result, the author shows that in order to avoid mistakes made by Tony Cliff, the Soviet system should be considered as nomenclatural.

Keywords: Tony Cliff's theory of state capitalism, October Revolution of 1917, Marx 's theory of formations, nomenclatural bourgeoisie, workers' state.

ВВЕДЕНИЕ

Основная тематика исследования предполагает рассмотреть ключевые положения теории государственного капитализма Тони Клиффа (Игаэля Глюкштейна) и дать им научную оценку. Так, основу этой теории составляют следующие тезисы:

1. Октябрьская революция 1917 года была пролетарской. Это значит, что к власти пришёл пролетариат.

2. Позднее (во второй половине 20-х годов XX века) российский пролетариат был отстранён от власти советской бюрократией.

3. Бюрократия создала государственный капитализм – общественный строй, при ко-

тором основные средства производства находятся в руках государства.

4. Государственный капитализм – это реакционная форма капитализма.

Рассмотрим все эти тезисы по порядку.

КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

То, что в ходе Великой Октябрьской революции к власти пришёл пролетариат, никогда не вызывало у Тони Клиффа каких-либо сомнений. Например, в предисловии к самому известному своему произведению «Государственный капитализм в России» он категорически утверждает, что в 1917 году была пролетарская революция [6, С. 5]. Столь же безапелляционно сказано об этом и в одной из последних работ Клиффа [12, С. 29].

Откуда такая уверенность Тони Клиффа в пролетарском характере Октября? Здесь, безусловно, сказалось влияние Ленина и Троцкого. Но главным фактором было то, что большевистская революция 1917 года вызвала мощный подъём международного рабочего движения. Этот беспрецедентный всплеск революционной энергии пролетариата произвёл на Тони Клиффа такое неизгладимое впечатление, что его отношение к Октябрьской революции оставалось благоговейным даже после бесславного и стремительного развала «социалистического лагеря» во главе с СССР. Уже незадолго до своей смерти Клифф сравнил Великий Октябрь с тем революционным актом, который, согласно Новому Завету, осуществил Иисус Христос, когда, оказавшись в Иерусалиме, пришёл в храм и, увидев менял, опрокинул их столы [12, С. 36].

Очарованный, как и многие другие марксисты XX века, мощным воздействием Великого Октября не только на международное левое движение, но и на всё мировое развитие, Тони Клифф видел тем не менее, что эта революция представляла собой сложное, неоднозначное явление. «Октябрьская революция, – отмечал он, – сочетала в себе две

революции: революцию социалистического рабочего класса – продукт зрелого капитализма и крестьянскую революцию – продукт противоречий между поднимающимся капитализмом и старыми феодальными порядками» [6, С. 112]. Однако истинный характер этой революции иной, но долгое время выявить его не удавалось. Из тех причин, которые мешали установить истину, далеко не последнюю роль сыграла серьёзная ошибка, допущенная основоположниками марксизма при создании ими теории социальных формаций и вплоть до последнего времени остававшаяся незамеченной его учениками. Дело в том, что Маркс и Энгельс ошибочно полагали, что уже в XIX веке капитализм созрел для замены на социализм. На самом деле, он не достиг этой зрелости и сейчас, в начале XXI века.

Эта (и не только эта) ошибка нашла своё отражение в знаменитой «пятичленке», которая охватывает всё развитие человечества, начиная с появления первых людей и заканчивая грядущим коммунизмом. Создание основоположниками марксизма формационной «пятичленки» было огромным шагом вперёд в деле научного осмысления развития человечества. Однако очень скоро (после открытия Марксом «азиатского» способа производства) выяснилось, что данная схема слишком груба и нуждается в улучшении. В настоящее время на фоне огромного множества новых фактов, накопленных учёными-историками за последнюю сотню лет, несовершенство формационной «пятичленки» и в историческом, и в логическом плане бросается в глаза. Тем не менее даже в наши дни эту грубую схему многие марксисты считают безупречной, вызывая тем самым насмешки со стороны оппонентов из лагеря буржуазии. На наш взгляд, развитие человечества нужно рассматривать в рамках гораздо более сложной схемы, где каждый относительно самостоятельный отрезок развития и всё развитие в целом состоят из трёх частей. Этот трёхчастный принцип построения схемы человеческой истории диктуется тем, что у всякого развития, если брать его в

полном виде, три основные фазы, которые на языке диалектической логики выражаются терминами «тезис», «антитезис» и «синтез» (так называемая диалектическая триада).

На верхнем уровне теоретического анализа развитие человечества распадается на три фазы, соответствующие общинному (доклассовому), общественному (классовому) и коммунистическому (бесклассовому) строю. На среднем уровне в рамках каждой из этих социальных формаций следует выделять вторичные формации. Например, в рамках общественного строя – натуральное общество, рыночное (капиталистическое) общество и социалистическое общество. Как видим, опять получилось – и совершенно не случайно – три формации.

В свою очередь, в рамках вторичных общественных формаций следует выделять третичные. Например, капиталистическое развитие распадается на либеральное, номенклатурное и глобальное. Это не просто ранний, зрелый и поздний (перезрелый) капитализм, это три капиталистические формации со своими специфическими законами. Подробное обоснование данной трёхуровневой схемы требует отдельного разговора, а пока вернёмся к анализу теории государственного капитализма, которую создал Тони Клифф.

Отметим, что, согласно Марксу и Энгельсу, в России начала XX века победоносная пролетарская революция была невозможна. Пролетарская революция, справедливо полагали основоположники марксизма, должна победить там, где капитализм исчерпал все возможности для своего дальнейшего развития, то есть в наиболее развитых капиталистических странах, а империя Николая II из-за многочисленных феодальных пережитков явно не относилась к их числу. Русская революция, подчёркивали Маркс и Энгельс в предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», в лучшем случае может послужить сигналом для начала победоносной пролетарской революции на Западе [9, С. 98].

Тем не менее Октябрьская революция

вроде бы опровергла это предсказание основоположников марксизма. Она оказалась победоносной, но пришёл ли к власти рабочий класс? По мнению Клиффа, пришёл, ибо русским рабочим удалось полностью разгромить русскую буржуазию [6, С. 125].

Действительно ли российский пролетариат уничтожил русскую буржуазию, или, как любили выражаться большевики, ликвидировал её как класс? А как же огромная масса крестьянства? В тогдашней России крестьяне составляли подавляющее большинство (свыше 80 %) населения, а всякий крестьянин – это частный собственник, и в рыночных условиях он готовый или потенциальный мелкий буржуа. Вот почему в первые послеоктябрьские годы, как справедливо отмечает Клифф, Ленин и Троцкий были уверены в том, что судьбу русской революции определит победа революции в Германии [12, С. 29].

Хотя немецкая революция потерпела поражение, большевикам удалось обуздать мелкобуржуазную стихию и удержаться у власти. Это казалось чудом: пролетарская власть в крестьянской стране! На самом деле, никакого чуда не произошло, ибо власть оказалась не пролетарской, а номенклатурной, то есть буржуазной. Фокус состоял в том, что впервые в мире к власти пришла не либеральная, а номенклатурная, враждебная либеральной буржуазии. Враждебное отношение номенклатурщиков к рыночной стихии позволило им выдавать себя за представителей пролетариата, и это получалось у них тем успешнее, чем больше было среди них бывших рабочих и чем искреннее остальные воображали, будто они представляют интересы рабочего класса.

Кто такие номенклатурщики и как они эксплуатируют трудящихся, подробно описано в книге М. С. Восленского «Номенклатура» [2]. Правда, Восленский утверждает, будто советский строй не капиталистический, а номенклатура – не буржуазия, но факты говорят о другом: эксплуатируя рабочих, номенклатура присваивает себе производимую ими прибавочную стоимость, а значит,

имеет место самая настоящая капиталистическая эксплуатация.

Многих сбивает с толку, что эта эксплуатация осуществляется номенклатурщиками не напрямую, а через государство, но такая форма эксплуатации не отменяет её капиталистический характер: хотя номенклатурный капитализм противоположен классическому, т. е. либеральному, но это капитализм. И возникает он как закономерный результат монополизации либерального капитализма. Огосударствление капиталистической экономики получило широкое распространение уже в XIX веке, и во избежание недоразумений Энгельс специально отметил, что переход частных предприятий и даже всей национальной экономики в собственность капиталистического государства – ещё не социализм [11, С. 283].

Главной особенностью собственности, которой владеют номенклатурщики, является то, что она коллективная. При этом, в отличие от корпоративной собственности либерального типа, доли номенклатурной собственности не покупаются и не продаются [2, С. 177–178].

По мнению Тони Клиффа, Октябрьскую революцию совершил социалистический рабочий класс. Какие доводы приводит Клифф в обоснование этого тезиса? «В России, – отмечает он, – революция устранила препятствия, мешавшие развитию производительных сил, положила конец остаткам феодализма, ввела монополию внешней торговли, защищающую развитие производительных сил страны от губительного наступления мирового капитализма, и создала одновременно мощное средство для развития производительных сил в форме государственного владения средствами производства» [6, С. 126].

Социально-экономический прогресс, который принёс в Россию Великий Октябрь, Клифф описал очень грамотно, полно и точно, но из того, что он перечислил, ничто не говорит о социалистическом или пролетарском характере этой революции. Зато её номенклатурный характер выступает очень выпукло и зримо. России, чтобы не попасть в

колониальную зависимость от стран-лидеров и, более того, стремительно преодолеть серьёзное отставание от них путём ускоренного накопления капитала, требовалась номенклатурная революция, и, благодаря большевикам, она успешно осуществилась. Разумеется, в силу своей прогрессивности она способствовала и ускоренному развитию российского пролетариата, однако непосредственную выгоду извлекли из неё не рабочие, а номенклатурщики.

НОМЕНКЛАТУРА И БЮРОКРАТИЯ

Согласно Марксу и Энгельсу, все предпосылки, необходимые для перехода к социализму, создаёт буржуазия, но, согласно Клиффу, это не так. «Даже в наиболее развитых странах, – заявляет он, – окажутся некоторые задачи, не выполненные буржуазией, которые придётся завершать победоносной пролетарской революцией. *Перед послеоктябрьской Россией*, – добавляет он курсивом, сознавая, что вступает на скользкую дорожку, – *встала задача завершить историческую миссию буржуазии*» [6, 126]. По Клиффу, пролетариату, чтобы перейти в социализм, необходимо сделать то, что недоделала буржуазия, и, значит, рабочие должны на какое-то – пусть даже очень короткое – время перевоплотиться в капиталистов. И это марксизм?!

В послеоктябрьские годы, а точнее, во второй половине 20-х годов XX века в Советской России, утверждает Клифф, произошёл контрреволюционный переворот, осуществлённый так хитро, коварно, тайно, что ни российские, ни зарубежные рабочие его не заметили [6, С. 144]. Прямо-таки чудо: пролетариат не заметил, что лишился власти! На самом деле, уже Октябрь не был пролетарским, а значит, не было и хитрого контрреволюционного переворота.

Нет, настаивает Клифф, идя по стопам Троцкого и Рицци, переворот был, и к власти пришла бюрократия. Но кто такие бюрократы? Это управленцы, а не правители. Соответственно, бюрократизм – всего лишь стиль

управления, формой господства он ни в коем случае не является. Бюрократ, став правителем, перестаёт быть бюрократом, ибо отныне он не служащий, а господин. Правящий класс советского общества – не бюрократия, а номенклатура, которая, чтобы дезориентировать рабочих, старательно маскируется под административный аппарат [2, С. 131–132].

Как бы ни возражали защитники советского строя, факт остаётся фактом: хотя при этом строе главным собственником производимых в обществе благ официально провозглашается пролетариат, действительным их владельцем является номенклатура. Распоряжаясь общественной собственностью от имени рабочих, номенклатурщики зорко следят за тем, чтобы в реальности у пролетариата не было возможности их контролировать. Если бы они выражали пролетарские интересы, они не только не мешали бы рабочему контролю, но и всемерно способствовали его развитию. На деле получается так: власть – номенклатуре, а рабочим – лишь работа. В свете сказанного хорошо видно, что защита номенклатурной власти как народной или пролетарской может строиться лишь на явно несостоятельном с научной точки зрения предположении, будто какой-то господствующий класс способен распределять общественный продукт в интересах подчинённого класса, поступаясь при этом своими собственными.

Кого преимущественно эксплуатирует номенклатура? Пролетариат. Эксплуатировать крестьян ей несподручно, поэтому при советском строе крестьянство быстро тает, пополняя ряды рабочего класса. Как номенклатурщики эксплуатируют пролетариат? Именно так, как показано в «Капитале», т. е. путём присвоения прибавочной стоимости, создаваемой в процессе промышленного производства. Поэтому, когда Восленский утверждает, что номенклатура – не буржуазия, он явно противоречит фактам. Буржуазия, но очень своеобразная. Эта оригинальность номенклатурной буржуазии, по сравнению с либеральной, позволяет Восленско-

му и другим социологам облекать свои попытки представить советский строй как некапиталистический в форму добросовестного научного исследования.

Капиталисты стремятся получить максимальную прибыль, а у номенклатурщиков такого стремления нет, заявляет Восленский. Это противопоставление не выдерживает никакой критики. На самом деле, и классические (либеральные) капиталисты, и номенклатурщики одинаково жаждут максимального обогащения, однако – вот беда! – на практике и те и другие вместо прибыли нередко получают убытки, откуда и возникает впечатление, будто те или другие не очень-то заинтересованы в росте своих доходов.

Откуда берутся проблемы с максимизацией прибыли у либеральной буржуазии, хорошо известно: мешают периодические кризисы перепроизводства. А что мешает номенклатурной буржуазии? У неё-то таких кризисов нет. «Дело в том, – объясняет Восленский, – что ликвидирована ... рыночно-конкурентная среда» [2, С. 208]. Однако именно ликвидация этой среды и позволяет номенклатуре устранить то, что мешает максимизации прибыли при классическом капитализме. И всё бы хорошо, но, избавившись от кризисов перепроизводства, номенклатурщики сразу же получают другую проблему, мешающую обогащению, – при советском строе в общественном хозяйстве то здесь, то там периодически возникают кризисы недопроизводства, и люди страдают от дефицита.

Сравнение кризисов, характерных, с одной стороны, для либерального капитализма, а с другой – для номенклатурного, позволяет установить причину появления номенклатурного строя. Этой причиной является неизбежный рост монополизации капиталистического рынка и столь же неизбежный рост общественной потребности обуздать сопровождающие монополизацию кризисы перепроизводства, которые неизбежно становятся всё более разрушительными. А буржуазность номенклатурного строя отрицают

на основании того, что он противоположен либерально-капиталистическому: слабые места первого – это сильные места второго, и наоборот.

КОГДА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ?

Чтобы доказать, что российский пролетариат потерял власть лишь во второй половине 20-х годов XX века, т. е. с началом пятилеток, автор «Государственного капитализма в России» использует целый ряд аргументов. Один из главных – история уравнительной оплаты труда, введённой большевиками сразу после Октября.

«С началом осуществления пятилетних планов под лозунгом «победоносного социализма», – пишет Клифф, – все большевистские традиции уравнительности были опрокинуты» [6, С. 62]. Выходит, до пятилеток оплата труда была уравнительной, а с началом пятилеток уравнительность резко исчезла? Однако в реальности дело обстояло гораздо сложнее.

В знаменитой ленинской работе «Государство и революция» (август – сентябрь 1917 года) о первоочередной задаче большевиков после завоевания ими власти написано так: «Всё народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооружённого пролетариата – вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо» [8, С. 33, С. 50]. И это лишь ближайшая цель! С ленинской точки зрения, без её выполнения ни о каком рабочем государстве не может быть и речи.

Придя к власти, большевики не отказались от принципа коммунистического равенства, но уже 27 октября 1917 года начали строить систему распределения, отмеченную заботой, с одной стороны, о равенстве, а с другой – о предоставлении привилегий для

буржуазных специалистов. «Распределение денег, натуральных выплат и услуг, – отмечает Т. С. Кондратьева, – с самого начала подчинялось двойной логике: идеологической и прагматической» [7, С. 82].

Это признаёт и Тони Клифф. После Октября, пишет он, Ленин, требуя от советской власти исходить из принципа равной оплаты труда всех работников, «соглашался с необходимостью некоторых исключений в отношении специалистов... Однако он настаивал на том, чтобы ... разница в оплате была значительно меньшей, чем при царизме, чтобы эта тенденция в будущем развивалась в направлении всё большего выравнивания заработной платы; при этом он не стеснялся называть любое неравенство в этом отношении, обусловленное отсталостью страны, отступлением от социализма, уступкой капитализму» [6, 60].

В подтверждение того, что после Октября Ленин действительно посчитал невозможным для партии большевиков строго придерживаться принципа равенства в сфере распределения, обратимся к ещё одной знаменитой ленинской работе – к «Очередным задачам Советской власти». В этом произведении советская власть характеризуется как «организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплуатируемых, которые на своём опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надёжнейшего вождя» [8, С. 36, С. 196]. Под «сознательным авангардом пролетариата» явно имеется в виду партия большевиков.

«Буржуазия побеждена у нас, но она ещё не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена ещё до конца, – пишет Ленин о ситуации, сложившейся в стране в первые послеоктябрьские месяцы. – На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования

капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия» [8, С. 36, С. 175]. Отметим странность в данном анализе послеоктябрьской ситуации: Ленин заявляет, что буржуазия побеждена, хотя побеждённой можно было считать лишь фабрично-заводскую буржуазию, т. е. представителей среднего и крупного капитала. Что касается мелкой буржуазии, то говорить о победе над ней или даже всего лишь о подрыве её корней значило выдавать желаемое за действительное. И далее автор «Очередных задач», вопреки своему громкому заявлению о победе российского пролетариата над российской буржуазией, вынужден, не скрывая тревоги, констатировать «мелкобуржуазный характер» страны, «громадное преобладание» в ней «мелкособственнического населения над чисто пролетарским», разгул «мелкобуржуазной стихии распущенности», наличие «мелкобуржуазной тенденции к превращению членов Советов в «парламентариев» или, с другой стороны, в бюрократов» [8, С. 36, С. 197–198, С. 204, С. 207].

Преодолеть мелкобуржуазную стихию, подчёркивает Ленин, можно лишь посредством пролетарского учёта и контроля. Но вот беда: рабочий контроль введён как закон, но «не стал фактом», ибо его исключительно важное значение для перехода к социализму не очень понимают даже передовые рабочие и крестьяне [8, С. 36, С. 185]. Отсюда напрашивается вывод, который Ленин при всей его честности, смелости и откровенности сделать не отважился: в образовавшейся после Октября советской республике диктатуры пролетариата нет. В самом деле: наличие этой диктатуры означает, что всеми сферами общества, и прежде всего экономикой, управляют рабочие. А что мы видим в России 1918 года? Рабочие не то что не управляли экономическими процессами, а даже не контролировали их, так как не имели соответствующих знаний. И этому не приходится удивляться, ибо большинство

российского населения было неграмотным.

«Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями», – с горечью констатирует Ленин экономическую отсталость России по отношению к ведущим капиталистическим странам [8, С. 36, С. 189]. Чтобы исправить положение, он требует широко использовать специалистов. Казалось бы, разумное предложение, какие могут быть возражения? Но, как отмечает сам Ленин, в своей массе специалисты являются буржуазными. Поэтому, признаётся автор «Очередных задач», привлекая их к работе, советскому правительству приходится предоставлять им «высокие заработки», хотя это не только «отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти», но ещё и *«шаг назад»* нашей социалистической, Советской, государственной власти, которая с самого начала провозгласила и повела политику понижения высоких жалований до заработка среднего рабочего» [8, С. 36, С. 178–180].

Не странно ли, что, согласно ленинскому плану, победивший пролетариат должен сделать руководителями строительства социализма буржуазных специалистов, да ещё и предоставлять им высокое жалование? А вот ещё одна странность: советская республика, утверждает Ленин, должна перенять всё ценное из научно-технических завоеваний развитых капиталистических стран [8, С. 36, С. 190]. Оказывается, в капиталистическом мире осталось много ценностей, которых нет в советской республике и без которых строителям социализма никак не обойтись!

Итак, согласно ленинскому плану построения социализма, изложенному в «Очередных задачах Советской власти», рабочие, чтобы сохранить и упрочить диктатуру пролетариата, должны под руководством прогрессивных буржуазных специалистов, вооружённых новейшими научными и техническими достижениями капитализма, подняться до уровня рабочих «передовых наций», т. е. ведущих капиталистических держав. Поскольку диктатура пролетариата, как мы вы-

яснили (причём благодаря самому Ленину), в послеоктябрьской России фактически отсутствовала (даже рабочий контроль существовал лишь формально), в действительности план, изложенный в «Очередных задачах», прямого отношения к переходу от капитализма к социализму не имел. Это был план ускоренного буржуазного развития российского общества под руководством номенклатурщиков – новой, прогрессивной буржуазии, истинных правителей советской республики.

Странности, обнаруженные нами в «Очередных задачах», объясняются тем, что Ленин, с одной стороны, был учеником Маркса, причём самым лучшим, самым грамотным его учеником, а с другой – трезвым, прагматичным политиком. Как ученик Маркса, он исходил из того, что время капитализма прошло и нужно переходить к социализму; как трезвый политик, он видел, что капитализм ещё не пришёл к финишу и продолжает развиваться. Как ученик Маркса, он считал самым прогрессивным, передовым классом того времени пролетариат; как трезвый политик, он видел, что, на самом деле, таким классом является не пролетариат, а номенклатура – класс буржуазных специалистов, стремящийся построить антилиберальное общество с экономикой, работающей по государственному плану. Пока интересы пролетариата совпадали с интересами номенклатуры, это раздвоение личности, свойственное Ленину и многим его соратникам, оставалось почти незаметным, но, когда с помощью рабочих номенклатура пришла к власти, она, естественно, взялась за создание и укрепление не пролетарской, а своей, номенклатурной диктатуры, и теперь характерное для большевиков раздвоение личности стало приобретать резкий, порой трагический характер.

Почему, несмотря на то что подавляющее большинство населения России составляли крестьяне, основная масса которых после раздела помещичьих земель, узаконенного советской властью, либо уже обуржуазилась, либо сочувствовала сельским буржуа (кулакам) и стремилась пополнить их ряды, Ленин

считал, что российская буржуазия разбита? Потому что либеральная фабрично-заводская буржуазия действительно была разбита, а крестьянскую мелкобуржуазную стихию можно было обуздать, пообещав крестьянам преобразовать рынок сельскохозяйственной продукции из либерального в номенклатурный и тем самым защитить их от угрозы разорения, постоянно висящей над ними в условиях свободной конкуренции.

Почему, обнаружив, что российский пролетариат не готов установить свою диктатуру, Ленин не пришёл в отчаяние? Потому что в деле построения социализма большевики всегда рассматривали как главную цель не развитие диктатуры пролетариата, требующее всё большей демократизации общества, а создание плановой экономики. Для скорейшего перевода экономических отношений на плановые рельсы нужен не пролетариат – нужна номенклатурная буржуазия. Вот почему большевики без особых колебаний пошли на широкомасштабное привлечение к управлению советской республикой буржуазных специалистов номенклатурного толка, да ещё и предоставили им высокую оплату и другие привилегии. Что касается демократизации общества, то в этом деле большевики руководствовались принципом демократического централизма, который, жёстко ограничивая демократию стадией выработки программы действий, со временем всё больше трактовался как принцип единоличного диктатора руководителей.

Ленин рассчитывал, что через короткое время, может, даже через год, удастся ликвидировать все отступления от принципа равенства в оплате [8, С. 36, С. 181], но шли годы, а привилегии специалистов даже в условиях Гражданской войны с её «военным коммунизмом» не только не исчезли, а, напротив, несмотря на все ограничения, постепенно росли. В результате, отмечает Кондратьева, «уже в апреле 1920 года на III съезде профсоюзов делегаты возмущались очень сильным расхождением в зарплате (1:8 между рабочими и специалистами)» [7, С. 82].

Откуда стойкое сохранение разрыва в оплате между рабочими и специалистами в стране с диктатурой пролетариата? Научный ответ один: этой диктатуры не было. Данный вывод подтверждается тем, что в середине 20-х годов XX века руководство СССР решило узаконить несоблюдение уравнилельных традиций, сложившихся на заре советской власти. «Наступление против этих традиций возглавил Сталин, который объявил, что в основе уравниловки лежит крестьянское мировоззрение, идея равного разделения всех продуктов, психология примитивного крестьянского «коммунизма», что уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом, – пишет, не скрывая своего негодования, Тони Клифф. – Горе тому, кто после этого осмелился бы выступить против разницы в оплате, каких бы огромных размеров она ни достигала. Молотов пошёл еще дальше. На VII Всесоюзном съезде Советов он заявил, что политика большевиков требует решительной борьбы против сторонников уравниловки как сообщников классового врага, как элементов, враждебных социализму» [6, С. 62].

«Всякая пролетарская власть», подчёркивает Ленин в «Очередных задачах Советской власти» и делает это совершенно правильно, должна проводить политику «сведения жалований к уровню платы среднему рабочему» [8, С. 36, С. 179]. Советская власть уже в первые годы своего существования отступила от этой политики, а потом и вовсе отказалась от её проведения. Это ясно говорит о том, что с самого начала (даже при Ленине) она не была пролетарской.

ТОНИ КЛИФФ О РАБОЧЕМ ГОСУДАРСТВЕ

То, что Тони Клифф неверно определил классовый характер Октябрьской революции, связано с изъянами в его теории рабочего государства, специфические черты которой, по-видимому, сформировались именно под влиянием Великого Октября, точнее, вызванного им мощного всплеска мирового рабочего движения. Поэтому неудивительно,

что изложение своего представления о рабочем государстве в третьей главе «Государственного капитализма в России» Клифф начал с упоминания об Октябрьской революции как о «чрезвычайно важном факторе», который непременно нужно учитывать при теоретическом осмыслении современного мира: «Маркс и Энгельс предполагали, что революция начнется в наиболее развитых странах. Таким образом, они считали, что новое общество будет уже с самого начала находиться на более высоком материальном и культурном уровне, чем самые передовые капиталистические страны. Однако каждый прогноз всегда бывает условным. История развивалась не совсем так, как того ожидали Маркс и Энгельс. Революция произошла раньше всего в России, одной из наиболее отсталых капиталистических стран, и рабочие здесь захватили власть в свои руки, тогда как последовавшие за этим революции в более развитых странах не увенчались успехом» [6, С. 105].

Действительно, после смерти основоположников марксизма человечество развивалось «не совсем так», как они предсказывали, но это «не совсем так» относится не столько к их теории рабочего государства, сколько к их утверждению, что капитализм уже созрел, для того чтобы уступить место социализму. Вместо победоносной пролетарской революции, знаменующей наступление эры социализма, произошла победоносная Великая Октябрьская революция – первая в мире номенклатурная революция, возвестившая о вступлении капитализма в новую, номенклатурную фазу своего движения. Да, этого Маркс и Энгельс не предсказывали, потому что приближение номенклатурного капитализма ошибочно приняли за приближение социализма, а загнивание раннего, либерального капитализма за агонию капитализма вообще, но победу пролетарской революции там, где капитализм достигнет вершины, т. е. конечной точки развития, они предсказали абсолютно верно. Великий Октябрь не только не опровергает данного предсказания – напротив, подтверждает

его правильность. В недоразвитой капиталистической стране социализм в принципе невозможен, и, действительно, войти в социализм не удалось ни СССР, ни какой-либо другой стране советского типа из-за их капиталистической недоразвитости.

Рабочее государство, которое, согласно основоположникам марксизма, должно возникнуть в результате победы пролетарской революции, Тони Клифф изображает противоречиво. Особенно плохо преподносит он то, как будут складываться отношения между рабочими и инженерно-техническим персоналом.

Впрочем, сначала данная тема освещается автором «Государственного капитализма в России» очень солидно: «Из всех типов производственных отношений, существующих при капитализме, – отношений между одними капиталистами и другими, между капиталистами и рабочими, между самими рабочими, между инженерно-техническим персоналом и рабочими, между инженерно-техническим персоналом и капиталистами и т. д. – в социалистическом обществе остаются только отношения между самими рабочими в процессе производства; рабочие, объединяемые общественным способом производства, становятся основой для новых производственных отношений» [6, С. 105].

Но дальше Клифф «поплыл»: «Некоторые элементы капиталистических производственных отношений совсем исчезают при социализме вследствие ликвидации класса капиталистов, тогда как другие прослойки, такие как «новый средний класс» (инженерно-технические, финансовые и другие работники), должны влиться в новый общественный строй. Этот «новый средний класс» составляет часть производительных сил и в этом смысле является необходимым элементом производства» [6, С. 105–106]. По Клиффу, «новый средний класс» – «необходимый элемент производства». Если речь о современном капиталистическом производстве, то так оно и есть, однако для социалистического производства, каковым должно быть производство, осуществляемое рабо-

чим государством, это неверно.

Клифф не согласен: при социализме, считает он, инженерно-технические и прочие привилегированные работники капиталистического общества останутся, ибо будет отменена лишь иерархия, в которой «средний класс» занимает в процессе производства более высокое место, чем пролетариат [6, С. 106]. Автор «Государственного капитализма в России» почему-то упускает из виду, что для действительной, а не формальной отмены указанной иерархии должна исчезнуть разница в знаниях, умениях и навыках между рабочими, с одной стороны, и представителями «среднего класса» – с другой.

Одной из главных функций социалистического общества как раз и является устранение остатков этой разницы, причём именно остатков, ибо победоносная пролетарская революция состоится лишь тогда, когда пролетариат станет настолько развитым, что ему окажется по плечу решение любых производственных задач, в том числе инженерных и научных. Таким образом, представители «нового среднего класса» и подобных ему слоёв капиталистического общества могут «влиться в новый общественный строй» лишь в качестве новоиспечённых пролетариев.

«Полная победа социализма, – пишет Клифф, – означает полную ликвидацию различий между умственным и физическим трудом. Ясно, что эти различия невозможно было бы ликвидировать сразу же после социалистической революции, но *рабочий контроль на производстве станет непосредственным мостом между умственным и физическим трудом и отправным пунктом для их будущего слияния, для полной ликвидации классов*» [6, С. 107]. Если полная победа социализма – это полная ликвидация различий между умственным и физическим трудом, значит, в данном случае Клифф трактует социализм как бесклассовое общество, т. е. использует термин «социализм» как синоним термина «коммунизм». При жизни Маркса и Энгельса такое применение данных терминов было обычным, оно встре-

чается и у самих основоположников марксизма. В XIX веке это было простительным, так как марксистская терминология ещё не обрела строгий характер. Однако сейчас это явный анахронизм.

Нынешние марксисты приспособились различать коммунизм и социализм следующим образом: коммунизм – бесклассовое общество, а социализм – его начальная фаза. Казалось бы, проблему, связанную с терминами «коммунизм» и «социализм», удалось полностью устранить, но не тут-то было: понимание социализма как первой фазы коммунизма оказалось порочным.

Дело в том, что, объясняя специфику этой фазы бесклассового общества по отношению к другим, более поздним фазам, её изображают как эпоху диктатуры пролетариата, или эпоху рабочего государства. Именно так трактует социализм Тони Клифф, когда не отождествляет его с коммунизмом. Но термины «диктатура пролетариата» и «рабочее государство» ясно указывают на существование рабочего класса. В результате возникает серьёзное противоречие: социализм – это первая фаза бесклассового общества и в то же самое время последнее классовое (пролетарское) общество. Чтобы устранить данное противоречие, следует рассматривать социализм как такое общество, которое замыкает формационную цепь классовых обществ и тем самым обеспечивает переход к коммунизму, но само коммунистическим не является.

К сожалению, Клифф вместо устранения указанного противоречия предпочёл подержать пагубную для марксизма традицию смешивать классовый строй с бесклассовым. И вот какой «перл» преподносит он читателям на страницах «Государственного капитализма в России»: «В коммунистическом обществе накопление капитала будет обусловлено потребностями народа» [6, С. 109]. Накопление капитала при коммунизме! Оговорка? Вовсе нет: *смешение классового и бесклассового общества – характерная особенность клиффовского марксизма.*

Инженерно-технических работников

Клифф преподносит как необходимый элемент производственного процесса, неотъемлемую часть производительных сил и капиталистического, и коммунистического общества [6, С. 107]. Прелестно: класс («прослойка») инженерно-технических работников – необходимый элемент капиталистического (классового) и коммунистического (бесклассового) производства!

Дальше – больше: «при социализме», пишет Клифф, капиталистическая иерархия, согласно которой статус инженерно-технического работника ниже статуса капиталиста, но выше статуса рабочего, «будет ликвидирована. В переходный период она будет продолжать существовать в одном отношении, но будет ликвидирована в другом отношении. Поскольку умственный труд остаётся привилегией меньшинства, иерархические отношения сохранятся на заводах, железнодорожном транспорте и т. д. даже после пролетарской революции. *Но учитывая, что место капиталистов в этой иерархии займёт рабочее государство, то есть рабочий класс как коллектив, а инженерно-технические работники будут подчиняться рабочим, привилегированное положение работников умственного труда в этом смысле будет ликвидировано*» [6, С. 107].

Если рассматривать снизу вверх иерархию, которая, согласно Клиффу, должна возникнуть в обществе победившего пролетариата, получается такая вот чудо-лестница: инженерно-технический персонал – пролетариат – рабочее государство, или пролетариат как коллектив. Инженерно-технические работники, оставаясь привилегированными работниками умственного труда, окажутся в подчинении у рабочих и «в этом смысле» потеряют свои привилегии! Пролетариат будет занимать сразу две позиции – среднюю и верхнюю: среднюю – просто как пролетариат, а верхнюю – как коллектив! Трудно представить что-то более нелепое! Правда, Клифф утверждает, что пролетариат как коллектив – не пролетариат, а рабочее государство, но это не делает сконструирован-

ную им иерархию менее нелепой, ибо выходит, что два её члена – классы, а третий не класс, так как с марксистской точки зрения государство классом не является. Оно всего лишь орудие господствующего класса, которое необходимо ему для поддержания существующего в обществе порядка.

По примеру буржуазных социологов Клифф явно преувеличивает общественную роль государства, приписывая ему способность самостоятельно участвовать в классовый борьбе, играя роль посредника, арбитра или даже главной общественной силы. Так, по мнению автора «Государственного капитализма в России», государство может быть фактическим собственником средств производства [6, 133]. В период первых пятилеток, утверждает Клифф, Советское государство стало всемогущим, а его руководители – диктаторами [6, С. 117]. Это не марксизм.

«Рабочий контроль над инженерно-техническим персоналом означает подчинение капиталистических элементов социалистическим», – заявляет Тони Клифф [6, С. 107]. Данное заявление выделено курсивом, как имеющее чрезвычайно важный характер. И, действительно, в клиффовской теории рабочего государства тезис о том, что для подчинения капиталистических элементов социалистическим достаточно обеспечить рабочий контроль над производством и распределением, – одно из краеугольных положений. Не случайно чуть ниже автор «Государственного капитализма в России» снова выставляет данный тезис, рассматривая соотношение накопления и потребления в рабочем государстве [6, С. 110]. Между тем ложность утверждения о том, что рабочий контроль позволяет подчинить капиталистов пролетариату, бросается в глаза. Подчинение никогда не сводится к установлению контроля, ибо, чтобы иметь кого-то в своём подчинении, мало контролировать его действия – надо ещё и руководить ими. Вот если бы Клифф в своей выделенной курсивом фразе написал не «подчинение», а «начало подчинения», было бы правильно, но внести такую поправку озна-

чало для него как теоретика рабочего государства примерно то же, что выстрелить себе в ногу.

Тем не менее, чувствуя сомнительность своего заявления о значении рабочего контроля для диктатуры пролетариата, автор «Государственного капитализма в России» поспешил отметить, что инженеры и техники, пользуясь своим монопольным положением работников умственного труда, могут обманывать рабочих и тем самым создавать для нового общества большие трудности [6, С. 108]. Вместо развития этой темы Клифф ограничился цитатой из письма Энгельса Бебелю, не заметив, что она работает против него. Вот эта цитата: «...если в результате войны мы придём к власти раньше, чем будем подготовлены к этому, то технические специалисты окажутся нашими принципиальными противниками и будут обманывать и предавать нас везде, где только могут; нам придётся прибегать к устрашению их, и всё-таки они будут нас надувать...» [10, С. 38, 163]. Энгельс подчёркивает (и совершенно справедливо), что рабочим, строящим коммунизм, нужно не сотрудничать с техническими специалистами, а сразу же ликвидировать их как особый слой и полностью взять на себя все их функции, необходимые для социализма, иначе инженерно-технический персонал, имея возможность обманывать рабочих, непременно воспользуется ею для их эксплуатации, то есть для подчинения социалистических элементов капиталистическим.

Продолжая смешивать классовое и бесклассовое общество, Клифф переходит к теме трудовой дисциплины в рабочем государстве: «В условиях социализма дисциплина будет сознательной, она станет привычкой для свободного народа. В переходный период дисциплина будет представлять собой слияние двух элементов – сознательности и принуждения. <...> Инженерно-технический и административный персонал и т. п. будет занимать особое место в трудовой дисциплине. При капитализме администратор является приводным ремнём, с по-

мощью которого осуществляется капиталистическое принуждение по отношению к рабочим. При коммунизме администратор не будет выполнять функции принуждения. Его отношения с рабочими будут аналогичны отношениям, существующим между дирижёром и руководимым им оркестром, ибо трудовая дисциплина будет основываться на сознательности и привычке. В переходный период рабочие, поскольку это касается их самих, будут одновременно и дисциплинирующим, и дисциплинируемым элементом, субъектом и объектом, а инженерно-технические работники фактически будут служить лишь приводным ремнём – на этот раз рабочего государства, – хотя формально они по-прежнему будут выступать как дисциплинирующая сила по отношению к рабочим» [6, С. 108–109].

После этого рассказа о трудовой дисциплине в рабочем государстве картина производственной жизни в период диктатуры пролетариата стала не яснее, а ещё запутаннее. Инженерно-технические работники, заявляет Клифф, будут «приводным ремнём» рабочего государства и, значит, займут среднее место в его иерархии. Если выше, рисуя эту иерархию, автор «Государственного капитализма в России» помещал инженеров, техников и т. п. в самый низ, то теперь он повысил их социальный статус до среднего – того, какой они имеют при капитализме. Похоже, что изображение иерархии производственных отношений в рабочем государстве получилось у Клиффа путаным и витиеватым неслучайно: тут довольно чётко прослеживается стремление угодить сразу двум классам – и пролетариату, и инженерно-техническому персоналу.

Эта оценка подтверждается сравнением дисциплинирующей функции технического специалиста при диктатуре пролетариата с функцией дирижёра: дескать, никакой классовой эксплуатации рабочих со стороны специалиста не будет, ибо те будут подчиняться ему сугубо добровольно, без всякого принуждения. Клифф исходит из того, что дирижёрство исключает классовую эксплуатацию,

однако это не так.

К примеру, если мы обратимся к эпохе классового образования, то увидим, что самая ранняя, патриархально-деспотическая эксплуатация возникает в ходе руководящей деятельности, сходной с дирижёрской [4]. Патриарх (глава патриархально-деспотического общества) есть руководитель, который единолично присваивает весь общественный прибавочный продукт, но эта его единичность имеет непосредственно общественный характер, ибо является прямым следствием его уникальной общественной функции – функции объединяющего начала. Сходную функцию выполняет и дирижёр, руководящий оркестром.

«...Никто не согласится по доброй воле на уступку лишней доли в общественном продукте кому-то другому», – считает историк И. М. Дьяконов [5, С. 39], однако в патриархально-деспотическом обществе эта «уступка лишней доли» происходит, как правило, добровольно, поскольку патриарх – главный владелец общественной собственности, а остальные члены общества – зависящие от него совладельцы. Подобные отношения имеют место не только в раннем классовом обществе. Они отнюдь не редкость даже при современном капитализме, в основном – в семейной сфере.

Завершая картину рабочего государства, Клифф сравнивает его с капиталистическим. Черты сходства и различия он перечисляет парами: с одной стороны – сходство, с другой – нейтрализующее его различие.

Первая пара: сходство – разделение труда на умственный и физический, различие – рабочий контроль. Что касается разделения труда, то в общем автор «Государственного капитализма в России» прав: оно, действительно, будет присутствовать в рабочем государстве. Но только как исчезающее! *Не может быть рабочим государство, в котором не созрели условия для ликвидации общественного разделения труда.* Клифф считает иначе. С его точки зрения, если государство национализировало частные предприятия и ввело рабочий контроль, то оно

имеет все основания гордо называться рабочим. Разница между рабочим и капиталистическим государством, утверждает Клифф, состоит в наличии или отсутствии рабочего контроля над производством [6, С. 118]. Мы уже выяснили, что это ложь. К сказанному выше добавим, что рабочий контроль в форме надзора со стороны профсоюзов давно и прочно прописался в мире капитала, причём даже там, где сильны либеральные традиции. Во многих капиталистических странах он существует вполне легально, ибо встроен в систему государственного регулирования буржуазной экономики. Однако это любимое детище социал-демократии не столько приближает социализм, сколько создаёт иллюзию социального партнёрства между буржуазией и пролетариатом.

«Рабочий контроль – это мост, пусть даже и узкий мост, к уничтожению различия между умственным и физическим трудом, которое будет полностью осуществлено в коммунистическом обществе...», – заявляет Клифф [6, С. 118]. Но подлинная диктатура пролетариата, а не та, которая предстаёт перед нами на страницах «Государственного капитализма в России», для ликвидации общественного разделения труда будет использовать не рабочий контроль, не его постепенное расширение и углубление (это должно происходить в рамках капитализма), а его радикальную безотлагательную замену на пролетарское управление всеми делами государства, то есть с самого начала рабочие будут брать на себя все управленческие функции и учиться их эффективно осуществлять. В противном случае вместо диктатуры рабочего класса непременно получится диктатура каких-то нерабочих управленцев. Это один из главных уроков советской власти.

Вторая пара: сходство – наличие инженерно-технических работников, стоящих выше рабочих, различие – инженерно-технические работники подчиняются «не капиталу, а воле рабочего государства, коллектива производителей» [6, С. 118]. Вместо этой искусственной, надуманной иерархии, призванной закрепить подчинение пролетариата привилегирован-

ному слою нерабочих управленцев (среднему классу в виде инженерно-технического персонала и высшему классу в виде неких представителей «воли рабочего государства»), будет один-единственный класс – пролетариат. Что касается слоя инженерно-технических работников, то сразу после пролетарской революции он исчезнет, ибо эти работники, потеряв свой особый статус, превратятся в пролетариев. В рабочем государстве отличие этих новоиспечённых пролетариев от потомственных будет состоять лишь в том, что первые будут избавляться от преобладания в их деятельности умственного труда, а вторые – физического.

Третья пара: сходство – наличие принуждения в трудовой дисциплине, различие – «принуждение будет не единственным элементом в трудовой дисциплине и станет всё больше и больше подчиняться элементам сознательности» [6, С. 118]. В этом случае возразить нечего. Разве что стоит внести уточнение: пролетарское принуждение качественно отличается от капиталистического, ибо всегда представляет собой принуждение оплошавшего товарища исправить допущенную им ошибку. Такое принуждение, имея товарищеский характер, не унижает личность, а помогает ей подняться выше, стать совершеннее.

Четвёртая пара: сходство – субъекты хозяйственной деятельности обмениваются эквивалентами, различие – обмен осуществляется, во-первых, путём сознательного руководства экономикой, а не в результате действия стихийных сил и, во-вторых, на основе равных прав собственности на средства производства для всех производителей [6, С. 118]. На этот раз Клифф безупречен, не нужно даже уточнений.

Итак, сопоставив рабочее государство с капиталистическим, мы выяснили, что первое мало чем напоминает второе. У автора «Государственного капитализма в России» вывод получился другим: «Экономика рабочего государства и капиталистическая экономика имеют много общих черт» [6, С. 117]. Неудивительно, что это заключение резко расходится

с нашим: если постоянно смешивать капитализм с социализмом и коммунизмом, итог обязательно окажется таким, к какому пришёл Тони Клифф.

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ: ПРОГРЕСС ИЛИ РЕГРЕСС?

С научной точки зрения клиффовское сравнение рабочего государства с капиталистическим явно ущербно, но не только это сравнение. Автор «Государственного капитализма в России» то и дело явно или неявно сравнивает Советский Союз с развитыми либерально-капиталистическими странами и всякий раз старается провести сопоставление так, чтобы СССР даже в случаях, не допускающих однозначной оценки, выглядел однозначно негативно. За примерами далеко идти не надо: в клиффовском «Государственном капитализме» их предостаточно.

17 апреля 1941 года в газете «Труд» было опубликовано заявление о том, что рабочие, которые не используют все 480 минут рабочего времени на производительный труд, нарушают дисциплину. Разумеется, это заявление – пропагандистский перегиб и его автор явно переборщил, но переборщил и Клифф, прокомментировав данное заявление, сделанное, между прочим, накануне Великой Отечественной войны, чрезмерно бурно и пафосно: «Можно быть уверенным, что за пределами России ни один рабочий в мире не соблюдает этой обязательной «социалистической» нормы!» [6, С. 26].

В конце критического анализа законов СССР о труде Тони Клифф не нашёл ничего лучше, как воспользоваться цитатой из В. Гзовского, смысл которой сводится к тому, что сталинское правительство, чтобы жёстко подавлять всякое недовольство, сделало государственными все каналы, через которые трудящиеся могут защищать свои интересы. Поскольку сталинские законы о труде имели целью не только подавление недовольства, автор цитаты оценил их значение явно односторонне, и не случайно: Гзовский – ярый антисоветчик, который перед тем, как

эмигрировать на Запад, был белогвардейцем. Тем не менее, по мнению Клиффа – почитателя Ленина и Троцкого, белогвардейцу Гзовскому удалось определить значение сталинского трудового законодательства «достаточно хорошо» [6, С. 27]. Хорошо, для чего – для того, чтобы читатель вообразил, будто положение рабочих при либеральном капитализме, безусловно, лучше, чем при государственном?

И вот апофеоз клиффовского предвзятого отношения к СССР: в середине XX века, утверждает автор «Государственного капитализма в России», советский рабочий, по сравнению с английским, был более бедным, чем «русский рабочий во времена царизма по сравнению с английским рабочим в тот же период» [6, С. 46–47]. То есть, согласно Клиффу, советский строй является реакционным не только по отношению к либерально-капиталистическому, но даже по отношению к тому обременённому многочисленными пережитками феодализма капиталистическому строю, который имел место при самодержавном правлении Николая II, но прав ли Тони Клифф?

Поскольку с точки зрения марксизма выяснять, является ли тот или иной общественный строй реакционным, следует путём сравнения его базиса, т.е. способа производства, с базисом его непосредственного предшественника и основного конкурента, проведём соответствующий анализ, с одной стороны, советского (номенклатурного) общества, а с другой – либерально-капиталистического. В этом анализе нам поможет выдающийся американский экономист Роберт Аллен. Его книга «От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции» – лучшее на сегодняшний день исследование экономики СССР.

В своей брошюре «Marxism at the millennium», опубликованной в 2000 году, Тони Клифф подвёл итоги развития человечества в XX веке. Судя по названию брошюры, Клифф самонадеянно полагал, что ему удалось провести краткий анализ данного пери-

ода истории в лучших марксистских традициях. А как вышло на самом деле?

В 1917 году, утверждает Клифф, российский рабочий класс успешно осуществил Октябрьскую революцию, но поражение революционного всплеска на Западе вызвало в СССР поворот вправо [12, С. 29]. В результате Россия оказалась не социалистической, а государственно-капиталистической [12, С. 32]. В общем, картина получилась такая: возникшее в России первое в мире рабочее государство, не получив поддержки с Запада, выродилось в капиталистическое, то есть социальный прогресс сменился явным регрессом. Однако, как мы выяснили выше, Октябрьская революция была не столько рабочей, сколько номенклатурной. Такой же характер, судя по всему, имел и весь революционный всплеск начала XX века.

Теперь перед нами следующий вопрос: как оценить появление первого в мире номенклатурного государства и его последующее развитие? Какую роль – прогрессивную или реакционную – сыграл Советский Союз (в частности, под руководством Сталина) для советского и мирового пролетариата? С точки зрения Клиффа, роль СССР была, безусловно, негативной, ибо, утверждает он, это государство представляло собой «тоталитарную тиранию» [12, С. 32]. Такая характеристика Советского Союза и по смыслу, и по словесному выражению неотличима от либеральной, и неслучайно: как мы видели, автор «Государственного капитализма в России» явно симпатизирует либерально-капиталистическому обществу. Теперь посмотрим, как характеризует Советское государство автор книги «От фермы к фабрике» Р. Аллен.

Аллен не марксист, но, перелопатив огромное количество информации, относящейся к советской экономике, построив на этом массиве данных ряд математических моделей и проведя их тщательный анализ, он получил более марксистское, то есть более экономически обоснованное, решение интересующего нас вопроса, чем то, к которому пришёл считавший себя стопроцент-

ным марксистом Клифф. По мнению Аллена, достижения Советского Союза в период с 1928 по 1970 год по сравнению с другими странами мира, пребывавшими в 20-х годах XX века на схожем уровне экономического развития, являются «чрезвычайно высокими», но даже на фоне наиболее развитых стран Запада их следует рассматривать как «выдающиеся» [1, С. 17]. Политика царской власти, утверждает Аллен, не могла обеспечить быстрого развития России, «...и, если бы в истории страны не было такого эпизода, как коммунистическая революция и советские «пятилетки», Россия и по сей день оставалась бы отсталым государством, находясь на той же ступени развития, которую сегодня занимает большинство стран Латинской Америки или даже Южной Азии...» [1, С. 31].

Таким образом, с точки зрения Аллена, для России советский опыт, несомненно, оказался прогрессивным: страна стремительно и радикально модернизировала свою экономику. Более того, подчёркивает автор книги «От фермы к фабрике», этот опыт сыграл прогрессивную роль не только для России: он показал всем отстающим странам, как можно резко ускорить своё развитие и за короткий срок войти в число стран-лидеров. По мнению Аллена, начало XX века – это Великая Октябрьская революция, а его завершающий этап – распад Советского Союза. «Конечно, – уточняет американский экономист, – были и другие события, имевшие весьма большое значение... Однако все они в значительной степени были обусловлены влиянием экономического роста и политического вызова со стороны СССР» [1, С. 8].

Кто же прав: Тони Клифф или Роберт Аллен? Обратимся к наиболее важным фактам экономической истории Советского Союза. О развитии любой страны, прежде всего, судят по ВВП на душу населения. Согласно таблице 1.1 из книги «От фермы к фабрике» [1, С. 13–14], в СССР этот показатель с 1928 по 1940 год, т. е. во время сталинской индустриализации, вырос более чем в полтора раза, а с 1928 по 1970 год – более чем в 4 раза, тогда

как в Западной Европе он вырос, соответственно, на 14 % и более чем в 2 раза. Налицо впечатляющий прогресс советского общества, но, по Клиффу, это развитие имело не прогрессивный, а реакционный характер.

Откуда взялась у него такая низкая оценка впечатляющих достижений СССР? А вот откуда: *развитие Советского Союза Тони Клифф оценивает через призму рабочего государства, якобы существовавшего в России в первые годы советской власти.*

Ссылаясь на данные С. Прокоповича, Клифф утверждает, что реальная заработная плата советских рабочих с 1922 по 1929 год постоянно росла [6, С. 36]. Правда, в 1922–1923 годах она составляла меньше половины от заработной платы 1913 года, но в 1927 году сравнялась с нею, а в 1928–1929 годах превысила на 15,6 %. В то же время продолжительность рабочего дня сократилась на 22,3 % [6, С. 37]. По мнению Клиффа, эти цифры свидетельствуют о том, что до введения пятилеток Советское государство, несмотря на усиливавшуюся бюрократизацию, замедлявшую рост заработной платы, было рабочим: «В рабочем государстве рост производительности труда сопровождается улучшением положения рабочих» [6, С. 43–44].

Какое интересное рабочее государство: улучшение жизни рабочих сопровождалось улучшением жизни бюрократии, и именно в те два года, когда советский рабочий стал зарабатывать больше, чем при царе, – в 1928–1929 годах – бюрократия сумела резко усилить своё влияние! Клифф не мог не видеть эту странность, и она должна была заставить его серьёзно задуматься о том, действительно ли Советское государство до 1928 года, т. е. до перехода к пятилетнему планированию, было рабочим, но – ничуть не бывало! Между тем именно в указанные два года резко обострилась номенклатурная борьба за власть, и логично предположить, что кратковременное улучшение жизни рабочих по сравнению с 1913 годом, которое, по мнению Клиффа, свидетельствует о рабочем характере тогдашнего государства, на

деле представляло собой не более чем хитрый манёвр сталинской номенклатуры, позволивший заручиться поддержкой пролетариата.

«С введением плана положение коренным образом изменилось, – утверждает Клифф. – Начиная с этого времени накопление шагнуло далеко вперёд, тогда как жизненный уровень масс не только остался далеко позади, но даже, безусловно, понизился» [6, С. 37]. Отсюда вывод: поскольку трансформация рабочего государства в сталинское время привела к обнищанию рабочего класса, она несомненно имела реакционный характер.

Р. Аллен убедительно продемонстрировал, что утверждение Клиффа о массовом падении уровня жизни советских рабочих в период индустриализации базируется на неверном анализе динамики реальной заработной платы. Однако статистика вроде бы подтверждает клиффовскую точку зрения. Даже Аллен, сопоставив доходы граждан СССР в 1927–1928 годах, с одной стороны, и в 1937 году – с другой, отмечает, что реальные доходы трудящихся всех профессий «упали на 13 % и составили 87 % от их объёма в 1927–1928 годах. Доходы работников предприятий упали ещё сильнее – на 30%» [1, С. 197].

Выходит, Клифф прав? Аллен не согласен. Он призывает обратить внимание на то, что «изменение реальных доходов для категории «все трудящиеся» говорит об изменении в покупательной способности некоего «рабочего или служащего со средней зарплатой» как в 1927–1928 годы, так и в 1937 году. Проблема в том, что подобный «рабочий или служащий» 1937 года в конце 1920-х годов не был ни рабочим, ни служащим... Между 1927–1928 и 1937 годами общее число рабочих и служащих выросло с 11,3 млн до 27 млн. за счёт крестьян. Благодаря миграции из села в город число рабочих на заводах увеличилось с 3,5 млн. до 10,1 млн» [1, С. 196–197].

Чтобы рассчитать изменение реальных доходов новоприбывших в города, подчёрки-

вает Аллен, необходимо сравнить их заработок на селе в 1927–1928 годах с городским в 1937 году. Сравнение показало, что в 1928 году средний доход крестьянина составил лишь 57 % от средней городской зарплаты. Среднестатистический житель села, переехавший в город и устроившийся на среднюю должность на производстве, увеличил свой доход на 77 %. С учётом этой миграции, делает вывод Аллен, очевидно, что реальные доходы большинства горожан выросли. «Среднестатистический работник, занятый в промышленности (независимо от профессии), переехав в город, стал потреблять почти на 25 % больше. Данный показатель варьируется относительно сферы промышленности, в которой работает мигрант. В текстильной и пищевой отраслях наблюдался незначительный спад, а в таких сферах, как управление, образование, финансы, угольная промышленность, произошёл наибольший рост». Кроме того, в период индустриализации увеличилась доля работающих горожан, и, например, «в Москве число членов семьи, получающих заработную плату, увеличилось с 1,37 в 1929 году до 1,63 в 1937 году. Этот прирост в 19 % компенсировал большую часть падения реальных доходов в промышленности. Граждане, проживающие долгое время в городах, в 1930-х годах получили возможность сохранить свой прежний уровень потребления за счёт наращивания своего труда» [1, С. 198]. Вдобавок они могли увеличить доход путём повышения квалификации, занятия более высоких должностей и участия в стахановском движении.

Таким образом, хотя сталинская номенклатура отнюдь не баловала рабочие массы и за годы индустриализации реальная заработная плата среднего рабочего упала, доходы большинства советских трудящихся выросли. Особенно выиграли пришедшие в промышленность крестьяне. В результате советский номенклатурный капитализм получил широкую народную поддержку.

Клифф утверждал, что индустриализация привела к снижению потребления. Аллен убедительно показал, что на деле произо-

шло обратное. Правда, отмечает он, в годы первой пятилетки потребление упало, но причиной этого спада была не политика увеличения доли производства средств производства по отношению к производству потребительских товаров, а коллективизация с её трагическими перегибами. «Как только колхозы оправились от этого удара, потребление стало быстро расти. К концу 1930-х гг. объём производства потребительских товаров увеличился почти на 80 %» [1, С. 201].

Рост потребления в период индустриализации подтверждается данными демографии: в конце 1930-х годов среднестатистические мужчина и женщина СССР, по сравнению с серединой 1920-х годов, стали жить, соответственно, на 3 и 5 лет дольше. На рост продолжительности жизни, подчёркивает Аллен, не смогли оказать существенного негативного воздействия ни пресловутый «голодомор», ни массовые репрессии [1, С. 200].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя краткий анализ теории государственного капитализма Тони Клиффа, мы выяснили, что её основные положения не выдерживают серьёзной критики.

Во-первых, Октябрьская революция 1917 года, несмотря на активное участие в ней пролетариата, пролетарской не была. Вместо рабочих к власти пришла номенклатура – новый класс буржуазных эксплуататоров, враждебный по отношению к частновладельческому капиталу. Этот класс начал формироваться ещё в царской России.

Во-вторых, поскольку советская власть с самого начала была не пролетарской, а номенклатурной, не стоит вслед за Клиффом утверждать, будто партийная бюрократия во главе со Сталиным совершила контрреволюционный переворот, в результате которого рабочие лишились власти. В 20-е годы в Советской России имела место борьба разных групп номенклатуры – и только.

В-третьих, советский строй действительно представляет собой государственный

капитализм, но не такой, о каком пишет Клифф. Правильнее называть этот капитализм номенклатурным, ибо при нём собственность на средства производства принадлежит не государству, а номенклатуре. Номенклатурщики – это коллективные собственники, для которых Советское государство – удобная ширма, позволяющая скрывать наличие системы эксплуатации рабочего класса.

И, наконец, в-четвёртых, номенклатурный капитализм – это общественный строй, благодаря которому отсталые капиталистические страны способны догнать страны-лидеры. Обеспечивая ускоренное развитие отсталых стран, номенклатурный капитализм играет не реакционную, а прогрессивную роль.

Библиография / References:

1. Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 390 с.
2. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: «Советская Россия» совместно с МП «Октябрь», 1991. – 624 с.
3. Горлов А.В. Историк и философ М. С. Восленский о господствующем классе советского общества // Вестник государственного и муниципального управления. – 2020. – № 4. – С. 58–73.
4. Горлов А.В. Эксплуатация и собственность в патриархальном обществе // Вестник государственного и муниципального управления. – 2012. – № 2. – С. 16–25.
5. История древнего мира. Кн. 1. / Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой. – Изд. 3-е. – М.: Наука, 1989. – 470 с.
6. Клифф Т. Государственный капитализм в России. – Л.: Издание редакции дискуссионного бюллетеня «Социалистический рабочий», 1991. – 288 с.
7. Кондратьева Т.С. Кормить и править: о власти в России в XVI – XX вв. – М.: Россий-

ская политическая энциклопедия, 2006. – 208 с.

8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Издание пятое. – М.: Политиздат, 1987–1989.
9. Маркс К. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1983. – 346 с.
10. Маркс К. Сочинения (в 50 т.) / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1981.
11. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. – М.: Политиздат, 1988. – 482 с.
12. Cliff T. Marxism at the millennium. – London, Chicago, Sydney: Bookmarks Publications Ltd, 2000. – 86 p.

1. Allen R.S. Ot fermy k fabrike: novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii [Farm to Factory: A New Interpretation of the Soviet Industrial Revolution]. – М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2013. – 390 s. (In Russ.).
2. Voslenskiy, M.S. Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuzа [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. – М.: «Sovetskaya Rossiya» sovместno s MP «Oktyabr'», 1991. – 624 s. (In Russ.).
3. Gorlov A.V. Istorik i filosof M.S. Voslenskiy o gospodstvuyushchem klasse sovetskogo obshchestva [Historian and philosopher M.S. Voslensky about the ruling class of the Soviet society] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2020. – №4. – S. 58–73. (In Russ.).
4. Gorlov A.V. Ekspluatatsiya i sobstvennost' v patriarkhal'nom obshchestve [Exploitation and property in a patriarchal society] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2012. – № 2. – S. 16–25. (In Russ.).
5. Istoriya drevnego mira [History of the ancient world]. Kn. 1. / Pod red. I.M. D'yakonova, V.D. Neronovoy, I.S. Sventsitskoy. – Izd. 3-ye. –

M.: Nauka, 1989. – 470 s. (In Russ.).

6. Kliff T. Gosudarstvennyy kapitalizm v Rossii [State capitalism in Russia]. – L.: Izdaniye redaksii dis-kussionnogo byulletenya «Sotsialisticheskiy rabochiy», 1991. – 288 s. (In Russ.).

7. Kondrat'yeva T.S. Kormit' i pravit': o vlasti v Rossii v XVI–XX vv. [To feed and rule: about power in Russia in the 16th–20th centuries]. – M.: Rossiyskaya poli-ticheskaya entsiklopediya, 2006. – 208 s. (In Russ.).

8. Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works] / Izdaniye pyatoye. – M.: Politizdat, 1987–1989. (In Russ.).

9. Marks K. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. V 3-kh tomakh. T.1 / K. Marks, F. Engel's. – M.: Politizdat, 1983. – 346 s. (In Russ.).

10. Marks K. Sochineniya [Works] (v 50 t.) / K. Marks, F. Engel's. – Izd. 2-ye. – M.: Izdatel'stvo politiche-skoy literatury, 1955–1981. (In Russ.).

11. Engel's F. Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedonnyy gospodinom Yevgeniyem Dyurin-gom [Anti-Dühring. A revolution in science brought about by Mr. Eugene Dühring]. – M.: Politizdat, 1988. – 482 s. (In Russ.).

12. Cliff T. Marxism at the millennium. – London, Chicago, Sydney: Bookmarks Publications Ltd, 2000. – 86 p. (In Engl.).

УДК 316.722:008

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-64-74

ТЮРИН Евгений Анатольевич, кандидат политических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru, AuthorID: 456416

TYURIN E.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru, AuthorID: 456416

САВИНОВА Елена Николаевна, кандидат политических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: SavinovaE.N@yandex.ru, AuthorID: 426467

SAVINOVA E.N., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: SavinovaE.N@yandex.ru, AuthorID: 426467

ТРАНСЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТИНУИТЕТ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

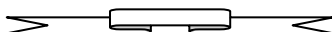
TRANSCIVILIZATIONAL CONTINUITY OF THE BOSPORAS KINGDOM

Аннотация. Цель статьи заключается в тезисном представлении авторской концепции трансцивилизационного континуитета Боспорского царства в контексте учения Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах. Авторы приходят к выводу о том, что древний боспорский сплав влияний различных цивилизаций и наложений многих культурных горизонтов должен рассматриваться как трансцивилизационный континуитет Боспорского царства. В этом следует искать основные критерии русского культурно-исторического типа.

Ключевые слова: культурно-исторические типы, Боспорское царство, трансцивилизационный континуитет, евразийство, туранство, эллинизм, византизм.

Abstract. The purpose of the article is to present the thesis of the original author's concept of the transcivilizational continuity of the Bosphorus kingdom in the context of the teachings of N.Ya. Danilevsky about cultural and historical types. The authors come to the conclusion that the ancient Bosphoran fusion of influences from various civilizations and overlays of many cultural horizons should be considered as a transcivilizational continuity of the Bosphoran kingdom. In this we should look for the main criteria of the Russian cultural and historical type.

Keywords: cultural-historical types, Bosphoran kingdom, transcivilizational continuity, Eurasianism, Turanism, Hellenism, Byzantism.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, в условиях глобального кризиса, обострившегося на фоне противостояния России и коллективного Запада, размышления о теоретическом наследии Н. Я. Данилевского приводят любого здравомыслящего человека к осознанию правоты этого выдающегося русского цивилициониста в его выводах о том, что «Европа не признает нас своими», что она «видит в России нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для неё простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды...» [3]. Удивляет точность и актуальность формулировок, изложенных в 1869 году.

Безусловно, в настоящее время разлом проходит уже в несколько иных государственно-территориальных и этнокультурных границах. В наши дни Европа Н. Я. Данилевского – более ёмкая категория. По сути, условная символическая Европа сегодня представлена теми странами, регионами и народами, которые в геополитическом плане признают главенствующую роль США и/или Евросоюза. В социокультурном контексте – это страны, разделяющие цивилизационный (прежде всего ценностный) вектор современного развития коллективного Запада, несмотря даже на тот факт, что означенный вектор, по сути, отрицает глубинные основания самой западной цивилизации. И в этом смысле сегодняшняя Россия, сохраняя в себе очень многое из традиционного европейского культурного наследия, оказывается в большей степени Европой, нежели сама Европа.

Вероятно, Н. Я. Данилевский не очень бы удивился тому факту, что роль мирового гегемона взяли на себя англосаксы во главе с Соединенными Штатами Америки, но, несомненно, он был бы поражён тем обстоятельством, что знаменем борьбы Запада и его сателлитов с Россией станет Украина. И, конечно, этого мыслителя (как убеждённого панслависта) привёл бы в полное замешательство тот факт, что в стане яростных

недругов Русского мира окажется подавляющее большинство славянских стран (в том числе балканских). Поэтому следует иметь в виду, что взгляды Н. Я. Данилевского могут быть правильно поняты только в контексте международных реалий второй половины XIX столетия, когда такие мощные геополитические государственные образования, как Османская и Австро-Венгерская империи испытывали серьёзный кризис, вызывавший множество вопросов о будущем их народов. Среди последних упомянем, прежде всего, балканских славян, традиционно исповедовавших православие и относящихся к так называемому византийскому содружеству наций [11; 14]. Н. Я. Данилевскому неслучайно грезились «Славянский союз», который, по мнению исследователя, мог бы сложиться на основе отдельного (славянского) культурно-исторического типа.

Впрочем, идеи, содержащиеся в книге «Россия и Европа», следует расценивать не столько как научно-исследовательский, сколько как футуролого-идеологический конструкт, показывающий возможные варианты цивилизационного и геополитического развития Русского мира и Запада. Это своего рода глобальная утопия, хотя, конечно, мы должны помнить об этой работе не в связи с утопичностью славянского проекта, а в связи с тезисом о том, что Россия – не Европа, что у неё собственный культурно-исторический путь, отличный от западного.

Между тем современные реалии показывают, что в вопросе, например, о том же славянском единстве более дальновидным оказался современник Н. Я. Данилевского – К. Н. Леонтьев. Последний не только не исповедовал славянофильства, но, более того, провозглашал бессодержательность всеславянской племенной связи как таковой.

Отрицал К. Н. Леонтьев и сугубо славянскую сущность нашей страны, утверждая: «Бессознательное назначение России не было и не будет чисто славянским...» [8, С. 284–285].

Приведённый отрывок показывает, что К. Н. Леонтьев, соглашаясь с Н. Я. Данилев-

ским по вопросу о принципиальном различии России и Европы, не разделяет славянофильских чаяний последнего. Напротив, он видит опасность западного влияния на Россию через славян (прежде всего, болгар), на стороне которых были симпатии либеральной российской общественности. Истоки такого «болгаробесия» К. Н. Леонтьев увидел в либеральном всеславянстве, которое, по его мнению, и есть либеральное зло.

Нынешняя международная политическая повестка показывает, насколько точно оценивал К. Н. Леонтьев сомнительность славянского братства, преданного и втоптанного в кровь украинским бандеровским режимом Киева и сочувствующими ему русофобами Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, Северной Македонии и прочими. Они продали свои идентичности и свои суверенитеты беснующемуся постмодернистскому Западу за сладкие посулы сытой жизни в составе европейской толерантно-либеральной трансгендерной семьи.

Подобное положение вещей требует переосмысления многих устоявшихся постулатов, которые во множестве рождались в российской общественно-политической мысли и до Н. Я. Данилевского, и в его время, и в наши дни. Такое переосмысление в основе своей затрагивает то, что в современном дискурсе часто именуют национальной идеей, ценностными смыслами, духовными скрепами, исторической памятью, Русским Логосом и т. д.

Кстати, упомянутый нами К. Н. Леонтьев критиковал Н. Я. Данилевского ещё и за то, что последний в ряду культурно-исторических типов не выделил отдельно русский.

Между тем и история нашей страны, и современные глобальные процессы, на наш взгляд, со всей очевидностью свидетельствуют об особом положении России, её цивилизационной миссии не только на территории Евразии, но и во всем мире. В этой связи вопрос о горизонтах осмысления русского/российского культурно-исторического

типа не только продолжает сохранять философскую и научную актуальность, но и обретает политико-управленческую остроту.

Со времён Н. Я. Данилевского означенная задача не стала легче, и в своих размышлениях мы не ставили цель (что граничило бы с безответственной самонадеянностью и даже с безумием) дать чёткие критерии, позволяющие раскрыть содержание русского/российского культурно-исторического типа. Тем не менее считаем возможным высказать некоторые суждения по рассматриваемой проблематике.

Для начала проявим солидарность с нашим соотечественником А. Г. Дугиным (интереснейшим современным мыслителем) в вопросе о том, что без изучения культурных горизонтов, оказавших наибольшее влияние на русскую идентичность, понимание русской цивилизации невозможно [4].

А. Г. Дугин среди прочего вполне справедливо и обоснованно отмечает, что на структуру русской идентичности существенное влияние оказала туранская (индоевропейская) кочевая андрократическая культура и её неиндоевропейские преемники: «Русских этот туранский фактор – как индоевропейский (скифы, сарматы), так и постиндоевропейский (гунны, авары, тюрки, мадьяры, монголы) – затрагивал самым прямым образом на разных этапах истории, с глубокой древности до самых последних веков» [4, С. 7].

В качестве ещё одного горизонта формирования русской идентичности Александр Гельевич указывает средиземноморскую культуру (в лице греческой и византийской), отмечая, что «для полноценного понимания русского мировоззрения необходимо предварительное знакомство с эллинизмом и византизмом» [4, С. 7].

Данные оценки свидетельствуют о последовательности А. Г. Дугина в его евразийстве, которое, по нашему глубокому убеждению, является одним из важнейших концептуальных векторов, выработанных отечественной мыслью для постижения рус-

ского/российского культурно-исторического типа.

О туранстве и византизме в своё время рассуждал и упоминавшийся нами К. Н. Леонтьев, для которого византизм как идеал политического спасения от Запада был фактором решения так называемого православно-восточного вопроса.

На наш взгляд, сам К. Н. Леонтьев не в полной мере составил для себя представление о содержательном наполнении термина «византизм». Для него «византизм» – тот же панславизм Н. Я. Данилевского, но имеющий в своей основе не этнокультурную, а православно-культурную составляющую. К. Н. Леонтьеву важно было обозначить собственные опасения по поводу либерально-европейской окраски всеславянства, поэтому он рассуждал о славянах через призму византизма – идеологической доктрины, противопоставляемой антирелигиозному, рационалистическому, либеральному Западу [12] с его «сатанинским хаосом индустриального космополитизма и современного вавилонского всесмешения» [6, С. 388].

Говоря же о туранстве, К. Н. Леонтьев, по сути, приписывал его русским как «туранской нации»: «...только из более восточной, из наиболее азиатской – туранской нации, в среде славянских наций может выйти нечто, от Европы духовно независимое...» [7, С. 272].

Правда, сам философ не был уверен, что нечто особенно славянское, отделяющее Россию от Запада, в конечном итоге найдется или выработается. Он рассматривал это как перспективную доктринальную задачу [10, Т. 22, С. 445].

Возвращаясь же к концепту культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, а также к идеям А. Г. Дугина, мы задаемся вопросом, прав ли был первый, не выделивший в своей типологии ни российского, ни русского культурно-исторических типов, и прав ли второй, отметивший влияние туранства, эллинизма и византизма на русскую идентичность.

Ответ на первый вопрос, на наш взгляд,

более очевиден. Многовековой евразийский путь расселения народов по территории, ставшей в какой-то момент Россией, – это, пожалуй, и есть то особенное, что отличало и отличает нашу страну как от Запада, так и от нерусских славянских территорий в Европе. Это позволяет говорить, что Россия – и не Запад, и не Славянство, но при этом она и не Восток в полной мере. Скорее, уместнее говорить, что Россия – одновременно и Запад (по принадлежности к европейской цивилизации, прежде всего средиземноморской), и Славянство (по этнокультурной самоидентификации русских как «государствообразующего народа» [5]), и Восток (по большей части азиатской территории и по количеству народностей, не относящихся к славянским). Подобного рода цивилизационный сплав просто не может не быть выделен в отдельный культурно-исторический тип.

Однако здесь одновременно возникает проблема трансцивилизационного континуитета, поскольку вопрос непрерывности (например, с учетом трансформационных изменений и дальнейшего развития на качественно новом этапе) или прерывности (в результате естественного угасания) цивилизаций пока еще остается весьма дискуссионным.

Тем не менее, пытаясь осмыслить вопрос о влиянии туранства, эллинизма и византизма на русскую идентичность, мы пришли к следующим выводам.

Для начала о византизме. В нём, на наш взгляд, есть очевидная опасность в части тоталитарных девиаций политического мировоззрения. Эта опасность связана с монополией на истину, типичной для византистского (как и для византийского) мировоззрения. В данном вопросе исторические византийцы (по крайней мере, их элиты) были в большей степени носителями мировоззрения Запада, поскольку они ставили себя в центр геополитической иерархии и не допускали иррациональной сложности мира с его многополярностью. Поэтому-то и идеологический концепт византизма должен рассматриваться как вариант западничества, ввевше-

гося в сознание русских элит. Но применительно ко всей русской идентичности византизм, по сути, является национальным проявлением чувства цивилизационной неполноценности, попыткой позаимствовать собственную коллективную сущность у кого-то другого (в данном случае у Византии) со всеми московитскими и великоросскими культурно-историческими производными в виде идей правопреемства российской верховной власти от византийских императоров; киевопочитания (в контексте сакрально-православной связи с Византией); мессианского панславизма и т. п.

Неудивительно, что византизм (как идеология) пришелся ко двору не только в самодержавной Российской империи, но и в послеельцинской России, став частью политико-идеологического дискурса так называемых государственников.

Однако нынешняя геополитическая ситуация вокруг России складывается таким образом, что «Третий Рим», который на протяжении нескольких последних столетий (включая даже советский период) был спасительным центром притяжения для многих стран и народов, относимых к так называемому византийскому содружеству наций, теперь оказался предан многими представителями этого «содружества» (и славянскими, и неславянскими).

Но мировоззренческая опасность византизма состоит не только в том, о чём было сказано. Она еще заключается в сложности отделения политических византистских постулатов от православного вероучения (как такового), что таит в себе цезаре-папистское теократическое искушение подмены церкви государством, а это, в свою очередь, может привести к формализации и фарисейскому выхолащиванию православия, являющегося одним из важнейших горизонтов русского/российского культурно-исторического типа.

Высказанные соображения, на наш взгляд, ставят под сомнение уместность и перспективность использования в современ-

ных условиях византистского концепта как для поиска национальной идеи России, так и для понимания истинных культурных горизонтов русского/российского культурно-исторического типа.

Как нам думается, искать горизонты русского/российского культурно-исторического типа следует не в Византии (далекой от нашей исконной земли), не в византизме (с его цезаре-папизмом) и, конечно, не в панславизме (с его эфемерным и мнимым всеславянским братством). Искать эти горизонты уместнее в чём-то более близком и основательном. Но в чём?

Мы подошли к ключевому моменту наших размышлений – необходимости обратить внимание на те цивилизационные истоки российской культурно-исторической модели, которые вроде всегда оставались в поле зрения отдельных специалистов-исследователей, но при этом очевидно (с умыслом или без такового) загонялись в тень на полях социально-философского, политологического и культурно-антропологического дискурсов. Впрочем, акцент, который мы намерены сделать на упомянутых истоках, не противоречит общей канве рассуждений о России как о стране этнокультурного и языкового многообразия [5], объединенной тысячелетней историей и сохраняющей память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога. Данные постулаты получили не только разнообразное философское и научно-теоретическое обоснование, но и были закреплены в Конституции РФ [5].

Вот здесь уместно поразмышлять над вопросом о правоте А. Г. Дугина в части влияния туранства и эллинизма на формирование русской идентичности. Данные размышления побудили нас вспомнить о феномене, который, собственно, и стал, на наш взгляд, цивилизационной завязкой русского/российского культурно-исторического типа, соединившего в себе эллинизм и туранство.

Пришло время для нашего слова о Боспорском царстве – древнейшем государ-

ственном образовании, некогда процветавшем на территории современной России на протяжении целого тысячелетия¹. Не каждая держава, не всякая социокультурная общность может похвастаться столь почтенной продолжительностью своего существования. К тому же территориально Боспорское царство – это юго-запад нынешней России, соединяющий через Керченский пролив Европу и Азию (что весьма символично для нашей страны).

Иными словами, мы убеждены, что горизонты русского/российского культурно-исторического типа уместнее всего искать в трансцивилизационном континуитете Боспорского царства.

Континуитет этот простерся сквозь века от независимого эллино-скифского государства, прошедшего римско-имперский и гуннский патронаж (с сохранением суверенитета), новые периоды независимости и далее через конфедератский статус в составе Византии к славянству и древнерусской культурно-исторической модели в лице Тмутараканского княжества.

К месту вспомним, что правители Тмутаракани проводили существенно более самостоятельную и независимую от Киева политику. Их не устраивала роль, которую им пытался отвести Киев на так называемой лестнице Ярослава (у них не было возможности сесть на великокняжеский киевский престол, и они выпадали из общей очереди), поэтому они могли рассчитывать только на собственные силы. Неудивительно, что Тмутаракань оказалась главным политическим субъектом в войне за отстаивание права на независимое существование, а ее правители на протяжении X – XI вв. не раз оказывали серьезное влияние на ход русской истории. Там – на древней боспорской земле – ковалась истинно русский дух, рождалась русская идентичность.

Возвращаясь к Боспорской державе, отметим, что именно там, по нашему глубокому

убеждению, зародились духовные скрепы, несправедливо отданные придворной (царской и советской) историографией Киеву, который в условиях современной геополитической и цивилизационной ситуации становится всё более сомнительным историческим ориентиром для постижения поиска горизонтов русского/российского культурно-исторического типа и для возрождения Русского мира.

У наших идейных оппонентов, безусловно, сразу возникнут вопросы о «матери городов русских», о «крещении Руси», о «столице» последней и тому подобных устоявшихся исторических мифологемах.

Рамки статьи не позволяют нам странно доказывать, что, например, принятие в Херсонесе киевским князем Владимиром Святославичем святого крещения и насильственное обращение в христианство жителей Киева не было еще «крещением Руси». Процесс утверждения православного христианства на землях, подконтрольных Киеву, Новгороду и прочим крупным центрам, был сложным и длительным (что, безусловно, не умаляет значения победы православия на территории расселения ряда восточнославянских и финно-угорских племен, объединенных в Древнерусское государство).

Но не нужно забывать, что еще до Владимира состоялось так называемое Фотиево (или Аскольдово) крещение, когда миссионерами Константинопольского патриарха Фотия I были крещены (в 860 г.) князь Аскольд и Дир с «боярами» и некоторым количеством народа. А позже (в 957 г.) в Константинополе приняла крещение княгиня Ольга.

Как видим, с точки зрения формирования православной составляющей русского культурно-исторического типа у Киева роль не больше, чем у Константинополя или Херсонеса.

Думается, здесь важно восстановить историческую справедливость и вспомнить, когда именно православие начинает утверждаться на землях, подпадающих под географические и культурно-исторические гра-

¹ 2020 год был объявлен в Российской Федерации как Год 2500-летия Боспорского царства.

ницы России. Между тем время и место известны.

Не Константинополь, не Херсонес и тем более не Киев должны считаться колыбелью православия в истории нашей страны. Свет Истины Христовой пришел с Боспора Киммерийского, и всем христианам нашей страны (и не только христианам) следовало бы помнить, что распространение Слова Божьего на территории нынешней России связано с Боспорской епархией – самой древней¹ в истории нашего Отечества. Поздние же боспорские цари должны рассматриваться в качестве первых христианских правителей в российской истории.

Собственно, Боспорское царство – это и есть начало российской истории. Оппоненты снова возразят, подвергнув критике данный тезис. Они, несомненно, заявят об абсурдности идеи трансцивилизационного боспорского континуитета, простирающегося через столетия к Древнерусскому государству и далее – к России. Но абсурдность высказанной нами идеи представляется не большей, чем идея отсчета истории нашего Отечества от даты принятия христианства князем Владимиром или от основания Киева, и не больше, чем нынешние претензии неонацистского киевского режима на монополию истории Древней Руси.

Между тем украинский президент В. Зеленский в своём поздравлении по случаю Дня крещения Руси (который в 2022 г. на Украине впервые отмечался совместно с еще одним праздником – Днем государственности) заявил: «Украина – единственная законная наследница Киевской Руси». Кроме того, он добавил: «[Украина] – страна, с которой началась история христианства в

¹ Боспорская епархия (более древняя, нежели Херсонесская) была основана, по самым скромным подсчетам, не позднее начала IV века, поскольку уже на Первом Вселенском Соборе присутствовал ее епископ, подписавшийся именем Домн Боспорский. Иными словами, в III веке Боспорская епархия уже должна была набрать силу, а ее архиереи – нисколько соответствующий авторитет в Константинополе.

Восточной Европе». Годом ранее он же в обращении по случаю Дня крещения Руси назвал Киевскую Русь «матерью украинской истории»².

В. Зеленскому неведомо, что термин «Киевская Русь» был введен в научный оборот советским академиком Б. Д. Грековым, пояснившим в одноименной монографии: «...в своей работе я имею дело с Киевской Русью не в узкотерриториальном смысле этого термина (Украина), а именно в том широком смысле «империи Рюриковичей»... включающей в себя огромную территорию, на которой впоследствии образовалось несколько самостоятельных государственных единиц» [2]. При этом не стоит забывать, что с советских времен в исторической науке существовал и иной термин – «Древнерусское государство» (без всяких киевских и украинских акцентов). Впрочем, в последние годы понятие «Киевская Русь» всё реже используется в научном дискурсе. Это к слову об абсурдности тех или иных идеологем, взглядов и теорий.

Что же касается идеи трансцивилизационного континуитета Боспорского царства, то культурно-историческая связь феномена этого полиэтничного государства (эллино-варварского/греко-романо-туранского и к тому же православного (на позднем этапе существования)) с русской идентичностью значительно более глубокая, чем может показаться на первый, поверхностный взгляд.

Мы уже упомянули о Боспорской епархии и православии, а также о туранской и славянской составляющих (в части размышлений о Тмутараканском княжестве). И тем не менее полагаем необходимым несколько расширить наше видение туранско-славянского элемента русского/российского культурно-исторического типа (естественно, в общем контексте проблематики), имея в

² Зеленский назвал Украину единственной наследницей Киевской Руси / РБК. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/07/2022/62e23f0c9a79479983799b54> (дата обращения: 29.09.2022).

виду, «варварскую»¹ составляющую феномена Боспорского царства.

Весьма подробно сказано о туранстве (и в большей степени о Русском Логосе и русской идентичности) упоминавшимся А. Г. Дугиным [1]. Его мысль сводится к тому, что туранский мир представлял собой кочевые воинственные племена, проживавшие на обширных пространствах Евразийской (Великой) степи. Античные и средневековые авторы называли их обобщенным термином «скифы» [13, С. 196–232], но отмечали при этом этнокультурные различия, имевшиеся у разных племен Скифии, географически идентичной Турану.

А. Г. Дугин справедливо говорит о том, что «Туран сам по себе – это некая парадигма, это индоевропейское кочевничество» и что «территория Турана – это наша страна» [1]. Философ отмечает, что «через множество столетий, тысячелетий после того, как изначально Туран был территорией индоевропейцев, потом индоевропейские народы передали свои инициативы другим неиндоевропейским народам – алтайским, частично уральским – наследие Турана заново вернулось в Россию. Мы, русский, индоевропейский народ, являемся владельцами этой гигантской территории Турана. То есть миссия индоевропейцев совершила полный круг и, начиная индоевропейцами, она завершается индоевропейцами, приходя к нам» [1].

Кстати, А. Г. Дугин говорит о том, что славяне и балты являются носителями туранского начала [1]. По сути, об этом же писал в свое время еще М. В. Ломоносов, который очень много времени посвятил вопросу происхождения славян и русского народа. Его вывод сводится к тому, что русские происходят от племени роксаланов, которые были не только непосредственными соседями Боспорского царства, но и на определенном этапе стали одним из этносов, влившихся в народ боспоритов.

М. В. Ломоносов, как истинный патриот России, откровенно пишет: «Понете народ Российский с народом Роксаланским есть одного имени, одного места и одного языка, то неоспоримо есть, что Российский народ имеет свое происхождение и имя от Роксалан древних» [9, С. 199].

Безусловно, при уровне развития науки своего времени Михаил Васильевич допустил отдельные неточности, но при этом он создал логически выверенную теорию о происхождении русского народа. Собранные им данные о роксалане (и еще о венетах), об их единстве с сарматами позволили дать решительный отпор западникам-норманистам и доказать, что славянские предки русского народа имеют местное, туранское (в терминологии А. Г. Дугина) происхождение.

Авторитетное мнение великого М. В. Ломоносова разделяли и такие выдающиеся отечественные ученые, как Д. И. Иловайский, И. Е. Забелин, Д. Я. Самоквасов и другие. Позднее отдельные российские исследователи находили дополнительные подтверждения правоты М. В. Ломоносова о происхождении названия Русь от роксалан. Справедливости ради, нужно отметить, что роксаланская теория фактически должна рассматриваться как частный случай скифо-сарматской гипотезы, суть которой сводится к скифским/сарматским культурно-историческим и этническим корням русского народа.

Не вдаваясь в отдельные аспекты существующих в этом вопросе многочисленных дискуссий, отметим, что мы разделяем общий концептуальный посыл сторонников роксаланской теории и скифо-сарматской гипотезы, и отдельно добавим, что в научной традиции боспороведения последняя династия местных царей (Тибериев-Юлиев, или иначе – Савроматов), помимо прочего, именуется сарматской. Сказанное позволяет считать, что в экзистенциальном смысле на Боспоре правила «русская» династия. Во всяком случае, не менее «русская», чем правившие на Русской земле скандинавы Рюри-

¹ Данный термин используется авторами в сугубо устоявшемся понятийном историческом контексте, возникшем в эпоху Античности.

ковичи или Гольштейн-Готторп-Романовы. Любопытно, что Рюрикович Иван IV Васильевич (Грозный) дерзал заявлять, что он «от Августа Кесаря родством ведется», основатель же сарматской династии – царь Аспург¹ – получил подтверждение легитимности своей власти на Боспоре непосредственно от императора Августа, принял римское гражданство и право именоваться Тиберием Юлием. Как известно, Юлий – это родовое имя Гая Юлия Цезаря и Октавиана Августа. Это означает, что Аспург и его потомки считались полноправными членами рода Юлиев². Сказанное еще раз иллюстрирует, что Боспорское царство принадлежало в равной степени варваро-туранскому и греко-римскому мирам. Интересно, что периодически эллино-туранский дух боспорских царей заявлял о себе, воплощаясь в реальных антиримских политических предприятиях (несмотря на официальную царскую титулатуру, связь династии Савроматов с родом Юлиев и цивилизационное высокомерие Рима, всегда стремившегося к однополярности Ойкумены). Так, например, ок. 267–268 г. царь Хедосбий предпринял морской поход против Римской империи, а царь Фофорс в 291–293 г. собрал коалицию варварских племен, возглавив их в походе против Рима (к слову, в той войне Херсонес, воспеваемый отдельными нашими государственниками, был на стороне Рима, т. е. Запада). Позднее ещё один царь – Радамсад – лично повел боспорские войска (в составе объединенных соединений варварских полчищ) на земли Империи, дойдя в 322 г. (или 323 г.) до устья Дуная. Вероятно, были и другие походы

¹ Царь Аспург – правнук Митридата VI Великого, в жилах которого текла кровь царских македонских династий Аргеадов и Селевкидов и персидской династии Ахеменидов.

² Распространенная в патрицианских семьях Рима система патроно-клиентских отношений. Патрон должен был защищать своих клиентов, а последние были обязаны поддерживать патрона. Более того, клиенты принимались в род патрона, носили его родовое имя и имели право быть похороненными на фамильном кладбище.

боспоритов под предводительством своих владык (имена которых пока исторической науке не известны).

Как тут не вспомнить древнерусские походы против «Второго Рима» – Царьграда?

Впрочем, важно понять, что культурно-историческая миссия Боспорского царства состояла не в противостоянии Риму, Херсонесу³ или многоликому варварскому миру (тем более оно само было порождением средиземноморско-варварского мира). Его судьба воплотилась в том, чтобы на пространстве Скифии-Турана-Евразии (грядущей России) цивилизационно соединить Европу и Азию, Запад и Восток (словно древний вызов будущим сомнительным измышлениям колониалиста-русофоба Р. Киплинга).

Собственно, соединение Запада и Востока легло в основу особого цивилизационного облика России и самого русского/российского культурно-исторического типа. Наша страна – неразрывный сплав влияний различных цивилизаций и наложений многих культурных горизонтов. И сплав этот (естественный, гармоничный, устойчивый и живой), менявшийся в отдельных частных аспектах, сохранял и сохраняет свою древнюю сущность, свои глубинные основания, позволяющие говорить о том, что поиск горизонтов русского/российского культурно-исторического типа следует искать в трансквицизационном континуитете Боспорского царства, феномен которого как раз и заключается в уникальном по своей жизнеспособности евразийском соединении эллинского духа познания, творческого созидания, предприимчивости и восточной по своей сути религиозности с туранской пространственной пассионарностью, духом свободы, природной мудростью, бое-

³ Геополитически Херсонес был противником Боспорского царства, хотя на протяжении значительного периода своей истории находился в зависимости от Боспора. Рим же, разделяя и властвуя, то подчинял Херсонес боспорским царям (своим союзникам), то даровал «свободу» (для того чтобы умерить амбиции Боспорского царства).

вым мужеством, почитанием предков, сохранением традиций и священной любовью к своей земле.

Это соединение, являющееся очевидным проявлением зародившегося несколько тысячелетий назад трансцивилизационного континуитета Боспорского царства, до сих пор экзистенциально продолжающего свою миссию, остается альфой и омегой существования нашей полиэтничной и многоконфессиональной страны, о которой с полным на то основанием можно говорить как об отдельном культурно-историческом типе, как о «стране-цивилизации».

Библиография / References:

1. Александр Дугин: «Туран – ключ к пониманию Русского Логоса» / Изборский клуб. [Электронный ресурс]. – URL: <https://izborsk-club.ru/15021> (дата обращения: 27.09.2022).
 2. Греков Б.Д. Киевская Русь. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. – 347 с.
 3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому. – СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1895. – 667 с.
 4. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство Земли. Структура русской идентичности. – М.: Академический проект, 2019. – 461 с.
 5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета. – 1993. – № 237; СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
 6. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: воспоминания и отрывки. Т. 2. – М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и К^о, 1886. – 427 с.
 7. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: о пороках фанариотов и о русском незнании. Т. I. – М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и К^о, 1885. – 324 с.
 8. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: письма о восточных делах, «Гражданин», 1882–1883 гг. Т. I. – М.: Республика, 1996. – 324 с.
 9. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. VI. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 246 с.
 10. Моя литературная судьба: Автобиография / Константин Леонтьев. – New York: Johnson reprint corp., 1965. – 108 с.
 11. Оболенский Д.Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. – М.: Янус-К, 1998. – 655 с.
 12. Переписка К.Н. Леонтьева и И.И. Фуделя (1888–1891) // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Приложение. Кн. 1. – СПб., 2012.
 13. Подосинов А.В. «Скифия» как обозначение нескифских культур. Гл. 7. // Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков: монография / А.В. Подосинов, Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова. – М.: Аквилон, 2016. – 317 с.
 14. Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. – 655p.
1. Aleksandr Dugin: Turan – klyuch k ponimaniyu Russkogo Logosa [Turan is the key to understanding the Russian Logos] / Izborskiy klub. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://izborsk-club.ru/15021> (Data obrashcheniya: 27.09.2022). (In Russ.).
 2. Grekov B.D. (1953) Kiyevskaya Rus' [Kievan Rus]. – M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR. – 347s. (In Russ.).
 3. Danilevskiy N.Y. (1895) Rossiya i Yevropa: Vzglyad na kul'turnyye i politicheskiye otnosheniya slavyanskogo mira k germanoromanskomu [Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance]. – SPb.: Tipografiya brat'yev Panteleyevykh. – 667s. (In Russ.).
 4. Dugin A.G. (2019) Noomakhia: voyny uma. Russkiy Logos I. Tsarstvo Zemli. Struktura

russkoy identichnosti [Noomachy: wars of the mind. Russian Logos I. Kingdom of the Earth. The structure of Russian identity]. – M.: Akademycheskiy proyekt. – 461s. (In Russ.).

5. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [The Constitution of the Russian Federation] (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) s uchotom popravok, vnesennykh Zakonomi RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 №2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ, ot 14.03.2020 № 1-FKZ // Rossiyskaya gazeta. – 1993. – № 237; SZ RF. – 2020. – №11. – St. 1416. (In Russ.).

6. Leont'yev K.N. (1886) Vostok, Rossiya i slavyanstvo: vospominaniya i otryvki [East, Russia and Slavdom: Memoirs and Fragments]. T.2. – M.: Tipolitografiya I.N. Kushnereva i K°. – 427s. (In Russ.).

7. Leont'yev K.N. (1885) Vostok, Rossiya i slavyanstvo: o porokakh fanariotov i o russkom neznanii [East, Russia and the Slavs: about the vices of the Phanariots and about Russian ignorance]. T.1. – M.: Tipolitografiya I.N. Kushnereva i K°. – 324s. (In Russ.).

8. Leont'yev K.N. (1996) Vostok, Rossiya i slavyanstvo: pis'ma o vostochnykh delakh, grazhdanin, 1882-1883gg. [East, Russia and Slavdom: Letters on Eastern Affairs, Citizen, 1882-1883] T.I. – M.: Respublika, 1996. – 324s. (In Russ.).

9. Lomonosov M.V. (1952) Polnoye sobraniye sochineniy. T. VI [Full composition of writings]. – M.; L.: Izdatel'stvo Akademiya nauk SSSR. – 246s. (In Russ.).

10. Moya literaturnaya sud'ba: Avtobiografiya / Konstantin Leont'yev [My literary destiny: Autobiography / Konstantin Leontiev]. – New York: Johnson reprint corp., 1965. – 108s. (In Russ.).

11. Obolenskiy D.D. (1998) Vizantiyskoye Sodruzhestvo Natsiy. Shest' vizantiyskikh portretov [Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits]. – M.: Yanus-K. – 655s. (In Russ.).

12. Perepiska K.N. Leont'yeva i I.I. Fudelya [Correspondence of K.N. Leontiev and I.I. Fu-

del] (1888–1891) // Leont'yev K. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 12 tomakh. Prilozheniye. Kn. 1. SPb., 2012. (In Russ.).

13. Podosinov A.V. (2016) «Skifiya» kak oboznacheniye neskifskikh kul'tur. [«Scythia» as a designation for non-Scythian cultures] Gl. 7. // Skifiya v istoriko-geograficheskoy traditsii Antichnosti i Srednikh vekov: monografiya / A.V. Podosinov, T.N. Dzhakson, I.G. Konovalova. – M.: Akvilon. – 317s. (In Russ.).

14. Obolenskiy D. (1971) The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson. – 655p. (in Engl.).

САЛЬНИКОВА Инна Николаевна, старший преподаватель кафедры сервиса, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: inna-salnikova@yandex.ru, AuthorID: 776372

SALNIKOVA I.N., Senior lecturer of the Department of Service, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: inna-salnikova@yandex.ru

**ПОЧТОВАЯ ОТКРЫТКА КАК АТРИБУТ СЕРВИСА УСЛУГ В ИДЕНТИФИКАЦИИ
ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ**

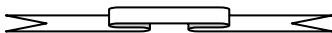
**A POSTCARD AS AN ATTRIBUTE OF SERVICE IN THE IDENTIFICATION OF
HISTORICAL PROCESSES AND SOCIO-CULTURAL PHENOMENA**

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение истории возникновения и основных этапов развития почтовой открытки, как социально-культурного феномена. Автор предлагает рассмотреть открытку с историко-экономических позиций. Статья осуществляет поэтапную реконструкцию социально-экономических трансформаций почтовой открытки в системе культурных, экономических и социальных отношений. Автор полагает, что почтовая открытка не является исключительно феноменом собирательства и коллекционирования, но обладает значительным инновационным потенциалом, реализация которого и определяла исторические особенности её существования в цивилизации модерна и постмодерна.

Ключевые слова: феномен почтовой открытки, историческая реконструкция, почтовая открытка, экономические трансформации, инновационный потенциал.

Abstract. The purpose of the article is to consider the history of the origin and the main stages of the development of the postcard as a socio-cultural phenomenon. The author considers the postcard from a historical and economic point of view. The article carries out a step-by-step reconstruction of the socio-economic transformations of the postcard in the system of cultural, economic and social relations. As a result, the author draws the conclusion that the postcard is not exclusively a phenomenon of collecting and collecting, but has a significant innovative potential, the realization of which determined the historical features of its existence in the modern and postmodern civilization.

Keywords: postcard phenomenon, historical reconstruction, postcard, economic transformations, innovative potential.

ВВЕДЕНИЕ

В 2019 году состоялся знаменательный юбилей – 150 лет почтовой карточке. Данное событие, рассмотренное, прежде всего, как феномен филокартии – разновидности коллекционирования, предметом которого является открытка, привлекло внимание в сфере культуры, искусства, а также в рамках хобби как социальной практики. Как представляется, этими аспектами значение почтовой открытки не исчерпывается. То обстоятельство, что почтовая карточка просуществовала более полутора веков, большая часть которых пришла на сложный во всех отношениях XX век, говорит о сложности и многоаспектности данного феномена, что настоятельно требует его более пристального анализа.

В этом отношении особый интерес представляет рассмотрение открытки с экономических позиций. Зародившись в XIX веке, почтовая открытка переживает системные экономические трансформации на протяжении последующих 150 лет. Признаем, что подобное явление было бы мало возможным, оставаясь исключительно феноменом собирательства и коллекционирования. Чтобы выжить в рамках экономики модерна и постмодерна, открытка должна была обладать рядом специфических черт, повлиявших и на ее экономическую устойчивость.

Это позволяет сформулировать гипотезу о том, что в экономическом отношении феномен открытки обладал и продолжает обладать значительным инновационным потенциалом, реализация которого и привела к его развитию. Есть все основания предполагать, что ретроспективный исторический анализ позволит обнаружить реализованные экономические инновации культурного феномена почтовой открытки, что, в свою очередь, позволит проиллюстрировать отдельные аспекты, характерные и специфические черты экономической инновации как таковой, инновационного потенциала и практик его реализации. Помимо этого, анализ сформулированной гипотезы внесет определенный вклад в

развитие исследований экономики сферы сервиса, туризма и досуга, которые относятся к числу наиболее активно развивающихся направлений экономической жизни в мире постмодерна.

Историческая реконструкция экономических аспектов существования почтовой открытки

Методологией настоящего исследования выступает исторический анализ. Мы предпримем попытку исторической реконструкции экономических аспектов существования почтовой открытки, в меньшей степени акцентируя её художественное, культурное, социальное и антропологическое измерение. Эмпирическим материалом исследования выступают сведения, представленные в исследованиях по филокартии, филателии и истории почты.

Следует подчеркнуть, что само возникновение почтовой карточки¹ было явлением экономическим в большей степени, нежели культурным. В культурном и социальном отношении идея открытки как карточки, содержащей информацию, достаточно проста, но ее вхождение в социальное пространство в качестве устойчивого социально-культурного феномена оказалось возможным только в тот момент, когда экономические условия и предпосылки сформировались в полной мере, более того, когда была найдена уникальная инновационная модель экономического существования открытки.

Прежде всего, для появления открытки необходимо было достижение достаточно высокого уровня печатного дела. Требовалось развитие печатных станков и самой технологии производства полиграфической продукции, сформировавшейся в рамках производства визитных карточек, купюрных головок, писчей бумаги и других видов бумажных эфемеров, на которых со временем стали

¹ Далее термины почтовая карточка, открытка, открытое письмо будут использоваться в качестве полных синонимов.

появляться иллюстрации, часто с изящными гравюрами и со вкусом выполненными рисунками. В XVIII веке эти технологические требования были достигнуты. Однако исключительно технического развития оказалось недостаточно, что ярко продемонстрировал проект создания поздравительной открытки, предпринятый в 1777 году французским гравером Демезоном.

Другим необходимым условием возникновения почтовой открытки являлось разрешение вопроса оптимизации экономических принципов деятельности почтового сервиса. Почтовая реформа в Великобритании решает данную проблему путем введения марки и унификации стоимости почтовых услуг. В мае 1840 года в экономическое обращение вошла первая в мире клейкая почтовая марка номиналом в 1 пенни, которая вводила единую предоплату отправителем почтового конверта. Изобретение марки существенно упростило почтовые оправления, что привело к росту количества почтовых отправлений и повышению экономической прибыли сферы доставки корреспонденции. Марка, быстро воспринятая большинством стран, по своей сути создавала необходимую для появления открытки институциональную экономическую основу.

Помимо марки важным экономическим фактором появления открытки оказалось развитие промышленного производства в Европе и Америке, что повлекло процессы интенсивной централизации национальных экономик, с одной стороны, и потребность в создании глобального экономического пространства – с другой. Упрочивались связи между странами, внедрение технических средств сокращало время доставки грузов, включая почтовые отправления, и самих людей из страны в страну, с континента на континент. Происходит резкое нарастание объемов миграции одновременно с развитием географии и объемов туризма. Эти процессы формируют глобальный рынок сбыта почтовой карточки, задают параметры целевой аудитории открытки.

Наличие технологических, институцио-

нальных условий и формирование широкого рынка сбыта создали необходимые предпосылки для появления открытки, оставалось лишь предложить проект, эффективный экономически, подлинно инновационный. На протяжении ближайших двадцати пяти лет были предложены и даже осуществлены попытки реализации ряда проектов, из числа которых эффективным оказался только один, преимущество которого определялось рядом инноваций. Рассмотрим предложенные проекты в сравнительном аспекте.

В 1841 году Теодор Хук Эсквайр, британский писатель, отправил себе в форме открытого письма карикатуру на работников почты, показав, что они пишут письма, чтобы продать больше марок. Это было первым случаем отправления маркированной открытки, но проект не имел дальнейшего развития. Несколько лет спустя, в 1843 году, сэр Генри Коул выпустил первую рождественскую открытку, на которой были изображены он сам и его семья. Всё ограничилось единичным случаем.

В феврале 1864 года Джон Чарльтон из Филадельфии запатентовал почтовую карточку и продал права на нее Хаймену Липману (основателю первой конвертовой компании в США и изобретателю свинцового карандаша и ластика). Компания выпустила пробную серию открыток, известных как «карты Липмана». Самая ранняя запись об использовании карты Липмана датирована 25 октября 1870 года, отправленной из Ричмонда, штат Индиана. На ней была изображена иллюстрированная реклама стальных ручек «Эстербрук», и это была первая графическая открытка, отправленная по почте в США. Проект оказался неудачным.

В 1865 году немецкое почтовое ведомство отказалось реализовывать проект «открытого почтового листа» – *offenes Postblatt*, предложенный Генрихом фон Штефаном (впоследствии министр почтовой службы Германской империи) на Почтовой конференции в Карлсруэ. Фон Штефан предложил ввести жесткую карточку размером примерно с кон-

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

верт, на которой можно было бы писать и которую можно было бы отправлять по почте без необходимости в конверте, предварительно распечатав почтовые расходы.

В 1869 году проект корреспондентской карточки предлагает профессор экономики Венской военной академии Эммануэль Герман. Австро-венгерское правительство по итогам обсуждения рекомендует проект к реализации почтовым ведомством, и 1 октября 1869 года в перечень почтовых отправок вносится *Correspondenz-Karte* – светло-коричневый прямоугольник 8,5x12 см с местом для адреса на лицевой стороне и местом для короткого сообщения на обороте. На открытке в правом верхнем углу была отпечатаана марка 2 Kreuzer, которая стоила вдвое дешевле обычного письма. Результат превосходит все ожидания. Почтовая карточка Э. Германа не только приживается в социальном и культурном мире, но и становится источником значительной экономической выгоды.

Принципиальное отличие австрийского проекта от ранее предложенных вариантов заключалось в ряде инноваций, которые Э. Герман сформулировал в своей статье в газете *Neue Freie Presse*. Рассмотрим эти специфические черты, обусловившие жизнеспособность введенной открытки.

Прежде всего, доктор Герман обращает внимание на то, что время и усилия, затрачиваемые на написание письма, не пропорциональны размеру посланного сообщения. Он предложил использовать более практичный и дешевый метод для более коротких и эффективных коммуникаций. Тем самым Герман замыслил открытку не как поздравительную карточку – сезонный товар на ограниченном рынке сбыта, а как новый формат коммуникации. Австрийский профессор, верно, уловил закат эпистолярного жанра, происходивший на фоне совершенствования средств коммуникации и связи. Классическая эпоха с неторопливым ходом жизни позволяла существовать большим и продуманным письмам. В условиях бурного развития промышленно-

сти и ускорения всех сторон экономической и социальной жизни на подобного рода послания не оставалось времени. Открытка стала новой формой сервиса коммуникаций, соответствующей запросам ускоряющегося мира.

Инновационный формат открытки минимизировал написанное, но сохранял саму возможность коммуникации, что позволило крайне быстро проявиться ее инновационному потенциалу в сфере туризма. Спустя всего несколько лет почтовая карточка становится иллюстрированной. В кратчайшее время почтовая карточка начинает оформляться фотографическими или художественными изображениями ландшафтов или достопримечательностей определенной местности. В результате отправителю не требовалось описывать увиденное. Достаточно было послать открытку, снабдив ее коротким сообщением. В ситуации отсутствия массовой возможности фотофиксации туристической поездки открытка оказалась крайне востребованной в силу того, что избавляла путешественника от необходимости описания своей поездки. Эту роль перенимала на себя почтовая карточка. В этом смысле показательным примером являются российские почтовые карточки, первая иллюстрированная серия которых, выпущенная государственной типографией, представляла виды Москвы.

Вот как описывает последствия внедрения открытки в 1895 году известный лондонский журналист Джеймс Дуглас: «Как и все великие изобретения, открытка произвела молчаливую революцию в наших привычках. Она тайно избавила нас от тяжелого труда писания писем. Есть еще живые люди, которые помнят те дни, когда считалось необходимым и даже восхитительным писать письма своим друзьям. Это были времена досуга. (...) К счастью, открытка с картинкой освободила современного автора от этого рабства. (...) Раньше, когда человек уезжал за границу, он был вынужден оторваться от пейзажа, чтобы написать подробные описания его своим друзьям дома. Теперь он просто покупает на каждой станции открытку с картинками, наца-

рапывает на ней карандашом несколько слов и отправляет ее на почту. Это усиливает удовольствие от путешествия.

Многие люди эпистолярного века не могли вынести ужасов великого путешествия, ибо знали, что большую часть времени им придется посвятить описанию того, что они видели или должны были видеть. Открытка с картинками дает возможность самому ленивому человеку исследовать дикие земли Швейцарии или Маргейта без волнения».

Открытка позволила существенно модернизировать туристическую отрасль, став важным элементом системы доходности туристического бизнеса. Вплоть до недавнего времени, когда появились смартфоны, оснащенные мощными камерами, и социальные сети типа «Инстаграм», иллюстрированная почтовая карточка оставалась неизменным атрибутом туристического сервиса. Это ярко демонстрирует популярность карточек в стиле Gruss aus или Greetings from.

Экономический эффект от открытки профессора Германа заключался в снижении стоимости данного вида почтовых отправок. Рост экономической прибыли в этом случае достигался за счет увеличения объемов почтовых отправок, что было, по сути, невозможным, если бы карточка оставалась исключительно национальным феноменом. Инновационность австро-венгерской модели заключалась в том, что она изначально задумывалась, в отличие от всех предшествующих проектов, как средство для международного общения, предполагала рынок своего сбыта весь мир. Разница почтовых тарифов, пугавшая руководство германской почты в проекте фон Штефана, снималась в проекте Германа расчетом на формирование единого почтового пространства и дальнейшую глобализацию системы почтового сервиса. В этом случае разница почтовых тарифов оказывалась незначимой, ибо оплачивал открытку отправитель по стоимости почтовых услуг в своей стране, но сервис во всем мире должен был предоставляться по единым правилам.

Расчет оказался верным. Менее чем че-

рез год после почты Австро-Венгрии почтовые службы Швейцарии, Люксембурга, Великобритании и некоторых государств Германии последовали ее примеру. Бельгия, Голландия, Дания, Финляндия, Швеция, Норвегия и Канада выпустили открытки в 1871 году, а в следующем году Россия, Чили, Франция и Алжир добавили открытки в перечни видов почтовых отправок. В 1873 году Франция, Сербия, Румыния, Испания, Япония и Соединенные Штаты выпустили свои собственные открытки. К 1874 году Италия, Румыния и Сербия также начали выпускать свои почтовые карточки.

В 1874 году в Берне создается Всеобщий почтовый союз (позднее переименованный во Всемирный почтовый союз, существующий вплоть до наших дней), который одним из первых почтовых договоров установил стандартную почтовую пошлину для почтовых отправок, отправляемых членам союза, и установил, что половина этой ставки должна применяться к почтовым открыткам. Это сделало отправку почтовых открыток за границу намного дешевле и менее сложной задачей. Однако самое главное заключалось в том, что возникновение единого пространства сервиса почтовых отправок позволило максимизировать экономическую эффективность открытки, полностью раскрыть в этом отношении её инновационный потенциал.

Представить себе объёмы полученной прибыли в результате внедрения почтовой открытки как инновации позволяют цифры статистики. Так, в 1894 году, через двадцать лет после ее создания, страны – члены ВПС обменялись примерно 1,7 млрд открыток. Для получения более конкретного представления обратимся к отечественным статистическим данным. Стоимость первых российских открыток, выпускаемых исключительно государственными типографиями, была достаточно высока. Однако к концу 1890-х годов денежная реформа С. Ю. Витте, отказ от государственной монополии на выпуск карточек и передача права на их печать частным предпринимателям, а также быстрое совершен-

ствование технологии печати открыток снизило цену до 5 коп. за черно-белую и 10 коп. за цветную открытку. Для начала XX века это всё же были существенные деньги. В Российской империи в 1913 году 63 % рабочих зарабатывали в месяц не более одного рубля и только 1 % получали в месяц 4 и более рублей. В силу этого «покупателями открыток были в основном горожане, главным образом представители среднего класса, начавшаяся в 1914 году война расширила круг покупателей открытых писем, но всё же в России обмен открытками не приобрел такой массовый характер, как это было, например, в Германии» [11, С. 337]. Несмотря на упомянутое отставание от Германии – лидера в коллекционировании почтовых карточек, в России в 1880 году обращалось 5,7 миллиона открыток, в 1890 году – 26,3 миллиона, а в 1910 году – уже 337,3 миллиона [2]. Экономическая выгода в этом случае является очевидной.

Широта рынка сбыта почтовой открытки, повлиявшая на ее высокую экономическую эффективность, определяется не только международными отправлениями, но и тем, что по своему потенциалу открытка оказывалась абсолютно несводимой к поздравительной карточке. Открытка преодолевала сезонность не только как элемент экономики туризма, но и в рамках становления особой повседневной открытки. Особенно ярко данный инновационный потенциал открытки был реализован в процессе становления одного из гигантов индустрии открыток – компании Hallmark, выпустившей в свое время на американский рынок открытку, приуроченную не к определенному празднику, а несущую короткое послание в стиле «Прости...» или «Я тебя люблю» на фоне сцен повседневной жизни. Эта же компания первой заключила контракт с кинематографической студией Дисней, получив право выпуска карточек с персонажами мультипликационных и художественных фильмов. Открытка оказалась не сезонным, а постоянно реализуемым товаром, что в разы увеличило её экономическое значение.

Третьим инновационным аспектом почтовой карточки является порождение ею особого хобби – филокартии – коллекционирования открыток. Реформа сервиса доставки почтовых отправлений, выразившаяся во введении почтовых марок, также создавала хобби – филателию, однако экономическая выгода филокартии была значительно выше, чем филателии.

В отличие от марки, стоимость которой после прохождения почты снижается в разы, классическая филокартия – коллекционирование почтовых карточек, быстро вошедшее в моду – считала подлинным предметом коллекционирования карточку, прошедшую через почту, причем в идеале отправленную из той местности, которая изображена на открытке. В кратчайшие сроки коллекционирование открыток, не купленных, а отправленных почтой, приобрело очень значительные размеры. В различных странах возникают сообщества коллекционеров.

В мае 1894 года было создано, возможно, первое объединение коллекционеров открыток – Клуб коллекционеров иллюстрированных открыток в Гамбурге. В июне 1897 года в Нюрнберге была основана Всемирная ассоциация космополитов – клуб коллекционирования открыток с тысячами членов. Ассоциация действовала вплоть до Первой мировой войны и на ее пике насчитывала более 15 000 членов только в Германии. Имеются сведения и о русском клубе коллекционеров, численность которого в 1904 году составляла около 8000 членов [11, С.338].

Масштабы коллекционирования открыток хорошо иллюстрирует следующий отрывок из статьи в журнале «Фотограф-любитель» за 1898 год: «Коллекционированием (открыток) заражены почти все на Западе настолько, что этим занимаются не только дети, как могут подумать многие, но целые общества серьезных мужей, и нам на днях пришлось читать в немецкой газете, что в Дрездене официально образовалась компания коллекционеров видовых почтовых карточек, которые на собранные между собой деньги рассылают по

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

всему свету агентов, обязанных по приезду в город отправить всем членам общества местные виды под местными марками...» [11, С.339].

Для осуществления обмена необходимо было наличие адресов, что повлекло за собой возникновение специализированных журналов, содержащих необходимые филокартистам сведения о собратях из других стран. 15 февраля 1895 года вышел первый номер подобного издания – «Ежемесячник коллекционеров почтовых карточек» в Аугсбурге. Значительное количество специальных журналов издавалось для филокартистов в России: «Открытка» (Псков, 1902), «Открытое письмо» (Петербург, 1904–1905), «Открытка» (Калуга, 1907–1909), «Открытое письмо» (Умань, 1906), «Коллекционирование марок и открыток» (Ярославль, 1908) и ряд других.

Таким образом, инновационный потенциал открытки позволил создать новую специфичную сферу хобби, чья экономическая выгода за счет двойной оплаты – открытки и пересылки – была выше аналогичных увлечений коллекционированием монет, марок, фотографий и гравюр. Более того, именно эта особенность коллекционирования открыток путем обмена позволяет открытке успешно противостоять современным социальным сетям, сохраняя открытку в рамках посткроссинга.

Инновационность открытки как феномена экономики сервиса проявилась еще и в возникновении специализированного направления коммерческих открыток. Впервые подобный аспект инновационного потенциала открытки был реализован во время Всемирной выставки в Чикаго в 1893 году, в ходе которой издатель Чарльз У. Голдсмит воспользовался возможностью выпустить в цвете набор официальных открыток, демонстрирующих павильоны и другие интересные разделы выставки. Это были первые серийно выпускаемые графические открытки, которые были напечатаны в качестве сувенира и одновременно коммерческой открытки в Соединенных Штатах, и они оказались сенсационным хитом.

В последующие десятилетия сформировалось целое направление freecards или Fly Cards – это рекламные открытки, распространяемые бесплатно. Они содержат яркие картинки, фотографии, коллажи и слоганы, рекламирующие те или иные товары, услуги и фирмы. Многие владельцы компаний начали продвигать свой товар через почтовые открытки, которые таким естественным образом попадали во все страны мира. Как указывают исследователи [10], сегодня в мире достаточно широкая сеть распространения бесплатных рекламных открыток. В Нидерландах, например, два крупных «распространителя» freecards издали и распространили за последние пять лет более семи тысяч видов открыток. Очень популярна эта идея в Австралии, Франции, Великобритании, США и Австрии, а в Сингапуре возникла даже транснациональная корпорация Ad Post Com Co., Ltd, занимающаяся распространением freecards, впоследствии повлиявшая на возникновение нового устойчивого термина Ad-cards.

Следует отметить также заключенный в открытке потенциал ее политического использования, что также нашло свою быструю реализацию. В этой связи интересно обратить внимание на тот факт, что Гражданская война в США стала фактором, оказавшим разрушительное воздействие на проект карточек Липмана, тогда как Первая мировая война, напротив, способствовала росту производства открыток и появления самостоятельного направления агитационной открытки.

Политический потенциал открытки активно использовался и в мирное время, создавая особое культурное пространство, оттеняя праздники или выступая способом общения мировых лидеров, несущим самостоятельное послание. Известен факт заключения крупных контрактов компанией Hallmark с руководством США и Великобритании по созданию специальных серий открыток для лидеров стран и официальных делегаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый исторический анализ позволяет чётко постулировать положение, согласно которому 150 лет существования открытки оказались возможными, прежде всего, в результате того, что она явилась не столько значимым культурным феноменом, сколько представляла собой эффективную модель, отражающую различные исторические процессы и явления, полную инновационных аспектов. При этом даже определенное снижение объемов использования открытки и падение экономической эффективности ее реализации, наметившееся на рубеже тысячелетий в связи с отмечавшейся выше революцией средств передачи информации и связи, замедлилось и имеет тенденцию к сокращению под натиском новых проектов в сфере открытки, к числу которых относится проект посткроссинг, ежегодно создающий оборот открыток, только в международном обмене превышающий 5 миллионов открыток (5 100 682 открытки согласно данным официального сайта проекта www.postcrossing.com). Последнее обстоятельство говорит о том, что экономический потенциал открытки требует отдельных подробных исследований. Значение и возможности её раскрыты не в полной мере до настоящего времени.

Библиография / References:

1. Бутыльская Л.В. Поздравительная открытка в аспекте межкультурной коммуникации // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2014. – № 7. – С. 159–163.
2. Забочень М.С. Филокартия. – М.: Искусство, 1973. – 120 с.
3. Медяков А. «РУ КУ», или Образ русских на немецких открытках Первой мировой // Родина. – 2011. – № 3. – С. 82–87.
4. Медяков А.С. «Совершенно новое средство агитации»: немецкая «национальная открытка» в Австро-Венгрии рубежа XIX – XX веков // *Studia Slavica et Balcanica* Petropolitana. – 2018. – № 2 (24). – С. 80–97.
5. Миронова Е.В. Образ Германии в русских пропагандистских открытках времен Первой мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10. – № 3-2. – С. 42–53.
6. Мозохина Н.А. Заимствования и плагиат в русской художественной оригинальной открытке начала XX века: к постановке проблемы // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – Т. 186. – С. 142–147.
7. Мозохина Н.А. Образ Петербурга в художественной оригинальной открытке общины святой Евгении // Научные труды. – 2006. – № 5. – С. 123–132.
8. Самбур М.В. Почтовая открытка как источник информации по истории и культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 4 (54). – С. 65–69.
9. Самбур М.В. Трансформация открытого письма (открыток) в современном социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 5 (43). – С. 97–101.
10. Тейванов С.В. Рекламные открытки: обзор рынка и его развитие, достоинства и недостатки // Сфера услуг: инновации и качество. – 2012. – № 5. – С. 117–126.
11. Третьяков В.П. История коллекционирования открыток в России (1895–2017 гг.) // Почтовая марка и почтовая карточка: творцы, издатели, коллекционеры: сборник методических материалов IX Научно-практического семинара по истории почты и филателии / Л.Н. Бакаютова, А.А. Шамова; Центральный музей связи имени А. С. Попова; науч. ред. Л.Н. Бакаютова. – СПб., 2018. – С. 335–341.
12. Шабурова О.В. Советский мир в открытке. – М.: Кабинетный учёный, 2017. – 328 с.
13. Шульгин П.М. Почтовые открытки 1941–1945 гг. как исторический источник // Исторический архив. – 2010. – № 2. – С. 58–73.
14. Atkins G. Come Home at Once. Lon-

- don, Bantam Press, 2014.
15. Groß aus Berlin. Frankfurt, Kohler & Amelang, 1987.
16. Hill, C. W. Picture Postcards. Chicago, Shire Publications Ltd, 1991.
17. Staff F. The Picture Postcard & Its Origins. London, Lutterworth Press, 1979.
18. Willoughby M. A History of Postcards. – NY., Bracken Books, 1992.
1. Butyl'skaya L.V. (2014) Pozdravitel'naya otkrytka v aspekte mezhkul'turnoy kommunikatsii [Greeting card in the aspect of intercultural communication] // Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty. – №7. – S.159–163. (In Russ.).
2. Zabochev' M.S. (1973) Filokartiya [Philocartia]. – M.: Iskusstvo. – 120 s. (In Russ.).
3. Medyakov A. (2011) «RU KU», ili Obraz russkikh na nemetskikh otkrytkakh Pervoy mirovoy [«RU KU», or the Image of Russians on German postcards of the First World War] // Rodina. – №3. – S.82–87. (In Russ.).
4. Medyakov A.S. (2018) «Sovershenno novoye sredstvo agitatsii»: nemetskaya «natsional'naya otkrytka» v Avstro-Vengrii rubezha XIX–XX vekov [«A completely new means of agitation»: the German «national postcard» in Austria-Hungary at the turn of the 19th – 20th centuries] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – №2(24). – S.80–97. (In Russ.).
5. Mironova Ye.V. (2018) Obraz Germanii v russkikh propagandistskikh otkrytkakh vremen Pervoy mirovoy voyny [The image of Germany in Russian propaganda postcards during the First World War] // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. – T. 10. – № 3-2. – S.42–53. (In Russ.).
6. Mozokhina N.A. (2009) Zaimstvovaniya i plagiat v russkoy khudozhestvennoy original'noy otkrytke nachala KHKH veka: k postanovke problemy [Borrowing and plagiarism in the Russian original postcard of the early 20th century: to the formulation of the problem] // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – T. 186. – S.142–147. (In Russ.).
7. Mozokhina N.A. (2006) Obraz Peterburga v khudozhestvennoy original'noy otkrytke obshchiny svyatoy Yevgenii [The image of St. Petersburg in the artistic original postcard of the community of St. Eugenia] // Nauchnyye trudy. – № 5. – S. 123–132. (In Russ.).
8. Sambur M.V. (2013) Pochtovaya otkrytka kak istochnik informatsii po istorii i kul'ture [Postcard as a source of information on history and culture] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – №4(54). – S.65–69. (In Russ.).
9. Sambur M.V. (2011) Transformatsiya otkrytogo pis'ma (otkrytok) v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve [Transformation of open writing (postcards) in the modern socio-cultural space] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – №5(43). – S.97–101. (In Russ.).
10. Teyvanov S.V. (2012) Reklamnyye otkrytki: obzor rynka i yego razvitiye, dostoinstva i nedostatki [Advertising cards: an overview of the market and its development, advantages and disadvantages] // Sfera uslug: innovatsii i kachestvo. – №5. – S.117–126. (In Russ.).
11. Tret'yakov V.P. (2018) Istoriya kollektirovaniya otkrytok v Rossii (1895–2017 gg.) [History of collecting postcards in Russia (1895–2017)] // Pochtovaya marka i pochtovaya kartochka: tvortsy, izdateli, kollektionery: sbornik metodicheskikh materialov IX Nauchno-prakticheskogo seminaru po istorii pochty i filatelii / L.N. Bakayutova, A.A. Shmakova; Tsentral'nyy muzey svyazi imeni A. S. Popova; nauch. red. L.N. Bakayutova. – SPb. – S.335–341. (In Russ.).
12. Shaburova O.V. (2017) Sovetskiy mir v otkrytke [Soviet world in a postcard]. – M.: Kabinetnyy uchonyy. – 328s. (In Russ.).
13. Shul'gin P.M. (2010) Pochtovyye otkrytki 1941–1945gg. kak istoricheskiy istochnik [Postcards 1941–1945 as a historical source] // Istoricheskiy arkhiv. – №2. – S.58–73. (In Russ.).

УДК 37.014.53(47)''18''

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-84-92

СЕЛЮТИНА Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: seljutina1@rambler.ru, AuthorID: 432387

ХОЛОДОВ Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: vohol1@rambler.ru, AuthorID: 728671

SELIUTINA E.N., Candidate of Juridical Sciences, associate professor, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: Seljutina1@rambler.ru, AuthorID: 432387

HOLODOV V.A., Candidate of historical sciences, associate professor, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa (Russian Federation, Orel), e-mail: vohol1@rambler.ru, AuthorID: 728671

**НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВ И
ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ**

**PRIMARY EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE POST-REFORM
PERIOD AND THE ACTIVITIES OF ZEMSTVOS**

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение деятельности земств по реализации государственной социальной политики в сфере развития народного образования. Проведение реформ императором Александром II во второй половине XIX века обусловило потребность в квалифицированной рабочей силе, грамотных специалистах в различных областях государственной и общественной жизни: военной, промышленной, культурной, научной. Модернизация образования потребовала скорейшего разрешения таких вопросов как доступность, массовость образования, кардинальное совершенствование образовательного процесса, улучшение организационно-экономического механизма управления сферой образования, как элемента государственной социальной политики. Авторами сделаны выводы о том, что в развитии начального народного образования земства столкнулись с трудностями организационного и финансового характера. Деятельность земств в сфере образования не носила системного характера и находилась под жестким государственным контролем. Только после внесения изменений в законодательство и расширения земских полномочий по развитию образования удалось значительно увеличить количество земских школ, численность учеников, в том числе девочек и снизить уровень безграмотности населения.

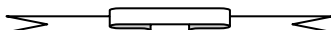
Ключевые слова: социальная политика, земские учреждения, начальные народные училища, Российская империя.

Abstract. The purpose of the article is to review the activities of zemstvos in the implementation of state social policy in the development of public education.

The reforms carried out by Emperor Alexander II in the second half of the XIX century caused the need for qualified labor, competent specialists in various fields of state and public life: military, industrial, cultural, scientific. Modernization of education required the speedy resolution of such issues as accessibility, mass education, cardinal improvement of the educational process, improvement of the organizational and economic mechanism of management of education as an element of state social policy.

As a result, the authors draw conclusions that zemstvos faced organizational and financial difficulties in the development of primary public education. The activities of zemstvos in the field of education were not of a systemic nature and were under strict state control. Only after amendments were made to the legislation and the expansion of the zemstvo powers for the development of education, it was possible to significantly increase the number of zemstvo schools, the number of students, including girls, and reduce the level of illiteracy of the population.

Keywords: social policy, zemstvos, primary public schools, Russian Empire.

ВВЕДЕНИЕ

Образование в концепции социальной политики государства и системе ценностей современного человека занимает одно из первых мест. Система образования в Российской Федерации – это непростой, подверженный перманентным изменениям механизм, выступающий важнейшим элементом государственной социальной политики. Лишение доступа к получению образования влечет утрату возможности конструктивной социализации человека в обществе. Именно поэтому закрепление всеобщего права на образование является базисом для реализации внутреннего потенциала каждой личности и обеспечения процветания общества и государства.

Данные аспекты обусловили необходимость изучения исторического опыта развития отечественного образования, а именно его начальной ступени, являющейся необходимой для каждого человека. В России допетровских времен образованию не придавалось значения социального лифта, в распределении должностей главенствовал принцип местничества. Постепенное осознание важности образования в государственных интересах привело к формированию системы образования, длительное время носившей сословный и элитарный характер. Первые попытки предоставить доступ к образованию вне зависимости от сословной принадлежности наблюдались в XVIII веке. Московский университет и Академия художеств основывались как всеобщие учебные заведения, всеобщими были и народные училища, созданные при Екатерине II. Однако осознание необходимости действительно всеобщего массового образования появляется в социальной государственной политике с началом эпохи Великих реформ, проводимых Александром II. Масштабные изменения социально-экономических условий, вызванные проведенными преобразованиями, требовали увеличения числа образованных людей. Государство остро нуждалось в квалифицированной рабочей силе, которая позволила

бы развивать промышленность и избавиться от зависимости в иностранных специалистах. Единственным путем к достижению этой цели являлось развитие образования, начиная с низовых элементов, с начальной народной школы.

В статье на основе авторского подхода с использованием совокупности методов исследованы начальные этапы становления всеобщей системы начального образования и роль земских учреждений в реализации государственной образовательной политики.

Проблемы становления и развития системы образования в России представляют научный интерес и вызывают острые дискуссии, особенно в периоды модернизации образования.

В дореволюционный период тема начального народного образования подробно исследована в трудах педагогов-просветителей. На необходимость всеобщего обучения и преодоления народной безграмотности обращает внимание В. П. Вахтеров [1], который отверг существовавшие проекты всеобщего образования и разработал собственную концепцию. Различные педагогические течения освещены П. Ф. Каптеровым [6]. Теоретические основы сельской школы стали предметом не только научных изысканий, но и практической деятельности Н. А. Корфа, в работах которого представлен анализ деятельности земских народных училищ и их роль в российском обществе. О роли земств в обеспечении доступа населения к образованию рассуждал А. И. Васильчиков. Автором обозначена позиция о необходимости комплексного взаимодействия государства, земств и сельских обществ в вопросах организации и содержания сельских школ. Итоги деятельности земств за сорок лет, в том числе в сфере развития народного образования, подведены в фундаментальном монографическом исследовании Б. Б. Веселовского [2]. Выявление и осмысление тенденций развития народной школы при активном участии земств нашло отражение в работах В. И. Чернолусского. Анализ образовательной политики правительства и выводы о

необходимости широкой грамотности населения содержатся в исследовании А. Н. Куломзина.

Советская историческая и педагогическая наука преимущественно негативно и предвзято характеризовала роль земств в развитии народного образования и критиковала «царизм» за ограничение доступа к образованию широких слоев населения. Авторами при этом отмечается, что большинство мероприятий по реализации практических задач в сфере народного образования осуществлялось уездными земствами.

Активизация изучения различных аспектов истории развития народного просвещения началась в конце 1990-х годов XX века и характеризуется тематическим разнообразием и введением в научный оборот новых статистических данных и источников. В монографическом исследовании Ю. Ю. Пономаревой представлена региональная специфика развития земского просвещения на материалах Орловской губернии [11].

Богатый справочный и статистический материал по деятельности земств в сфере образования собран Э. Д. Днепровым и И. Ю. Маклаковой, Е. С. Матвеевой, В. А. Ливцовым и др. [4; 7; 14].

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВ В РАЗВИТИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕЁ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

Развитие народного образования в России не случайно связывают с деятельностью земств. В 1864 году были приняты сразу два основных закона в сфере земской просветительской деятельности. Первое из них вводило непосредственно само земское управление [10], а второе заложило правовые основы всеобщего доступного образования для всех сословий [9]. В дореформенное время количество школ в сёлах и деревнях было крайне малым. Население остро нуждалось в начальном образовании, доступ к которому был ограничен. Состояние имевшихся школ для государственных и удельных крестьян было неудовлетворительным, да и

числились они зачастую «на бумаге» [2, С. 448]. Обучение помещичьих крестьян зависело от воли помещиков, некоторые из них устраивали школы, но после отмены крепостного права эти школы исчезли.

Вопросы народного просвещения и образования не были в числе приоритетных в государственной социальной политике дореформенной России. Частично потребности в народном образовании удовлетворяли церковно-приходские школы, организованные не во всех приходах и существовавшие за счёт средств благотворительности. Положение о народных училищах 1864 года открыло доступ к начальному образованию детям всех вероисповеданий и всех сословий. Кроме того, в Положении о народных училищах содержалась норма, разрешающая учреждение начальных школ частными лицами или городскими и сельскими обществами. Данные нововведения устраняли государственную и церковную монополию на начальное образование, что позволило в будущем надеяться на преодоление массовой безграмотности крестьянства и сформулировать концепцию начального народного всеобщего образования.

Интересные статистические данные о количестве начальных народных школ во второй половине XIX века приводит Э. Д. Днепров (таблица 1). Обращает на себя внимание тот факт, что количество школ с 1856 по 1863 год, то есть за семь дореформенных лет, возросло в 4 раза, а численность учеников увеличилась в 1,84 раза. При этом за период с 1863 по 1884 год, то есть за 20 лет интенсивной деятельности и земств, и общественности по развитию народного начального образования, количество школ изменилось мало – лишь на 2720, но контингент обучающихся возрос в 2,5 раза. Объяснение такому, казалось бы, удивительному обстоятельству, весьма простое и печальное, приводит Ю. Ю. Пономарева – многие начальные школы дореформенного периода существовали только на бумаге [11]. Ещё больше вопросов вызывает численность учеников в соотношении с несовершеннолетним населением школьного возраста. Обуча-

лись в начальных училищах, как правило, дети в возрасте от 8 до 12 лет. По сведениям, представленным в монографии Л. В. Бессера и К. Балодиса, численность мальчиков православного вероисповедания в возрасте от 8 до 12 лет составляла около 3 700 000 и примерно столько же девочек; то есть начальное образование было доступно только 6 % детей или 12 % мальчиков, учитывая низкую вовлеченность лиц женского пола в сферу образования.

Таблица 1 – Начальная народная школа во второй половине XIX века (Днепров, 2017: 605)

Table 1 – Elementary folk school in the second half of the XIX century (Dnipro, 2017: 605)

Учебные заведения	1856	1863	1884	1894
Число школ	8227	33 606	36 326	81 022
Число учащихся	450 000	827 572	1 999 443	3 263 286
Из них: мальчиков %	91,8	81,6	76,4	78,9
Девочек %	8,2	18,4	23,6	21,1

Таким образом, для развития прочной и общедоступной системы начального народного образования требовалась как организационная основа в виде начальных школ в каждом уездном земстве, имеющих подходящее помещение и учителей, так и трансформация массового народного сознания в направлении понимания грамотности как насущной необходимости. Формированию второго компонента способствовало изменение жизненных обстоятельств, выразившееся в освобождении крестьян из крепостной зависимости, а значит, возникла необходимость решать самостоятельно хозяйствен-

ные вопросы, что требовало хотя бы минимальных знаний – чтения, письма, основных арифметических действий.

Опосредованно на осознание крестьянством потребности в образовании повлияло закрепление в Уставе о воинской повинности льготного срока службы для лиц, имеющих свидетельство об окончании курса начальных народных училищ, определенного Уставом 14 июля 1864 года. Для таких лиц срок действительной службы составлял 4 года, в то время как по общему правилу он достигал 15 лет. Данное обстоятельство демонстрирует озабоченность правительства вопросами народного просвещения и стремлением повысить привлекательность образования среди широких масс. Конечно, нельзя не отметить, что более высокие степени образования гарантировали большие льготы по исполнению всеобщей воинской повинности.

Итак, в сфере государственной социальной политики назрела необходимость решать проблему доступности и массовости начального народного образования. Предпринятые со стороны высшей власти шаги были по меньшей мере осторожными. Контроль процесса обучения и содержания образования оставался в руках государства в лице министерства народного просвещения. Более того, в случае каких-либо нарушений, беспорядка или вредного направления учения училища временно закрывались или упразднялись по решению училищного совета. В состав училищного совета, осуществлявшего педагогическую опеку и надзор, входили представители министерства внутренних дел, народного просвещения, духовенства и земства.

Следует отметить, что поначальному замыслу реформ вопросы начального народного образования не планировалось закреплять за земскими учреждениями, что видно из норм вышеуказанных положений. В ст. 10 Положения о народных училищах от 14 июля 1864 года в качестве учредителей не названы губернские и уездные земские учреждения. То есть предполагалось, что земства будут курировать вопросы, связанные с со-

держанием школьных помещений, решением хозяйственных проблем, но не развивать систему начального народного образования. Для сравнения приведем формулировку нормы, закрепляющей полномочия земских учреждений в сфере призрения и благотворительности: «...заведывание земскими благотворительными заведениями и прочия меры призрения; способы прекращения нищеты; попечение о построении церквей...» [9]. То есть в вопросе оказания помощи сиротам, вдовам, слепым и иным нуждающимся категориям населения земства обладали большей свободой выбора форм и содержания такой помощи [14].

Содержание образовательного процесса жестко контролировалось государством. Программа обучения в начальных училищах включала базовые основы грамотности и религиозной нравственности, за реализацией программы надзирал инспектор. В этом проявлялась двоякое отношение государства к народному начальному образованию: с одной стороны, правящие круги понимали необходимость просвещения и повышения грамотности, с другой – над государственной социальной политикой довлели веками укоренившееся представление о разращении народа излишними знаниями и разжигание недовольства своим положением, что «неминуемо» приведет к протестным настроениям и покушениям на государственную строй.

Реализация Положения о начальных народных училищах столкнулась с самой первой и острой проблемой финансирования. Среди источников финансирования начальной народной школы наибольший вес имели четыре: государственное казначейство, земства, городские и сельские общества, пожертвования частных лиц. Плата за обучение также взималась, но её размер был минимальным, что позволяло обеспечить доступность образования для малоимущих, а некоторых учеников могли и вообще освободить от оплаты обучения. Э. Д. Днепров указывает, что к 1874 году доля земств в финан-

сировании начальной народной школы была на первом месте и составляла 30 %, затем шли сельские общества, обеспечивающие 25 % финансовых нужд школы, и только на третьем месте с 17,8 % находилось государственное казначейство.

В целом в период начала реформ народного образования в общественном сознании сложилась точка зрения, озвученная князем А. И. Васильчиковым, о том, что сельские общества и волости должны сами определяться с необходимостью открытия школ и установления сборов для их содержания, а земства и государственная казна приходят на помощь тем местностям, которые не могут позволить себе содержание школы из-за малочисленности или скудности доходов.

Земства по-разному подошли к реализации вопросов, порученным им в сфере народного образования. На первых земских собраниях многие земства увидели свою роль в поощрении крестьянских инициатив по открытию школ, определяя размер временной помощи. Во Владимирской губернии Юрьевское земство ассигновало в 1866 году на народное образование 300 рублей, а также постановило провести благотворительные сборы в церквях; Покровское земство выделило 700 рублей, но они остались неизрасходованными, Суздальское земство приняло решение не выделять средств на школы, посчитав этот вопрос делом губернского земства [12]. В Воронежской губернии Павловским земством была выделена крупная сумма в 1750 рублей в виде поощрения обществам и учителям; а Острогожское – ассигновало 415 рублей на развитие начального образования; Бирюченское земство отказалось финансировать школы в тех местностях и «навязывать училища тем обществам, у которых не назрела еще потребность в образовании» [3, С. 534, 538, 553].

Орловская губернская управа в 1866 году представила проект устройства по волостям школ на добровольные сборы с обществ и плату за учение по 1–2 рубля с ученика. Губернское собрание и многие уезд-

ные земства решили не принимать участия в развитии начального образования. Брянское земство ввело подушный налог на содержание школ. Кромское земское собрание обязало крестьян содержать школы, а со своей стороны ассигновало 300 рублей уездному городскому училищу (ГАОО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 86).

В Рязанской губернии был введен 10-копеечный подушный сбор на содержание сельских школ. В Смоленской губернии земства выделяли некоторые пособия на постройку школ и обзаведение ими классными принадлежностями, а также на содержание учителей. Более того, крестьянские общества через своих гласных доносили до земских собраний просьбы об оказании помощи на школьное дело, так как, желая обучать своих детей грамоте, они совершенно не имеют к тому возможности ввиду неурожая (в 1868 году. – *Прим. авторов*), а собранные по 2 копейки с души не позволяли открыть сельское училище [13, С. 577].

Более того, по прошествии трех лет существования земств треть из них вообще ничего не ассигновывали на народное образование [2, С. 453]. Расходы по содержанию сельских учителей, покупке учебных пособий в первые годы реформ земства также не спешили брать на себя. Такое разграничение в финансировании начальных народных училищ стало осуществляться лишь с середины 1880-х – начала 1890-х годов.

Таким образом, первые земские собрания недостаточно внимательно относились к нуждам народного образования. Школьное дело в эти годы практически полностью возлагалось на сельские общества, которые тоже не отличались особым стремлением к организации школ за собственные средства. Народное образование в первые годы развивалось очень медленно.

В связи с этим возникает вопрос: а могли ли земства и на каком основании развивать народное начальное образование? Мы выяснили, что первые годы существования земств характеризовались бессистемностью в вопросах народного образования,

большинство земских собраний стало на позицию отнесения школ к вопросам общины, ограничиваясь нерегулярными поощрениями, которые нередко оставались неизрасходованными. Лишь к середине 70-х годов XIX века у земств появился некоторый опыт, и развитие народного образования сдвинулось с мёртвой точки. Прежде всего, в организации начальной школы были выделены базовые группы отношений, в которых требовалось участие земств: строительство школ, содержание школьных помещений, снабжение учебными материалами и письменными принадлежностями, содержание учителей. Раньше всего земства начали принимать на себя оплату учительского жалования, устранив несвоевременность выделения средств и зависимость учителя от сельского общества. Параллельно с оплатой учительского жалования земства озаботились доставкой учебных принадлежностей: книг, бумаги, перьев, досок и т. п. Хозяйственные расходы по содержанию школьных помещений – ремонт, отопление, сторожа и прочие хозяйственные расходы – длительное время были полностью возложены на сельские общества, несмотря на формулировку п. 7 ст. 2 Положения о земских учреждениях, в котором прямо указано на участие земств в попечении о народном образовании именно в хозяйственном отношении.

По мере развития начальной народной школы возрастала и роль земств. Земства ходатайствовали через губернское начальство перед министром просвещения об учреждении или расширении учебных заведений, о введении дополнительных предметов (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3915), использовании на нужды образования доходов сельских обществ от питейных заведений (РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5496). Согласно данным, приведенным Э. Д. Днепровым и И. Ю. Маклаковой, менее сорока процентов таких ходатайств удовлетворялось, по большей же части поступал отказ [4, С. 136]. Современник реформ, педагог П. Ф. Каптеров, отмечал, что из числа удовлетворенных ходатайств половина касалась расширения

средних, а не начальных образовательных учреждений [6, С. 134].

Деятельность земств в сфере развития народного просвещения активизировалась в следующем десятилетии после проведения земской реформы. Земства показали свою способность и заинтересованность в создании системы народных училищ, а со стороны государственной власти принципиальная позиция о возможности большего вовлечения земств в реализацию социальной образовательной политики была узаконена в Положении 1874 года, где появилась норма о том, что земства выступают учредителями начальных училищ. Затем в Положении 1890 года функции земств еще более расширились, и на земские учреждения уже возлагалась задача по развитию народного образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление во второй половине XIX века в России земской школы как знакового символа времени было невозможно без изменения вектора социальной политики государства в сфере народного образования. В пореформенный период направление в развитии образования смещается в сторону либерализации, отказа от государственно-церковной монополии, к созданию начальных училищ, бессловесных и не имеющих привязки к вероисповеданию учеников. Осторожные шаги в направлении борьбы с безграмотностью и в развитии всеобщего образования были вызваны укоренившимися во властных структурах опасением, что образованность широких народных масс может привести к падению нравов, распространению революционных взглядов и будет представлять угрозу государственному устоям и самодержавию.

Вместе с тем авторы не склонны идеализировать деятельность земств в развитии народного образования. Нормативный анализ положений показал отсутствие возложения на земства прямой обязанности по развитию народного образования. Полномочия

земств, согласно Положению 1864 года, состояли лишь в хозяйственной сфере по поддержанию учреждений начального образования. Становление земской школы стало юридически возможным благодаря законодательным пробелам, допускавшим создание начальных училищ как частными лицами, так и городскими и сельскими обществами с разрешения уездного училищного совета, в состав которого входили по два представителя от земства. Более важным фактором в этой связи было наличие огромного желания и воли общественности по преодолению безграмотности, что выразилось в лавине ходатайств об открытии народных училищ, большая часть из которых осталась без удовлетворения. Тем не менее начало продвижению просвещения в массы было положено, а в Положении 1890 года вошла норма о попечении земскими учреждениями о развитии народного образования.

Библиография / References:

1. Вахтеров В.П. Всеобщее обучение. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1897. – 216 с.
2. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 1. – СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1909–1911. – 750 с.
3. Воронежское земство, 1865–1889 гг.: историко-статистический обзор / составил Ф. Щербина. – Воронеж: Издание Воронежского губернского земства, 1891. – 830 с.
4. Земские ходатайства по вопросам народного образования. 1865–1905 гг. Справочное пособие для исследователей / сост. Э.Д. Днепров, И.Ю. Маклакова. – М.: Норма, 2014. – 234 с.
5. Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века: сборник документов: в 3 т. / ред.-сост., ст., коммент. Э.Д. Днепров. Т. 1. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. – 832 с.
6. Каптеров П.Ф., Музыченко А.Ф. Со-

- временные педагогические течения. – М.: Типография П.П. Рябушинского, 1913. – 220 с.
7. Ливцов В.А., Матвеева Е.С. Влияние Орловского православного Петропавловского братства на распространение образования в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 3 (66) . – С. 53–57.
 8. Матвеева Е.С., Ливцов В.А., Филонов В.И. Деятельность комиссии духовных училищ по вопросам организации и поддержки системы духовного образования в XIX веке (на материалах Орловской губернии) // Былые годы. – 2021. – № 16 (1). – С. 126–137.
 9. Положение о начальных народных училищах 14 июля 1864 года // ПСЗРИ. Отд. II. Т. 39. № 41472. – СПб., 1867. – С. 167–179.
 10. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 (13) января 1864 // ПСЗРИ. Отд. I. Т. 39. № 40457. – СПб., 1867. – С. 1–10.
 11. Пономарева Ю.Ю. Просветительская деятельность Орловского земства: монография. – Орёл: Издательство ОФ РАН-ХиГС, 2011. – 176 с.
 12. Сборник постановлений Владимирского губернского земского собрания 1865–95 гг. – Владимир, 1896. – 544 с.
 13. Сборник постановлений Смоленского губернского земского собрания 1865–95 гг. – Смоленск, 1896. – 614 с.
 14. Селютина Е.Н., Леонова О.В., Меркулов П.А. Социальная политика земств центральных губерний России по призрению детей во второй половине XIX – начале XX века // Былые годы. – 2022. – № 17 (1). – С. 277–286.
 1. Vakhterov V.P. (1897) Vseobshcheye obucheniye [Universal learning]. – М.: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina. – 216s. (In Russ.).
 2. Veselovskiy B.B. (1909-1911) Istoriya zemstva za sorok let [The history of the Zemstvo for forty years]. T.1. – SPb.: Izdatel'stvo O.N. Popovoy. – 750s. (In Russ.).
 3. Voronezhskoye zemstvo, 1865-1889gg.: istoriko-statisticheskiy obzor [Voronezh Zemstvo, 1865-1889: historical and statistical review] / sostavil F. Shcherbina. – Voronezh: Izdaniye Voronezhskogo gubernskogo zemstva, 1891. – 830s. (In Russ.).
 4. Zemskiye khodataystva po voprosam narodnogo obrazovaniya [Zemstvo petitions on issues of public education. 1865–1905 Reference manual for researchers]. 1865–1905 gg. Spravochnoye posobiye dlya issledovateley / sost. E.D. Dneprov, I.Yu. Maklakova. – М.: Norma, 2014. – 234s. (In Russ.).
 5. Rossiyskoye zakonodatel'stvo ob obrazovanii XIX – nachala XX veka: sbornik dokumentov [Russian legislation on education of the 19th – early 20th century: a collection of documents]: v 3 t. / red.-sost., st., komment. E.D. Dneprov. T.1. – М.: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 2017.– 832s. (In Russ.).
 6. Kapterov P.F., Muzychenko A.F. (1913) Sovremennyye pedagogicheskiye techeniya [Modern pedagogical trends]. – М.: Tipografiya P.P. Ryabushinskogo. – 220s. (In Russ.).
 7. Litvov V.A., Matveyeva E.S. (2015) Vliyaniye Orlovskogo Pravoslavnogo Petropavlovskogo bratstva na rasprostraneniye obrazovaniya v Orlovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX nachale XX veka [The influence of the Oryol Orthodox Peter and Paul Brotherhood on the spread of education in the Oryol province in the second half of the 19th and early 20th centuries] // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. – № 3(66). – S.53–57. (In Russ.).
 8. Matveyeva E.S., Litvov V.A., Filonov V.I. (2021) Deyatel'nost' komissii dukhovnykh uchilishch po voprosam organizatsii i podderzhki sistemy dukhovnogo obrazovaniya v XIX veke (na materialakh Orlovskoy gubernii) [Activities of the Commission of Theological

Schools on the Organization and Support of the System of Spiritual Education in the 19th Century (Based on the Materials of the Oryol Province) // Bylyye gody. – №16(1). – S.126–137. (In Russ.).

9. Polozheniye o nachal'nykh narodnykh uchilishchakh 14 iyulya 1864g. [Regulations on primary public schools July 14, 1864] // PSZRI. Otd. II. T.39. № 41472. – SPb., 1867. – S.167–179. (In Russ.).

10. Polozheniye o gubernskikh i uyezdnnykh zemskikh uchrezhdeniyakh 1 (13) yanvarya 1864 [Regulations on provincial and district zemstvo institutions on January 1 (13), 1864] // PSZRI. Otd.I. T. 39. – №40457. – SPb., 1867. – S. 1–10. (In Russ.).

11. Ponomareva Yu.Yu. (2011) Prosvetitel'skaya deyatel'nost' Orlovskogo zemstva: monografiya [Educational activities of the Oryol Zemstvo] . – Orol: Izdatel'stvo OF RANKhiGS. – 176s. (In Russ.).

12. Sbornik postanovleniy Vladimirskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 1865-95 gg. [Collection of resolutions of the Vladimir Provincial Zemstvo Assembly 1865-95]. – Vladimir, 1896. – 544s. (In Russ.).

13. Sbornik postanovleniy Smolenskogo gubernskogo zemskogo sobraniya 1865–95 gg. [Collection of resolutions of the Smolensk Provincial Zemstvo Assembly 1865–95]. – Smolensk, 1896. – 614s. (In Russ.).

14. Selyutina E.N., Leonova O.V., Merkulov P.A. (2022) Sotsial'naya politika zemstv tsentral'nykh guberniy Rossii po prizreniyu detey vo vtoroy polovine XIX - nachale XX vekov [Social policy of zemstvos of the central provinces of Russia for the charity of children in the second half of the 19th - early 20th centuries] // Bylyye gody. – №17(1). – S. 277–286. (In Russ.).

ШЛЯХОВА Валерия Владимировна, старший следователь по особо важным делам следственной части Следственного управления УМВД России по Орловской области (Россия, Орёл), e-mail: valeria.shlyah@mail.ru

SHLYAKHOVA V.V., senior investigator for most important matters of the investigative unit of the Investigative Department of Department Ministry of Internal Affairs of Russia in the Oryol region (Russian Federation, Orel), e-mail: valeria.shlyah@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ
И УЧРЕЖДЕНИЙ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

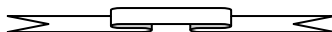
**PECULIARITIES OF STAFFING OF GOVERNING BODIES AND INSTITUTIONS OF PUBLIC
EDUCATION OF THE RSFSR AT THE REGIONAL LEVEL IN THE EARLY 1920s (BY THE
EXAMPLE OF ORLOVSKAYA PROVINCE)**

Аннотация. Целью статьи является характеристика процесса реструктуризации механизма кадрового обеспечения органов управления и учреждений народного образования РСФСР на региональном (губернском) уровне в начале 1920-х гг. в контексте реалий начавшейся «культурной революции» (на примере Орловской губернии). Автор обосновывает факторы формирования новых требований к работникам просвещения, выдвинутых постановлением Совета народных комиссаров РСФСР «Об учреждении институтов по подготовке Красной Профессуры» и решениями X Съезда Советов, а также характеризуется механизм реализации указанных требований на общероссийском и региональном уровнях.

Ключевые слова: народное образование, Народный комиссариат просвещения РСФСР, губернский отдел народного образования, учреждения народного образования, кадровое обеспечение.

Abstract. The purpose of the article is to characterize the process of restructuring the mechanism for staffing the administrative bodies and institutions of public education of the RSFSR at the regional (provincial) level in the early 1920s. in the context of the realities of the «cultural revolution» that has begun (on the example of the Oryol province). The author substantiates the factors in the formation of new requirements for educators, put forward by the Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR «On the Establishment of Institutes for the Training of Red Professors» and the decisions of the X Congress of Soviets, and also characterizes the mechanism for implementing these requirements at the all-Russian and regional levels.

Keywords: public education, People's Commissariat of Education of the RSFSR, provincial department of public education, public education institutions, staffing

ВВЕДЕНИЕ

Анализ опыта деятельности Народного комиссариата просвещения РСФСР в начале 1920-х гг. по налаживанию общероссийской и

губернских систем народного образования представляется актуальным с нескольких позиций – организационной, идеологической, экономической, социальной. Все эти позиции пронизывает кадровый вопрос, особенно ост-

ро вставший с началом НЭПа и выдвинувший на повестку дня ряд задач, решение которых требовало практически полной перестройки работы местных органов управления народным образованием.

Основными направлениями развития народного образования в административно-территориальных единицах РСФСР, как и в стране в целом, являлись: ликвидация неграмотности среди взрослого населения; подготовка партийных и комсомольских работников; профессиональная подготовка рабочих кадров для промышленных предприятий и сельского хозяйства и т. д. [2, С.47].

Народный комиссар просвещения РСФСР А. В. Луначарский, выступая на X Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23–27.12.1922 г.), назвал фронт просвещения «третьим фронтом» [4, С.73–89] (впоследствии эта метафора стала негласным названием культурной революции в целом [7]). Как отмечалось в письме, заблаговременно направленном заместителем наркома просвещения И. И. Ходоровским всем губернским комитетам РКП(б), само включение доклада Луначарского в повестку дня съезда Советов стало отражением «оживленного интереса к делу народного просвещения, которое в последнее время наблюдается в широких кругах трудового населения республики» [1, Л. 81]. Предлагая губернским партийным комитетам всемерно содействовать направлению на съезд как можно большего количества работников просвещения, замнаркома обозначил важнейшие требования к указанным работникам – авторитетность в вопросах народного образования и стойкость в проведении «единой коммунистической линии просвещения» [1, Л. 81].

Из этого предложения недвусмысленно следовал вывод о том, что губернские сегменты дореволюционной системы народного просвещения с установившимися принципами и основами функционирования [подробнее см.: 11] требуют коренной перестройки, в первую очередь в кадровом отношении.

Наркомпрос направил руководителям губернских отделов народного образования – делегатам предстоящего съезда перечень позиций, по которым предлагалось «привезти с собой материал с четкими и исчерпывающими ответами с приложением цифровых данных». Приведём некоторые из позиций:

- количество образовательных учреждений в губернии, а также число обучающихся и обучающихся в сравнении с показателями предыдущего учебного года;
- происходящие негативные изменения в системе губернского народного образования с объяснением причин этих изменений;
- характеристика сети образовательных учреждений губернии в сравнении с довоенным временем;
- количество детей, оставшихся вне школ, по данным переписи 1920 года;
- доля бюджета губоно в общем губернском бюджете, основания его формирования по источникам и фактическое выполнение;
- число образовательных учреждений в губернии по типам и по источникам их содержания;
- характеристика общественных органов содействия губернской системе народного образования;
- вопросы ремонта и отопления школьных помещений;
- санитарный надзор и санитарное состояние школ и детских домов и т. п.

Однако в рамках предмета настоящей статьи следует обратить особое внимание на

позиции, непосредственно касающиеся кадровых вопросов и, как следствие, уровня и качества образовательного процесса в губернских учебных заведениях. Среди таких позиций:

- характеристика учебного персонала (стаж, подготовленность, переподготовка, результаты проверок);
- материальное положение обучающихся и их взаимоотношения с населением;
- вопросы пополнения и обновления учебных предметов;
- влияние общественных органов содействия народному образованию и вообще населения на методы и характер преподавания;
- уровень школьного образования в сравнении с программными требованиями и довоенным уровнем;
- открытие частных школ и отношение губоно к подобным явлениям;
- задолженность работникам образовательных учреждений [1, Л. 44, 44 об.].

Постановка подобных вопросов свидетельствует о том значении, которое придавалось центральным руководством кадровому обеспечению органов управления народным образованием на местах и учебных заведений различного уровня.

Откликнувшись на призыв Наркомпроса, XI съезд Советов Орловской губернии объявил в губернии «третий фронт» и, заслушав доклад заведующего отделом народного образования Орловского губисполкома (губоно) К. Я. Дирика, включил последнего в состав делегации губернии на Всероссийский съезд Советов [1, Л. 67 об.].

Вместе с тем, несмотря на восторженное отношение руководства губернии к идее открытия «третьего фронта», организационные начала постановки дела народного просве-

щения оставляли желать лучшего. Так, в заключении инспектора Наркомпроса В. П. Чаплиева, проводившего обследование деятельности Орловского губоно 5–12 сентября 1922 года, прямо отмечалось, что губернский отдел народного образования «приведен в состояние полной растерянности и неподготовленности к переходу содержания культурно-просветительных учреждений на местные средства» [1, Л. 72]. Среди прочих недостатков инспектор обратил внимание на запаздывание с оптимизацией штатного расписания губоно, частую смену руководства отдела, слабую подготовительную кампанию к открытию занятий и т. п. Среди предложений инспектора по устранению выявленных недостатков можно выделить следующие: подкрепить губоно денежными средствами за счет местного бюджета; установить четкий порядок внутреннего делопроизводства; определить степень профессиональной пригодности заведующих уездными отделами народного образования и при необходимости осуществить кадровые замены; сосредоточить усилия на укреплении материальной базы культурно-просветительных учреждений. Но самое значимое предложение сводилось к тому, чтобы произвести в губоно «перегруппировку работников-коммунистов» и доукомплектовать отдел «ответственными коммунистами» [1, Л. 72–74].

Бесспорно, кадровый вопрос выходил на первый план в реализации задач постановки народного образования и в губернии, и в стране в целом. Неслучайно в ноябре 1922 года организационное управление Наркомпроса, обратив внимание губернских руководителей на «переживаемый кризис в деле народного образования», объявило последним о третьем приеме на курсы, организуемые Центральным институтом инструкторо-

ров-организаторов народного просвещения (более 100 человек). При этом среди требований, предъявляемых к курсантам, выделялись «достаточно высокий культурный уровень», «достаточный педагогический (примерно пятилетний) стаж», «организационные или административные способности», «вполне установленная репутация серьезного и преданного делу народного просвещения работника», а также физическое здоровье [1, л. 12, 12 об.].

Одновременно с обращениями и инспектированием «сверху» руководство губоно, со своей стороны, обратилось в Наркомпрос за разрешением провести проверку «педагогическо-научной и политической подготовки работников просвещения». В качестве оснований выдвигалось наличие «достаточного контингента лиц, стоящих на крайне невысоком научном и педагогическом уровнях развития, не говоря уже о непопозволительной отсталости их в отношении политической квалификации», а в качестве требования к работникам образовательных учреждений – пролетарское происхождение [1, л.34]. Проверка заключалась не только в беседах с работниками образования, но и в обязательном заполнении специально разработанной анкеты (так называемая форма № 2), в которую, помимо стандартных позиций, включались следующие вопросы:

- пребывание в различных местностях России и за границей;
- знание других языков, кроме родного;
- участие в империалистической и Гражданской войнах;
- социальное положение до 1917 года;
- членство в РКП(б) и в других партиях;
- участие в революционном движении до 1917 г.;

- подверженность репрессиям за революционную деятельность;

- выполняемая партийная работа;
- наличие ответственности перед судебными учреждениями РСФСР;
- предпочитаемый род деятельности в системе народного образования [1, л.32–33].

Требования к работникам подразделений народного образования губернского уровня определялись соответствующими нормативными актами, в частности положениями об отделах народного образования.

Так, в соответствии с Положением об уездном отделе народного образования (уоно) в структуру отдела входили:

- общая канцелярия (учет личного состава, распределение работников просвещения в уезде, сбор учетного материала по народному просвещению в уезде и обработка его для докладов, отчетов и статистических сводок для губоно, осуществление всей переписки отдела);

- бухгалтерия (счетно-финансовые функции);

- подотдел социального воспитания («постановка дошкольного и школьного дела»; социально-правовая охрана несовершеннолетних (до 18 лет); воспитание «дефективных детей» в уезде; создание и организация работы уездной сети социального воспитания);

- подотдел политического просвещения (создание и организация деятельности сети уездных политико-просветительных учреждений, координация политико-просветительной работы профессиональных и иных организаций среди взрослых и юношества) [1, л.38].

Положение о губернском отделе народного образования, в свою очередь, предполагало следующую структуру и функции губоно:

- общий подотдел, «обслуживающий все подотделы в области административно-

организационной и финансово-снабженческой» (постановка технического и канцелярского аппарата губоно и его уездных органов; учет личного состава губоно; учёт и распределение работников просвещения в губернии; сбор и анализ материалов информационного и статистического характера по народному просвещению в губернии; организация работы, инструктирование и инспектирование подведомственных губоно органов и учреждений народного образования в административно-хозяйственном и учебно-педагогическом отношении; ведение съездовской и выставочной работы в губернии по народному образованию; изыскание финансово-материальных средств «путем организации производительных, заготовительных и прочих операций»; финансирование культурно-просветительных учреждений губернии; распределение продуктов материального снабжения по утвержденным раскладкам; руководство ремонтно-строительным делом для нужд просвещения);

- подотдел социального воспитания («постановка дошкольного и школьного дела» (в том числе среди «дефективных детей»); организация социально-правовой охраны несовершеннолетних в губернии; создание и организация работы сети учреждений социального воспитания различного характера);

- подотдел профессионального образования (организация и руководство работой профессионально-технических учебных заведений по подготовке работников по различным специальностям согласно декрету Наркомпроса);

- подотдел политического просвещения (организация и руководство работой политико-просветительных учреждений в губернии; координация политико-просветительной внешкольной работы профессиональных и дру-

гих организаций губернии среди взрослых и юношества);

- губернский комитет по делам музеев (губмузей) (организация музейного дела в губернии);

- губернское отделение Государственного издательства РСФСР (губиздат) (выполнение плановых заданий Наркомпроса издательского характера; организация издательского дела в губернии);

- губернский совет просвещения национальных меньшинств (организация в пределах губернии «дела просвещения народного нерусского языка») [1, Л.39].

Совершенно очевидно, что реализация перечисленных функций предполагала большую работу по подбору кадров в губернские и уездные органы руководства делом народного просвещения, а также в учебные заведения губернии.

Этот вывод в полной мере коррелирует с основными положениями упомянутого ранее доклада А. В. Луначарского на X съезде Советов. Тезис наркома «не нужно удивляться тому, что новых учителей вербовать из сколько-нибудь ценных элементов невозможно» [4, С. 77] был всесторонне обоснован в его докладе.

Так, коэффициент квалификации работника просвещения (11) более чем в полтора раза превышал соответствующий показатель медроботника (7) и почти вдвое – металлиста (5,8). Тогда как отношение оплаты труда работника просвещения к установленному минимальному размеру заработка работника просвещения составлял всего 12 % (у металлистов – 46 %, у медроботников – 33 %). Такие показатели для работников просвещения были напрямую связаны с другим, более общим показателем: процент бюджета народного просвещения в общегосударственном

бюджете, достигнув в 1920 г. рекордного для России показателя (10,4 %; для сравнения: 1912 г. – 5,7 %, 1916 г. – 7,5 %, при Временном правительстве – 5,2 %, 1918 г. – 6,3 %), в следующие два года неуклонно снижался (8 % и 4,2 % соответственно). Вместе с тем, по мнению наркома, минимальная доля местных бюджетов, отпускаемая на народное просвещение, не должна быть ниже 30 % [4, С.77]. Как вариант рассматривалась модель платного образования (некоторые губернии ввели его), ставился вопрос о допустимости частной школы при социализме, а также муссировалась идея целевого школьного налога.

Существенная часть доклада А. В. Луначарского была посвящена качественным характеристикам работников просвещения.

Говоря об учительстве как особой социальной прослойке, народный комиссар просвещения употребил такие понятия, как «педагогическая подготовка», «политическая грамотность», «переподготовка». Эти критерии могли быть применимы только при условии «повышения уровня учительского существования» [4, С.83].

Оценивая систему профессионального образования, А. В. Луначарский отметил, что оно находится в лучшем положении, чем школа, и во многом благодаря тому, что в выпускниках профессиональных школ (в том числе техникумов) заинтересованы так называемые экономические комиссариаты (наркоматы земледелия, путей сообщения, почт и телеграфов, продовольствия, финансов, а также Высший совет народного хозяйства – ВСНХ). Однако нарком просвещения высказался против «растаскивания» профессиональных школ, отметив, что наиболее эффективным средством поддержания этих учебных

заведения является заключение «экономическими комиссариатами» договоров с Главным управлением профессионального образования (Главпрофобр) Наркомпроса [4, С.83–84].

Однако более детально докладчик остановился на вопросах развития высшей школы, особенно на положении и качественном составе «преподавательского персонала». Говоря о необходимости создания советской интеллигенции, нарком противопоставил старую, «черную» профессуру новой, «красной», назвав первую в значительной своей части «зловреднейшим политическим элементом» и «контрреволюционными агитаторами большой силы», «дозволенными и оплачиваемыми» советской властью. «Красная» же профессура призвана стать опорным пунктом для борьбы с «черной», помочь «вырвать из-под власти черных настроений многих крупных ученых, которые еще младенцы в политике» [4, С.85–86]. «Ласковое» отношение к профессуре не означает всепрощения и умаления требования ее превращения «в чисто социалистическую и чисто советскую».

Нельзя не вспомнить, что речь народного комиссара просвещения была озвучена не более чем через два месяца после высылки из России десятков представителей оппозиционно настроенной интеллигенции – акции советского руководства, именуемой в историографии «философский пароход» [8]. Известный фрагмент из записки В. И. Ленина Л. Б. Каменеву и И. В. Сталину от 21 февраля 1922 г.: «...уволить 20–40 профессоров обязательно. Они нас дурачат. Обдумать, подготовить и ударить сильно» [6, С.177]. В мае председатель СНК предложил заменить приращение смертной казни для тех, кто активно выступал против советской власти, высылкой за границу. Л. Д. Троцкий, назвав акцию высылки «гуманизмом по-большевистски», в

одном из интервью выразился очень цинично: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно» [цит. по: 12, С. 265]. Массовые высылки выдающихся философов и ученых начались осенью 1922 года. Из 224 высланных было 68 педагогов, представлявших ведущие высшие учебные заведения Петрограда, Москвы, Казани, других городов. Так, например, С. Ю. Малышева среди высланных преподавателей Казанского университета называет:

- А. А. Очинникова, ректора университета;
- Г. Я. Трошина, декана медицинского факультета;

- И. А. Стратонова, заместителя декана историко-филологического факультета [9, С.53].

Теперь же система высшего образования, поддерживаемая в кадровом отношении старым преподавательским персоналом, по мнению руководства Наркомпроса, должна быть подпитана, а впоследствии и заменена представителями преподавательского отряда советской интеллигенции, характерными чертами которого должны стать:

- безраздельная слитность с рабочими массами;
- энтузиазм, готовность «умереть за наше дело»;
- мастерство, высокая квалификация;
- рабоче-крестьянское происхождение;
- принадлежность к коммунистической партии [4, С.84–85].

Декрет СНК «Об учреждении институтов по подготовке Красной Профессуры» был издан еще в феврале 1921 г. Декретом предписывалось:

- «1. Учредить в Москве и Петрограде институты по подготовке Красной Профессуры для преподавания в высших школах Респуб-

лики теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства.

- 2. Установить число работающих в институтах Красной Профессуры для Москвы в 200 и для Петрограда 100.

- 3. Поручить Народному комиссариату просвещения приступить в срочном порядке к организации указанных институтов.

- 4. Обязать все советские учреждения оказывать всемерное содействие Народному комиссариату просвещения в деле скорейшей организации указанных институтов» [3, С.128–129].

К приемным экзаменам в Институт красной профессуры (ИКП) допускались лица, направленные ЦК РКП(б) или обкомом партии, как правило, с высшим образованием. Вначале принимали и беспартийных студентов, но в 1922 году уже требовался двухлетний партийный стаж, затем – трехлетний, в 1924 году – 5 лет, к 1929 году требовалось до 8 и 10 лет стажа на определенных отделениях.

ИКП находился в ведении Наркомпроса, общее руководство институтом осуществлялось агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии.

С 1921 по 1928 года в ИКП преподавали 46 человек. Острый недостаток преподавателей вынудил руководство привлечь также и беспартийных профессоров, т. е. старые кадры, демонстрировавшие высокий уровень компетенции. Долгое время кафедры ИКП делили между собой «белые» и «красные» профессора.

В числе партийных профессоров ИКП были: Н. И. Бухарин, М. Н. Покровский, В. П. Волгин, В. И. Невский, Н. М. Лукин, А. В. Луначарский, Е. М. Ярославский,

К. Б. Радек, Г. И. Крумин, Э. И. Квиринг, Н. В. Крыленко, Е. Б. Пашуканис, Е. С. Варга, Бела Кун, Эрколли (Тольятти), Н. К. Коларов, В. Пик, О. В. Куусинен, и др. Периодически с докладами выступали И. В. Сталин, Л. Б. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, М. З. Мануильский, А. С. Бубнов, Р. П. Эйдеман и др. [5]

По данным, приводимым Е. В. Никуленковой, до 1924 г. в Институте красной профессуры существовало три основных отделения – экономическое, историческое и философское. Каждое имело свою программу, рассчитанную на три года обучения. Историческое отделение изначально было разделено на секции русской и западной истории. В начале 1920-х гг. (до 1924–1925 гг.) существовала ещё и специализация по истории социализма. Философское отделение было разделено на секции истории мировоззрения (в некоторых программах она называлась просто секцией мировоззрения) и социологическую секцию. По мере развития ИКП появлялись всё новые отделения. В 1924 г. были открыты правовое и естественное отделения. На естественное отделение принимались лица, уже имевшие естественно-научное образование (физика, химия, биология). В ходе обучения в институте они должны были получить «солидную марксистскую школу применительно к данной специальности». В 1927 году были открыты литературное и историко-партийное отделения. В 1928 году в составе исторического была открыта восточная секция. Основные отделения ИКП не были равнозначными по количеству слушателей. Самым крупным было экономическое отделение. Самыми малочисленными – правовое, естественное и литературное. В 1928 г. в ИКП под руководством его учебной части было организовано научно-консультативное бюро (НКБ) под руковод-

ством К. А. Попова. Таким образом, к концу 1920-х гг. в институте существовало подготовительное и семь основных отделений. Экономическое отделение состояло из двух секций – экономической и аграрной; философское – из секций философии и исторического материализма; историческое – из секций истории народов СССР, истории Запада и истории Востока. За пять учебных лет (1924–1928 гг.) институтом было выпущено 194 слушателя, из которых 174 чел. окончили трехгодичный курс, а 20 – четырехгодичный. По специальности они распределялись так: 88 экономистов, 42 философа, 32 историка России, 18 «западных», 9 естественников, 5 правоведа [10].

Таким образом, в условиях развертывания НЭПа и преодоления его первых трудностей руководство Народного комиссариата просвещения РСФСР поставило перед местными органами народного образования цель – приведение системы школьных, профессиональных и высших учебных заведений в соответствие с требованиями начинающейся «культурной революции» («третий фронт» борьбы за социализм). В рамках этой цели одной из важнейших была задача обеспечения губернских и уездных органов народного образования новыми кадрами, соответствующими качествам создаваемой советской интеллигенции. Как видно из приведенного выше анализа, местные органы просвещения (на примере Орловской губернии), со своей стороны, предпринимали меры по прекращению кадровой текучки, замещению управленческих, преподавательских и учительских должностей квалифицированными и политически выдержанными кадрами, а также по стабилизации механизма управления губернской системой народного образования.

Библиография / References:

1. Государственный архив Орловской области (ГАОО). – Ф. 1087. – Оп.1. – Д. 378 («Положение об уездных отделах народного образования, циркуляры Наркомпроса по административным вопросам, заключение инспектора Наркомпроса о результатах обследования деятельности ГубОНО, переписка с Наркомпросом по организационным вопросам»).
2. Гудиева Л.Х.-У. Структурно-функциональный анализ образовательного процесса в Горской Республике в 20-х годах XX века // Рефлексия. – 2007. – №1. – С. 47–50.
3. Декрет СНК «Об учреждении институтов по подготовке Красной Профессуры» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 года. Управление делами Совнаркома СССР. – М.: Архив, 1944. – С.128–129.
4. X Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. (23–27 декабря 1922 года). Стенографический отчет: С приложениями. – М.: ВЦИК, 1923. – 226с.
5. Институту красной профессуры – 95 лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lib.ranepa.ru/ru/virtualnye-vystavki/31-institut-krasnoj-professury-95-let> (дата обращения – 21.09.2022)
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 54. – М.: Политиздат, 1967. – 256с.
7. Луначарский А.В. Третий фронт / Сборник статей. – М.: Работник просвещения, 1924. – 152с.
8. Макаров В.Г., Христофоров В.С. Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом – осенью 1922 года) // Вопросы философии. – 2003. – №7. – С.113-137.
9. Малышева С.Ю. Казанские профессора – пассажиры «философского» парохода // Культурная миссия Российского Зарубежья. История и современность. – М.: Российский институт культурологии, 1999. – С.53–60.
10. Никуленкова Е.В. Структура и руководство Института красной профессуры в 1920-е гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – №3. – С.158–164.
11. Хабалева Е.Н. История народного образования в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Воронеж, 2018. – 266с.
12. Хрестоматия по истории России, 1917–1940гг. /сост. М. Е. Главацкий и др.; под ред. М.Е. Главацкого. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект-пресс, 1995. – 445с.
1. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO) [State archive of the Orlov region]. – F. 1087. – Op.1. – D. 378 («Polozheniye ob uyezdnykh otdelakh narodnogo obrazovaniya, tsirkulyary Narkomprosa po administrativnym voprosam, zaklyucheniye inspektora Narkomprosa o rezul'tatakh obsledovaniya deyatel'nosti GubONO, perepiska s Narkomprosom po organizatsionnym voprosam»). (In Russ.).
2. Gudiyeva L.Kh.-U. (2007) Strukturno-funktsional'nyy analiz obrazovatel'nogo protsessa v Gorskoy Respublike v 20-kh godakh KHKH veka [Structural and functional analysis of the educational process in the Mountainous Republic in the 20s of the twentieth century] // Refleksiya. – № 1. – S. 47–50. (In Russ.).
3. Dekret SNK «Ob uchrezhdenii institutov po podgotovke Krasnoy Professury» [Decree of the Council of People's Commissars «On the establishment of institutions for the training of the Red Professors»] // Sobraniye uzakoneniyy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1921 g. Upravleniye delami Sovnarkoma SSSR. – M.: Arkhiv, 1944. – S.128–129. (In Russ.).
4. X Vserossiyskiy s'yezd Sovetov rabochikh, krest'yanskikh, krasnoarmeyskikh i kazach'ikh deputatov [X All-Russian Congress of Soviets of Workers', Peasants', Red Army and Cossack Deputies]. (23–27 dekabrya 1922 goda). Stenograficheskiy otchot: S prilozheniyami.

- М.: VTSIK, 1923. – 226s. (In Russ.).
5. Institutu krasnoy professury – 95 let [The Institute of Red Professors is 95 years old] [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://lib.ranepa.ru/ru/virtualnye-vystavki/31-institut-krasnoj-professury-95-let> (data obrashcheniya – 21.09.2022). (In Russ.).
6. Lenin V.I. (1967) Polnoye sobraniye sochineniy [Full composition of writings]. Izdaniye 5-ye. T. 54. – М.: Politizdat. – 256s. (In Russ.).
7. Lunacharskiy A.V. (1924) Tretiy front [Third front] / Sbornik statey. – М.: Rabotnik prosveshcheniya. – 152s. (In Russ.).
8. Makarov V.G., Khristoforov V.S. (2003) Passazhiry «filosofskogo parokhoda» (sud'by intelligentsii, repressirovannoy letom – osen'yu 1922 g.) [Passengers of the «philosophical ship» (the fate of the intelligentsia, repressed in the summer – autumn of 1922)] // Voprosy filosofii. – №7. – S.113-137. (In Russ.).
9. Malysheva S.Yu. Kazanskiye professora – passazhiry «filosofskogo» parokhoda // Kul'turnaya missiya Rossiyskogo Zarubezh'ya. Istoriya i sovremennost' [Kazan professors – passengers of the «philosophical» ship]. – М.: Rossiyskiy institut kul'turologii, 1999. – S.53–60. (In Russ.).
10. Nikulenkova E.V. (2015) Struktura i rukovodstvo Instituta krasnoy professury v 1920-ye gg. [The structure and leadership of the Institute of Red Professors in the 1920s] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. – №3. – S.158–164. (In Russ.).
11. Khabaleva E.N. (2018) Istoriya narodnogo obrazovaniya v Orlovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XXvv. [The history of public education in the Oryol province in the second half of the 19th - early 20th centuries]: diss. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. – Voronezh, 2018. – 266s. (In Russ.).
12. Khrestomatiya po istorii Rossii, 1917–1940gg. [Reader on the history of Russia, 1917–1940] / sost. M.E. Glavatskiy i dr.; pod red. M.Ye. Glavatskogo. – 2-e izd., pererab. i dop. – М.: Aspekt-press, 1995. – 445s. (In Russ.).

УСТИНОВА Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: julija0404@yandex.ru, AuthorID: 840689

USTINOVA Y.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russian Federation, Bryansk), e-mail: julija0404@yandex.ru, AuthorID: 840689

ЦЕНЗУРА КАК ИНДИКАТОР ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ И ПРАКТИК В 1914–1917 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ)

CENSORSHIP AS AN INDICATOR OF SOCIO-POLITICAL ATTITUDES AND PRACTICES IN 1914-1917 (THROUGH EXAMPLE OF THE GERMAN EMPIRE)

Аннотация. Цель статьи – охарактеризовать феномен понятия «цензура» как индикатор общественно-политических настроений и практик в 1914–1917 гг. в Германской империи. В этот период возросла роль информации, методом осуществления контроля над которой стало возобновление цензуры, отменённой в 1870-х гг. Но изменились условия реализации закона. Имперская власть не имела опыта организации и проведения информационной работы в военное время. Работа цензурных ведомств существенно изменила содержание новостных сводок и внешний вид номеров газет. Отныне сообщения о событиях с фронта печатались строго в патриотическом духе; практиковалось преднамеренное замалчивание реальных событий; частой была печать откровенно ложных сведений; чтобы избежать тревожности населения большие объёмы материала вырезали из уже готового номера, так появлялись «цензурные дыры» или «белые пятна». Главной характеристикой новостей стало их однообразие. В таком фоне стал раскручиваться маховик слухов и домыслов, что постепенно создавало напряжение в обществе, приводило к его поляризации. Несогласованность действий в высших политических и военных кругах, отсутствие политического единства в парламенте приводило к ужесточению действовавшего режима как возможности выхода из сложившегося положения. Все эти процессы сопровождались появлением беспокойных, даже реакционных, настроений населения, усилением недоверия немцев к кайзеру и власти в целом, ухудшением социально-экономической обстановки в стране. Кульминационный период пришелся на рубеж 1916–1917 гг. Разрешением ситуации стала ноябрьская революция 1918 года.

Статья написана при поддержке Российского научного фонда.

(Проект № 22-28-00900 «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»).

Ключевые слова: цензура, информация, военные цели, доверие к власти, Первая мировая война, Германская империя.

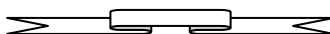
Abstract. The purpose of the article is to characterize the phenomenon of the concept of «censorship» as an indicator of socio-political attitudes and practices in 1914-1917 in the German Empire.

During this period, the role of information increased, the method of exercising control over which was the resumption of censorship, abolished in the 1870s. It stressed that the conditions for the implementation of the law are changed. The imperial government had no experience in organizing and conducting information work in wartime. The work of censorship agencies has significantly changed the content of news reports and the appearance of newspaper issues. From now on, reports on events from the front were printed strictly in a patriotic spirit; deliberate silencing of real events was practiced; printing of frankly false information was frequent; in order to avoid the anxiety of the population, large volumes of material were cut out of the already finished issue, so «censorship holes» or «white spots» appeared. The main characteristic of the news was their monotony. Against this background, the flywheel of rumors and speculation began to unwind, which gradually created tension in society, leading to its polarization. The inconsistency of actions in the highest political and military circles, the lack of political unity in parliament led to the tightening of the current regime as a way out of the current situation. All these processes were accompanied by the emergence of restless, even reactionary, moods of the population, the strengthening of German distrust of the Kaiser and the authorities in general, the deterioration of the socio-economic situation in the country. The culminating period occurred at the turn of 1916-1917. The resolution of the situation was the November revolution of 1918.

The article is written with the Russian Science Foundation's support.

(Project No. 22-28-00900 «The Russian periodical press and censorship in the theater of military operations as indicators of socio-political sentiments and practices (1914-1917)»).

Keywords: censorship, information, military objectives, trust in the government, First World War, German Empire.

ВВЕДЕНИЕ

Периодическая печать в годы Первой мировой войны в Германии была признана четвертым оружием, которая, как армия на земле, в воде и воздухе, ковала победу. В рассматриваемый период именно печатные издания стали самым массовым источником и ретранслятором новостных сводок. Они стали посредником между армией и тылом.

Военное время требовало пересмотра отношения ко многим вопросам, в том числе и к информации. Главным регулятором работы прессы, обеспечивающим полный контроль за её функционированием, выступила власть посредством специально созданной разветвленной структуры ведомств. Нормативно-правовое регулирование данного процесса осуществлялось на основе распоряжения о введении цензуры прессы. Цензура прессы действовала в Германии до середины 70-х годов XIX века, затем была отменена. Возвращение к цензуре в 1914 году было продиктовано новыми обстоятельствами и произошло в совершенно иных для страны и для власти условиях. Германское правительство не имело опыта ведения информационной войны: отсутствовала документальная база о работе цензурных органов и их взаимодействии с местными изданиями, не была налажена информационная работа между армией и населением, не были разработаны меры в случае нарушения цензурных положений, отсутствовала документация об информационном взаимодействии с соответствующими службами союзников и др. Парламент Германии тем более не мог предположить возможную реакцию на представляемую информацию со стороны не только стран-союзников или врагов, но и местного населения: политической элиты и реакционных кругов, простого обывателя и сотрудников печатных изданий. Предстояла большая работа, которая требовала времени и грамотных специалистов. В начале войны правительство придерживалось положений, действовавших почти 40 лет назад без поправки на текущую ситуацию.

Цензурные органы первоначально были созданы в столице и крупных городах, постепенно их отделы появлялись в регионах. Одна из поставленных перед ними первоочередных задач – не допустить появления в печати материалов о ходе мобилизации, действиях войск, военных буднях солдат, условиях жизни в тылу под влиянием военных событий (нехватка продуктов питания, отсутствие транспорта, повышение цен на услуги и товары и др.) и т. д. Если в первые месяцы войны цензура была направлена исключительно на патриотическое освещение хода военной кампании, то вскоре эта задача распространилась и на политические вопросы и тем самым приобрела военно-стратегическое значение. Главный принцип публикации всех новостей и докладов – пресса не должна транслировать свою точку зрения на военные дела и процессы, происходившие в империи, союзных государствах и армиях [1, S. 15]. Военная цензура в Германии уже с самого начала боевых действий вынуждена была подключиться к активному противодействию распространению в периодической печати настроений, которые свидетельствовали об отсутствии твердой поддержки населением ведущейся войны.

Если столичные издания вынуждены были сразу перейти на новые инструкции по размещению информации, то провинциальные газеты, ввиду удаления от власти, некоторое время работали «по старинке», выпуская в печать весь подготовленный материал без учета идеологической составляющей. Например, в Германии, кроме Баварии, так называемые цензурные пробелы были строго запрещены, ибо населению не следовало знать, что информация была подвергнута цензуре [2, S. 49]. То есть взаимодействие между цензурными ведомствами было недостаточно налажено. Чтобы продолжать работу, печатные издания вынуждены были либо подчиняться цензурным требованиям и, таким образом, постепенно терять своего читателя, либо регулярно вступать в профилактические беседы с полицией, оплачивать штрафы и так долго, как возможно, сообщать

реальные новости, расширяя свою аудиторию. Отметим, что спрос на правдивую информацию только увеличивался. Государственные структуры с нарастающей силой вмешивались в работу прессы, и тем самым контроль за информацией становился всё жестче. Антивоенные газеты пытались финансово задуть либо взять их журналистов под стражу [2, S. 52].

Для центральной власти ведущей задачей было создание и поддержание патриотического духа среди населения, вера в победу германской армии. Германское военное командование пребывало в полной уверенности в скорой победе. Подобные настроения транслировались через сообщения немецких газет в первые месяцы войны, каждый номер начинался с информации о скором успехе немецких войск. Германское правительство старалось поддерживать патриотический дух граждан, веру в победу, аргументируя необходимость ведения и продолжения войны до победного конца. Но совсем скоро реальная ситуация на фронте перестала соответствовать желаемой. Тогда стали появляться «заготовленные» новости, которые сообщались журналистам на специальных конференциях. Наиболее наблюдательные читатели вскоре стали замечать несоответствие информации в материалах разных изданий.

В начале сентября 1914 года «Berliner Lokal Zeitung» в триумфальной манере сообщала о победе над русской армией при Танненберге в Восточной Пруссии, что, несомненно, задавало тон всему ходу событий. Однако уже в сообщениях о битве на р. Марна 8–11 сентября 1914 года во Франции непреднамеренно стали известны факты несоответствия или расхождения между информацией в прессе и реальными событиями. Так, «Vossische Zeitung» от 10 сентября 1914 года сообщала об успехе немецких войск на р. Марна, хотя войска кайзера потерпели сокрушительное поражение, которое отодвинуло на далекую перспективу победу над Францией [3]. Расхождение фактических данных и газетной отчетности постепенно становилось характерным признаком повсе-

дневной жизни.

Кроме того, огромное количество созданных цензурных ведомств разного уровня часто не успевали согласовывать свои действия до появления информации в печати. Курьёзной стала ситуация, когда в июле 1916 года высшая комиссия по цензуре распорядилась оставлять оригинальный текст официальных военных отчетов врага и союзников, а именно без подчеркиваний, изменений и специальных заголовков. Так, в одной региональной газете была напечатана статья из иностранной прессы. Публикация соответствовала всем требованиям инструкции. Но когда статью прочли в высшем военном ведомстве, где военные доклады союзников всё чаще ссылались на «истощение немецкой военной мощи», было слишком поздно отдавать приказ о запрете выпуска [1, S. 19].

Становившиеся всё более частыми подобные конфузные ситуации создавали панику у населения, постепенно формировалось недоверие к кайзеру и власти в целом. В стране из-за отсутствия истинной либо наличия лживой информации возникала ситуация хаоса: чего ожидать, кому верить? Все события, факты, которые могли тревожить население, вызывать антивоенные или реакционные настроения, смягчались, подвергались профилактической цензуре. С течением времени была введена в практику самоцензура. Любые сомнения в победе германской армии полностью подавлялись. Самыми рискованными для публикации были следующие темы [2, S. 59–61]:

- 1) критика армии и несанкционированные новости о военных неудачах, мятежах, военных преступлениях;

- 2) информация о количестве жертв на фронте, жертв эпидемий;

- 3) несанкционированные письма солдат, так как только в 1916 году был отменен контроль полевой почты;

- 4) информация о шпионаже;

- 5) пацифистские публикации.

Контролю подлежала и информация, содержащаяся в рекламных сообщениях. Так, одна из газет была обвинена в рекламе с

откровенным заголовком «Разыскиваются толстые собаки» [2, S. 63]. Интересный факт, что наличие ограничений провоцировало появление еще большего количества публикаций, их было в изобилии.

Сами сотрудники печатного дела понимали значение введения цензуры как фактора контроля и политического спокойствия власти, признавали осуществляемую патриотическую миссию, но также и все негативные явления, сказывавшиеся на развитии печатного дела, что неоднократно обсуждалось ими на заседаниях отраслевых организаций [4].

На политической арене инициаторами отмены цензуры выступали партии левого толка – социал-демократы и часть прогрессистов, так как сложившаяся ситуация непосредственно сказывалась на работе их партийных печатных изданий. По словам главы объединенного немецкого Генерального штаба «пресса, которая не служит целям ведения войны – это вредное явление», она должна постоянно подтверждать свою высокую патриотическую ценность. Социал-демократы, транслируя свои интересы через публицистику и прессу, ссылались на утверждение, что чем мощнее публицистика, тем мощнее авторитет государства; чем мощнее государство, тем авторитетнее пресса [5].

Чтобы избежать обсуждения вопроса на парламентских заседаниях, представители проправительственных партий – консерваторы и национал-либералы – предпочитали переводить дебаты на область внешней политики, лишь косвенно касаясь вопроса о цензуре. Такое развитие событий не устраивало социалистов, и в своих выступлениях они настойчиво пытались вернуть внимание коллег к интересующей их теме, бросая обвинения в сторону буржуазных партий в отсутствии чувства патриотической заботы [5]. Цензура сильно искажала факты действительности, что вводило народ Германии в чудовищное заблуждение, именно в этом левые видели наибольший вред от ее применения. «Депутаты ошибаются относительно настроений германского народа. После

войны будет большое всеобщее разочарование и отвращение к оружию», – заключали они [6].

Несоответствовавшие реалиям новости стали пусковым механизмом в маховике негативных событий, которые получили развитие в дальнейшем. Получив импульс, далее все события и процессы нарастали как снежный ком. Отметим, что многие вызывавшие отрицательную реакцию со стороны общественности темы стали открыто обсуждаться только в 1916–1917 гг. Именно на это время пришлось аккумулятивное всех негативных тенденций в стране. Одной из таких стал злободневный вопрос нехватки продовольствия.

Затянувшаяся война требовала новых людских ресурсов и всё больших финансовых вливаний. Это обстоятельство печально сказывалось на социально-экономической ситуации в стране. Особенно остро вопрос нехватки продуктов питания возник на рубеже 1916–1917 гг. Только в ноябре 1916 года было выпущено четыре инструкции для прессы, где журналистам было предложено избегать сенсационных новостей о высоких ценах на продовольствие, сообщений о нападении на торговцев и владельцев магазинов и даже в шуточной форме запрещалось уведомлять о нехватке продовольствия [2, S. 63]. Как бы ни старалось правительство разрешить вопрос, от многообещающих речей на страницах газет продукты питания на магазинных лавках не появлялись.

В 1917 году информацию о проблемах с обеспеченностью продуктами, участившиеся конфликты между городским и сельским населением разрешили публиковать только в региональных газетах с оговоркой о запрете критики общей ситуации с поставками [2, S. 63]. Также имела место и несогласованная работа ведомств по данному вопросу, что не ускоряло решение проблемы, а создавало еще большее социальное напряжение. Так, управление по снабжению продовольствием выступало за открытое обсуждение проблем с поставками, тогда как управление иностранных дел хотело утаить эту новость,

чтобы избежать огласки за рубежом, что якобы правительство Германии не может накормить собственный народ [2, S. 40]. К тому же в рейхстаге неоднократно поднимался вопрос о ростовщичестве продуктами питания, обсуждение которого уже несколько недель было запрещено в прессе [7].

Вскоре после введения цензуры вся военная и гражданская власть была передана военным командирам. То есть они становились еще и политическим фактором власти, подотчетным только императору в качестве Верховного главнокомандующего. Вся власть оказалась сконцентрированной в руках военных. Изначально перед военными и политическим руководством стояли разные задачи. Генеральный штаб делал ставку на мобилизацию всего общества на тотальную войну до всеобъемлющей победы. Его не очень интересовали настроения и проблемы тыла, главной заботой была ситуация на фронте. Политические власти были ориентированы на решение будничных, повседневных проблем немцев – вопросов обеспечения продовольствием, предоставления образования, ухода за нуждающимися, обеспечения различного рода услуг коммунального хозяйства и транспорта.

Постепенно в рейхстаге всё чаще стал звучать вопрос о конституционной компетентности решений, принимаемых военным командованием относительно военных задач, так как недовольство отсутствием побед нарастало. Военные командиры также не понимали губительность своих распоряжений в политической сфере, например о закрытии кинематографических театров. Депутаты неоднократно обращали внимание на то, что нужно избегать жестокости, чтобы не спровоцировать крупные возмущения в регионах [7]. Несовпадение новостей в разных изданиях приводило к появлению домыслов и догадок. Всеобщая подозрительность и недоверие отражались и на авторитете правительства и кайзера, который стал стремительно снижаться. Уже весной 1916 года представитель высшего военного ведомства сообщил главе военной пресс-службы, что пресса и парла-

мент активно обсуждают возможность выведения цензуры по политическим делам из-под контроля военного ведомства и передачу гражданскому ведомству под ответственность имперского канцлера [1, S. 17]. В данной ситуации потеря власти военным руководством была использована политической элитой для усиления собственной позиции внутри страны. Однако и военные свои неудачи ловко списали на промахи политического руководства. С этим связывали ведение войны под водой, когда канцлер пытался объяснить общественности, что нападение на торговые суда без предупреждения поможет достичь успеха в войне; а также вступление в войну США, что могло поднять волну озабоченности населения относительно ожидаемой американской помощи вооружением. Уже с весны 1916 года сторонники консерваторов и Всегерманского союза публично стали делать заявления против работы канцлера Бетман-Гольвега [1, S. 16]. Уход Т. фон Бетман-Гольвега с должности стал закономерностью общего развития, которая началась уже с 1915 года. Напомним, что в рейхстаге критика цензурной политики была неизменно острой, и новый канцлер в своем послании от 29 ноября 1917 года обещал уделить особое внимание вопросу устранения политической и ограничения военной цензуры.

Цензура показала свою несостоятельность, так как оказалась очень чувствительна к несогласованности действий между политическим и военным руководством и эгоизму отдельных ведомств. Когда первый глава прессы при рейхсканцлере Магнус фон Браун поздним летом 1917 года приступил к своей деятельности с целью смягчения цензуры, было уже слишком поздно. На повестку дня выходил нестандартный для Германии вопрос о доверии правительству. В обществе «Немецкая пресса Богемии» отмечали, что народ больше верит материалам газет, чем канцлеру и кайзеру. «Человек представляет себе мир, как он изображен в газетах. В этом сила и мощь прессы. Эта сила основана на вере и доверии народу. Газета, попадая в

руки читателя, становится как целительный фунт. Инструкции ведомства... это путь к уравниловке газет и урегулированию общественного мнения» [4]. Германское правительство могло подвергнуть сомнению саму войну или существующую социальную модель общества, но никак не политическую, что подрывало бы сами основы государства, поэтому и создало такую разветвленную сеть цензурных ведомств и организовало жесткий контроль за «чистой» информацией.

Каждая страна разработала свои ограничения в вопросе информирования населения. Для Германии принципиальное значение имели новости о депортациях с оккупированных территорий, любого содержания статьи о кайзере, информация о зверствах турецкого народа, обсуждение целей ведения войны.

Вопрос о целях ведения войны был закрыт для обсуждения в широких кругах и относился к компетенции особых заседаний правительства при кайзере. Однако косвенно и аккуратно этой теме касались и депутаты парламента. В первые годы войны опорой политики кайзера и канцлера являлись консервативные и национал-либеральные силы. Часть прогрессистов и социал-демократы составили противоположный лагерь. Социал-демократы часто поднимали на заседаниях неудобные вопросы, такие как об отмене цензуры, о доверии власти, о заключении гражданского мира, о переориентации внутренней политики и др. Например, левые хотели получить аргументированный ответ на вопрос относительно плана нападения на Бельгию в августе – октябре 1914 года, так как с официальной трибуны война провозглашалась оборонительной. В указанном случае война становилась наступательной, что вызывало возмущение левого крыла. Несмотря на то что данная тема никогда не стояла на повестке дня в парламенте, социал-демократы старательно пытались в рамках основного доклада получить ответы на свои вопросы. Тема обсуждения целей войны была настолько злободневной, что привела к расколу во фракции – К. Либкнехт со сторонниками отделился от партии.

На рубеже 1914–1915 гг. избежать и остановить обсуждение тем о внешних военных целях и внутренней «переориентации» было невозможно, когда влиятельные заинтересованные стороны потребовали завоеваний, выходящих далеко за рамки достаточной обороны страны. За исключением меньшинства социал-демократов, все политические фракции выступали за наступательные военные цели. Программа более умеренных сил исходила из заключения мира после победы и была направлена на гегемонию Германии на континенте [3].

Социалисты выступали против политики двойных стандартов, хотели общественного обсуждения военных целей в полной мере, а не ограниченно, хотели мира без аннексий [7]. Буржуазные партии поддерживали аннексию. Они требовали продолжения войны и аннексии. В сторону социалистов постоянно шли обвинения, что их «подрывные» речи направлены против интересов отечества, а подобного рода заявления и рассуждения о целях войны могут только расшатать мораль народа. «Мы нуждаемся в святости и сплоченности. Все могут объединиться и тем самым поспособствовать делу победы нашего народа», – заключил госсекретарь – представитель правого блока – на одном из заседаний парламента [7].

Злободневным был и вопрос о заключении гражданского мира внутри страны. В конце 1916 года отдел новостей Генерального штаба войск попытался дать определение гражданского мира, что предполагало собой «стремление сохранить дух сплоченности и преданности ради великих целей» [8]. Для его достижения нужно было всем общественным и политическим силам прийти к консенсусу относительно наиболее злободневных тем. Социалисты отмечали, что проводимая в прошлом политика уже не применима для решения вопросов текущего момента. Сейчас, в военное время, необходимо единение сил: только выполнение этого условия сможет гарантировать победу нашей армии. Как выступающих против цензуры, их, конечно, омрачало частое появление «белых

пятен» на страницах газет. В противоположном случае эти «дыры» изменили бы общее впечатление, так как там могло быть сообщение об успехе германских войск, что послужило бы толчком к еще большему оптимизму. Цензура в нынешнем ее применении становилась неприемлемой. Ее введение левые называли ошибкой, которая «с каждым может приключиться», главное – её признать и исправить [8].

Так как в рейхстаге не было единства мнений ни по одному из актуальных вопросов, социалисты заявляли, что гражданский мир невозможен. «Мнение одного свободно для выражения, а любое другое – подавляется» [7]. В качестве примера приводили критику социалистической прессы цензурными органами. Типографиям было разрешено отдавать номера в печать только в случае соблюдения «госзаказа» на публикации. Так как социал-демократы вели не самые патристические беседы по ряду тем, соблюдать требования цензурных органов было затруднительно. Таким образом, чтобы достичь гражданского мира, нужно любыми способами запретить всё нежелательное, так как нельзя подрывать доверие народа к правительству. Если рассматривать вопрос на примере прессы, то только та пресса была разрешена, которая отражала доверие народа к правительству [7]. Все споры в рейхстаге завершались под девизом «Единство, а не разделение», особенно когда не удавалось договориться. Этот аргумент был как патристическое оружие против «мешающих миру» социал-демократов. Последние в ответ парировали, что «картина безмятежной германской общественности очень дорого обойдется политикам» [9].

Рассматриваемые вопросы параллельно поднимали и тему переориентации внутренней политики Германии. Когда факты всё больше подтверждали, что немецкой армии не удастся одержать победу, в рейхстаге стали звучать фразы касательно необходимости проведения внутренних реформ. Консервативно-националистические силы на политическом уровне интерпретировали мир

как подтверждение существующего порядка и идеальную форму государственного устройства. В более умеренном лагере правительственных и буржуазных сил понимали, что военно-политическое и патристическое участие всех партий и групп населения если не во время войны, то после ее победоносного окончания должно быть удостоено реформ [3]. Консервативные силы были на стороне военных. Вторые ратовали за разделение компетенций военной и политической сфер и призывали больше внимания уделить внутривполитической жизни страны.

Усугубила текущую ситуацию в Германии разразившаяся в России в феврале 1917 года революция.

В феврале 1917 года от верховного командования типографиям было направлено относительно иностранных новостей 1000 предупреждений. 4 апреля 1917 года в здании рейхстага была организована тайная конференция по цензуре. Важно заметить, что происходящие в России процессы часто обсуждались на предмет «примера для немецких обстоятельств». В мае 1917 года в канцелярии уже шла речь об одичании прессы, так как всё больше типографий стали отходить от цензурных требований. В июне 1917 года «Frankfurter Zeitung» отказалась от трансляции «навязанного мнения», что означало переписывание предварительной цензуры и рассматривалось как последнее средство против непокорных газет [1, S. 19].

В середине августа 1918 года газеты констатировали «низкий уровень настроения германского народа». «Среди важных причин снижения всеобщего оптимизма глава военной пресс-службы... привел обстоятельство, что отдел по внешним делам высшего военного руководства... возлагал на западное наступление большие надежды, за чем последовало такое теперь естественное разочарование» [1, S. 19]. Формируемое прессой под давлением цензуры ошибочное общественное мнение и ситуация на фронте и в тылу привели к появлению слухов и домыслов, на основании которых уже в начале октября 1918 года пошла речь об окончатель-

ном провале немецкого фронта.

Итогом контроля за информацией стало то, что осенью 1918 года большинство немцев на родине были ошеломлены военным поражением Германии. Эта новость вызвала у них шоковое состояние, что сравнимо с «легендой об ударе кинжалом» [10, S. 26]. Чтобы отвести от себя подозрение, правительство обвинило левые партии, организации и евреев, которые якобы ударили в спину. Разразившаяся в ноябре 1918 года революция завершила действовавшую систему и привела к установлению нового режима в Германской империи – парламентской демократии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, введение цензуры в Германской империи в годы Первой мировой войны не только сказалось на развитии печатного дела, но и повлияло на дальнейшую историю страны в целом. Пресса была важным инструментом информирования и одновременно заигрывания, с одной стороны, с властью, с другой – с населением. Цензура выступила инструментом пропагандистской и информационной фальсификации, предоставлявшим общественности сильно отличающуюся от реальности картину мира. Со временем масштаб искажения увеличивался и резонировал на все области жизни немцев: политику, культуру, экономику, быт, образование и т. д. Апогеем данного процесса стала ноябрьская революция 1918 года, которая окончательно изменила картину мира немцев, оставив прежние идеалы, такие как непоколебимая вера кайзеру и правительству, в прошлом.

Библиография / References:

1. Koszyk K. Deutsche Presse 1914-1945:

Geschichte der deutschen Presse. Teil III. – Berlin: Colloquium Verlag, 1972. – 587s. (in Deutsch).

2. Demm E. Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History. – London: Bloomsbury Academic, 2019. – 349p. (in Deutsch).

3. Wilke J. Zensur und Pressefreiheit // Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte (IEG). Mainz. – 2013. – 18 April. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ieg-ego.eu/de/threads/europaeische-medien/zensur-und-pressefreiheit-in-europa> (дата обращения: 15.08.22). (in Deutsch).

4. Neue Freie Presse. – 1916. – №18731. – 13. Oktober. (in Deutsch).

5. Deutsche Tageszeitung. – 1916. – № 277. – 31 August. (in Deutsch).

6. Deutsche Tageszeitung. – 1916. – №278. – 31 August. (in Deutsch).

7. Vorwärts. – 1916. – 31Mai. (in Deutsch).

8. Neue Freie Presse. – 1916. – №18743. – 25. Oktober. (in Deutsch).

9. Deutsche Tageszeitung. – 1916. – №311. – 20 Februar. (in Deutsch).

10. Der erste Weltkrieg 1914-1918. Begleit- heft zur Dauerausstellung. Berlin. 2013, 61s. (in Deutsch).

УДК 37.035.6/7:329.78"194/195"

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-111-119

ОРЛОВА Людмила Николаевна, кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-культурной деятельности, Орловский государственный институт культуры (Россия, Орёл), e-mail: orlova.iz.orka@gmail.com, AuthorID: 948230

ORLOVA L.N., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Cultural Activities, Oryol State Institute of Culture (Russian Federation, Orel), e-mail: orlova.iz.orka@gmail.com, AuthorID: 948230

МАРТЫНОВА Мария Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Орловский государственный институт культуры (Россия, Орёл), e-mail: skdkaf@ogik.ru, AuthorID: 732578

MARTYNOVA M.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities, Oryol State Institute of Culture (Russian Federation, Orel), e-mail: skdkaf@ogik.ru, AuthorID: 732578

ОСОБЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ ВОЕННО-ФИЗКУЛЬТУРНОЙ И ПАТРИОТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В 40–50-Е ГОДЫ XX ВЕКА

FEATURES AND PRIORITIES OF MILITARY PHYSICAL AND PATRIOTIC WORK IN THE PIONEER ORGANIZATION IN THE 40-50S OF THE XX CENTURY: REGIONAL ASPECT

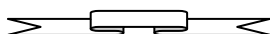
Аннотация. Цель статьи – заключается в анализе региональных особенностей военно-физкультурной и патриотической работы в пионерской организации в 40-50-е годы XX века. В статье рассматриваются особенности и приоритеты военно-физкультурной и патриотической работы в пионерской организации, основанные на анализе материалов съездов ВЛКСМ, Пленумов, заседаний Бюро, Секретариата ЦК ВЛКСМ, Центрального Совета пионерской организации имени В.И. Ленина по решению указанных задач. На примере Орловской области авторами рассматриваются основные направления данной работы, среди которых военные игры, экскурсии; осенние, зимние, весенние и летние массовые военно-спортивные соревнования; торжественные шествия пионеров к мемориалам славы; работа краеведческих кружков.

Ключевые слова: пионерская организация, военно-физкультурная работа, патриотическая работа, спортивные соревнования, походы, военные игры, работа краеведческих кружков.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the regional features of military physical education and patriotic work in a pioneer organization in the 40-50s of the 20th century.

The article discusses the features and priorities of military physical education and patriotic work in a pioneer organization, based on the analysis of the materials of the Congresses of the Komsomol, Plenums, meetings of the Bureau, the Secretariat of the Central Committee of the Komsomol, the Central Council of the Pioneer Organization named after V.I. Lenin to solve these problems. On the example of Oryol region, the authors consider the main areas of this work, including war games, excursions; autumn, winter, spring and summer mass military sports competitions; solemn processions of pioneers to memorials of glory; work of local history circles.

Keywords: pioneer organization, military sports work, patriotic work, sports competitions, campaigns, military games, work of local history circles.

ВВЕДЕНИЕ

Основы оборонно-массовой работы в пионерской организации нашей страны были заложены ещё в конце 20-х годов прошлого века. Как говорилось в резолюции V Всесоюзной конференции ВЛКСМ, проходившей в марте 1927 года, пионерскую работу необходимо использовать для проведения военной пропаганды среди пионеров и детей (непродолжительные походы, военно-спортивные игры, стрелковый спорт, занятия по топографии, первой помощи) [3]. К началу сороковых годов система фактически была сформирована и включала в себя сдачу норм на значки «Юный ворошиловский стрелок», «Будь готов к труду и обороне!», «Будь готов к санитарной обороне!», ПВХО. Кроме того, под началом воинских частей были организованы кружки оборонного дела, проводились военно-спортивные соревнования. Всё это обеспечивалось мощной идеологической пропагандой. Данная работа явилась залогом победы в Великой Отечественной войне.

23 июня 1941 года выходит Постановление ЦК ВЛКСМ «О мероприятиях по военной работе в комсомоле», в котором говорилось о необходимости обучения и подготовки ворошиловских стрелков, радистов, планистов, снайперов, медсестер, сандружинниц... [16, С. 11–13]. Тысячи подростков овладевали этими навыками и шли на фронт.

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В марте 1944 года состоялся Пленум ЦК ВЛКСМ «О мерах по улучшению работы комсомола в школе», который обязал комсомольские организации активно помогать директорам школ и военным руководителям в деле военно-физического воспитания учащихся, в частности чаще проводить экскурсии; осенние, зимние, весенние и летние массовые военно-спортивные соревнования. Кроме того, рекомендовалось в 1944 году в каждой средней школе оборудовать военные

кабинеты, спортивные площадки, а в областных центрах – детские стадионы [20, С. 27].

Несмотря на тяжелое время, по всей стране были организованы кружки по изучению истории Красной армии, формированию мировоззрения детей и молодежи. На III Пленуме Орловского ОК ВЛКСМ (1945 год) в выступлении секретаря Тельченского РК ВЛКСМ тов. Ачкасова прозвучало, что «в районе было организовано 35 кружков, где изучают историю и книгу И. В. Сталина о Великой Отечественной войне» [5].

28 февраля 1945 года решением бюро Орловского ОК ВЛКСМ райкомы ВЛКСМ были обязаны в основу воспитательной работы положить изучение истории, знакомить с достижениями науки и техники, великими полководцами страны, учеными, писателями [6].

В послевоенные годы Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина вступила в новую фазу своего развития. Бюро ЦК ВЛКСМ в своем Постановлении от 13 марта 1947 года «Об улучшении работы пионерской организации» одним из важнейших направлений её деятельности выделило политико-воспитательное, включавшее в себя и военно-физкультурную работу, способствующую расширению влияния пионерской организации, здоровому и увлекательному досугу пионеров и школьников, улучшению военной и спортивно-массовой деятельности. В частности, считалось необходимым в звеньях, отрядах, дружинах устраивать экскурсии и походы по изучению родных мест, проводить популярные беседы о социалистической Родине. Для поощрения лучших подростков были введены пионерские нагрудные значки «Юный турист», «Юный натуралист».

Это постановление ответило на многие вопросы пионерской работы в послевоенные годы, сыграло большую роль в оживлении военно-физкультурной и патриотической работы, обогатило содержание работы, способствовало расширению знаний в области

истории, географии, естествознания, литературы.

Повсеместно были организованы путешествия по родному краю, в рамках которых пионеры и школьники посещали места боев Великой Отечественной войны, знакомились с прошлым родных мест, а затем создавали краеведческие музеи и уголки по итогам походов в своих школах.

Как отмечал первый секретарь Орловского ОК ВЛКСМ Дячук в своих выступлениях на активах и совещаниях в 1947 году, стремление пионеров изучать свой край огромно: пионеры Кромского, Свердловского, Мценского районов, г. Орла, Ельца с большим желанием совершали небольшие и увлекательные походы и экскурсии; группа пионеров г. Орла совершила поездку в усадьбу Тургенева, по местам боев генерала Горбатова [7].

В докладной записке Мценского РК ВЛКСМ Орловской области «О работе учащихся в период летних каникул 1947 года» было отмечено, что Дом пионеров города Мценска провел три военные игры с пионерами [8].

28 июня 1947 года Орловским ОК ВЛКСМ был рассмотрен вопрос «О постановке воспитательной работы в Кромском специальном детском доме». Постановлением было отмечено, что в летний период в детском доме были организованы отряды путешественников по родному краю, разработаны точные маршруты движения этих отрядов, начата предварительная подготовка (изучение азбуки Морзе, знаков следопыта, приготовление необходимого дорожного снаряжения и пр.), с пионерами проводились физкультурные соревнования, спортивные игры, были созданы волейбольные команды [9].

В продолжение темы военно-физкультурной и патриотической работы выходит Постановление ЦК ВЛКСМ (24 января 1948 года) «О проведении путешествий пионеров и школьников по родному краю в 1948 году», в котором говорилось, что данное движение стало массовым (в 1947 году участвовало в походах более трех

миллионов человек); отряды пионеров и школьников во время путешествий прошли по следам боев Советской армии и партизан в годы Великой Отечественной войны; знакомились с прошлым родных мест и планами своих районов на будущее... Следовательно, отмечалось, что необходим новый размах в организации путешествий пионеров по родному краю, для чего должна складываться система обеспечения данных походов: привлечение специалистов-краеведов, разработка маршрутов, организация постоянных консультаций и выставок о путешествиях школьников по родному краю, изготовление силами самих детей простейшего походного снаряжения и инвентаря, создание стационарных туристических баз по маршрутам походов, выпуск литературы в помощь юным путешественникам... [4, С. 161–162].

В рамках данного постановления орловский Дом пионеров летом 1951 года развернул экскурсионно-туристическую деятельность в целях познания детьми родного края, воспитания любви к своей социалистической Родине, обогащения новыми представлениями и навыками [10]. Всё это организовывалось в различных формах: в туристических походах, прогулках на природу, экскурсиях в музеи и на выставки. В частности, в рамках похода Орёл – Новосиль – Мценск – Орёл изучались места боев главного прорыва войск в ходе Курской битвы; в рамках похода Льгов – Ягодное – Орёл – Ягодное – Льгов – Болхов – Орёл производилась тренировка пешего похода в условиях лесной местности; при осуществлении путешествия Орёл – Муравлево – Орёл основой являлся показ архитектурных и исторических памятников вдоль реки Цон [10].

В докладной записке Орловскому ОК ВЛКСМ Кромского РК ВЛКСМ (1951 год) отмечалось, что интересными были сборы у пионеров Черкасской семилетней и Кривчиковской средней школ, на которых они делились впечатлениями о пятидневной экскурсии в Орёл и Спасское-Лутовиново [11].

К IV Орловскому городскому слёту юных пионеров, состоявшемуся в сентябре

1951 года и собравшему около 600 делегатов от пионерских дружин школ города, велась огромная предварительная работа. Газета «Орловский комсомолец» от 14 сентября 1951 года писала, что, например, в школе № 30 города Орла прошли отчетно-выборные сборы, ребята разучивали «Гимн демократической молодежи мира», «Песню советских пионеров», готовились читать стихотворения. В школе № 4 города Орла пионеры сделали выставку итогов лучших работ пионерского лагеря. На ней были представлены фотографии и записи наблюдений юннатов на пришкольном участке, альбомы «Москва – столица нашей Родины», «Ленинград» и другие [17].

IV городской слёт юных пионеров Орла стал важным событием в жизни орловской пионерии. Он явился серьезным стимулом в деятельности пионерских дружин школ города, направленным на формирование у детей потребности совершать полезные дела для своего родного края.

XI съезд ВЛКСМ, состоявшийся в 1949 году, в резолюции «О работе комсомола в школе» отметил, что физическая культура является важным средством укрепления здоровья подрастающего поколения, подготовки его к труду и защите социалистической Родины. [20, С. 86].

В этой же резолюции говорилось, что работа пионерской организации должна быть направлена на воспитание детей в духе советского патриотизма, чему должно было послужить улучшение работы внешкольных учреждений, совершенствование форм и методов воспитательной работы, которые помогут формированию активной жизненной позиции, настойчивости, стремлению активно изменять свою страну к лучшему [20, С. 87].

После съезда начали развиваться различные виды детского спорта, в том числе легкая атлетика, гимнастика, конькобежный, лыжный, водный, стрелковый спорт, туризм, волейбол, баскетбол, теннис. В школах создавались спортивные секции. Однако на

местах недостаточно уделяли внимания данному направлению работы.

Для того чтобы пионерская организация активно включилась в работу по решению указанных задач, журнал «Вожатый» в одном из своих номеров дал рекомендации по организации военно-физкультурной работы в дружине, куда входило два направления:

1. Занятия простейшим материалом: зарядка, подготовительные упражнения типа заданий, прикладные физические упражнения (ходьба, бег, прыжки, метания, лыжи и др.), упражнения разведчика (упражнения в наблюдательности, следопытстве и ориентировании на местности, навыки походной жизни, сведения, необходимые физкультурнику-туристу, первая помощь), игры. Формы и методы, составлявшие основу данного направления, являлись, по сути, спортивными, проводились обычно в соревновательной форме, что особенно привлекало детей и подростков [1, С. 14].

2. Подготовка по некоторым специальностям. Овладение менее трудными специальностями давало возможность каждому пионеру-новичку самостоятельно или под руководством вожатого совершенствоваться в том или ином особенно заинтересовавшем его виде простейшего материала. Примеры элементарных специальностей – «скоростной», «метатель», «лыжник», «следопыт», «сигналист», «наблюдатель» и др.

Более сложными являлись специальности второй группы, требующие уже довольно продолжительной, настойчивой и систематической тренировки и занятий под руководством специалистов.

Специальности второй группы имели ярко выраженный спортивный, туристический или военно-прикладной характер. Каждая из них вытекала из нескольких родственных по темам элементарных специальностей. Овладение ими обычно соответствовало тому возрасту, когда у пионеров уже довольно четко проявлялись определенные интересы к определенному виду спорта, военного дела или к туризму. Примеры специально-

стей – «гимнаст», «легкоатлет», «турист», «связист» и т. д.

По достижении 13 лет каждый пионер мог приступить к подготовке и сдаче испытаний на звание пионера-инструктора по военно-физкультурной работе. Материал для испытания на это звание относили к третьему разделу военно-физкультурной работы. В программу испытаний входили следующие виды: лыжи (для бесснежных районов – ходьба), плавание (в безводных районах исключалось), полоса препятствий, зимний (или летний) поход, спортивные виды (два вида, один из которых – спортивная игра), помощь в судействе спортивных соревнований [1, С. 15].

В октябре 1951 года состоялся VII Пленум ЦК ВЛКСМ, основным вопросом которого стал «О работе пионерской организации имени В. И. Ленина». Пленум подвел итоги выполнения решений XI съезда комсомола и вновь отметил недостаточность работы комсомольских организаций по развитию военно-физкультурной работы с пионерами [2, С. 2].

В резолюции XII съезда ВЛКСМ (март 1954 года) «О работе пионерской организации имени В. И. Ленина» акцент был сделан на формировании у пионеров чувства советского патриотизма, дружбы между народами, а также на укреплении здоровья каждого подростка, заключавшемся в ежедневных занятиях утренней гимнастикой, овладении навыками походной жизни, сдаче норм комплекса БГТО. Кроме того, съезд предложил вносить элементы соревновательности в работу пионерских организаций по спорту, туристической и иным видам деятельности. Для особо отличившихся пионеров, пионерских отрядов с 1954 года ЦК ВЛКСМ учреждена «Книга почета пионерской организации имени В. И. Ленина» [4, С. 194].

С этой же целью газета «Пионерская правда» начиная с 1950 года организует различные соревнования на приз газеты «Пионерская правда», в том числе «Пионерская лыжня» – с 1950 года; «Золотая шайба» – с 1964 года; «Кожаный мяч» – с 1964 года.

Получают развитие всесоюзные физкультурно-спортивные клубы «Нептун», «Чудошашки», «Плетеный мяч», «Белая ладья» и др.

Новое Положение о детской коммунистической организации юных пионеров имени В. И. Ленина, утвержденное бюро ЦК ВЛКСМ 10 апреля 1954 года, содержало в преамбуле основные цели и задачи пионерской организации, среди которых – воспитание детей в духе любви к советской Родине, дружбы между народами и пролетарского интернационализма; формирование уважения и любви к физическому труду; забота о здоровье детей и правильной организации их досуга; содействие широкому вовлечению школьников в физкультурные и иные кружки, проведению массовых игр, экскурсий, походов [19, С. 3–4].

Как итог данной деятельности, более активно продолжают развиваться ключевые направления деятельности пионерской организации.

В дополнение к вышеуказанным документам бюро ЦК ВЛКСМ (20 апреля 1956 года) обратило внимание комсомольских организаций на необходимость проведения разнообразной культурно-массовой и физкультурной работы, особенно в сельской местности, в частности походов пионеров и школьников по родному краю... [15, С. 77]. Пленум ЦК ВЛКСМ (апрель 1956 года) тоже акцентировал внимание комсомольских и пионерских организаций на создании клубов юных географов, туристов, спортсменов, а также на оборудовании игровых и спортивных площадок, проведении спортивных соревнований школьных и дворовых команд, экскурсий, туристских походах [20].

Так, в 1955 году орловский Дом пионеров организовал и провел многодневный поход по маршруту Орёл – Кромы – Тросна [21, С. 36].

Корсаковский РК ВЛКСМ во время летних каникул в 1956 году со школьниками Корсаковской средней школы провел однодневный поход на родину С. Тюленина, в село Киселево. Кроме того, были оборудованы школь-

ные спортплощадки, проводились внутришкольные соревнования по гимнастике, стрельбе, плаванию, волейболу, футболу. Организовывалось разучивание игр на воздухе. В школах создавались краеведческие уголки.

Этим же летом Новодеревеньковский РК ВЛКСМ провел военизированный поход, организовал сдачу нормативов ГТО и БГТО. С 30 июля по 5 августа возлагались венки на могилы погибших воинов, проводились пионерские костры с приглашением участников Великой Отечественной войны.

Дросковская средняя школа, Смирновская, В.-Жерновская семилетние школы взяли шефство над могилами погибших воинов (посадка цветов, сооружение изгородей) [12].

Каждый поход тщательно продумывался и подготавливался.

В письме пионера Лёни Ковалевского, опубликованного в газете «Орловский комсомолец» от 6 августа 1955 года № 156, описаны сбор и подготовка к туристическому пятидневному походу в город Новосиль, к которому готовились очень тщательно. Маршрут похода – вверх по реке Раковке до впадения в Зушу с ночевкой в Голуни; далее – через село Воротынцево (редут Лжедмитрия II), Новосиль, Духово [20, С. 37].

В начале 1957 года состоялось областное совещание по экскурсионно-туристской работе. Походы по изучению родного края провели многие пионерские отряды Орловщины. 1402 отряда участвовали во Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников, посвященной 40-летию советской власти.

В честь 40-летия комсомола было решено организовать внутриобластное соревнование по туризму и вызвать на соревнование юных краеведов Воронежской, Курской и Липецкой областей [18].

Но не только походы, экскурсии, спортивные соревнования составляли основу военно-физкультурной работы пионерской организации в те годы.

Состоявшийся в феврале 1957 года Пленум ЦК ВЛКСМ «Об улучшении идейно-воспитательной работы...» отметил, что за-

дача комсомола – воспитывать у детей и молодежи глубокую идейность, беззаветную любовь к Родине, разъяняя величайшие достижения страны в области экономики, политики, культуры, для чего следует привлекать активных рабочих, ветеранов Гражданской и Великой Отечественной войн; формировать заботливое отношение к памятникам выдающимся людям страны, к могилам воинов; не только пропагандировать традиции прошлых лет, но и использовать героику сегодняшнего дня советских людей, молодежи [20].

Пионерским отрядам и дружинам присваивались имена участников Великой Отечественной войны, создавались комнаты-музеи, посвященные памяти этих героев. Широкое распространение получили торжественные шествия пионеров к мемориалам славы, пионерские линейки, посвященные памяти героев Великой Отечественной войны. Особая работа стала проводиться по формированию уважения к государственному флагу и гимну СССР, выносу пионерских флагов и дружинных знамен.

В пятидесятые годы по инициативе ленинградских пионеров зародилось движение «Красные следопыты» (в июне 1957 года газета «Ленинские искры» опубликовала первый приказ штаба красных следопытов, а в декабре состоялся слёт красных следопытов города Ленинграда). Активно шло развитие кружков и целых программ данной направленности.

Так, в восьмилетней школе № 2 города Мценска активно работала пионерская дружина имени Олега Кошевого.

Для того чтобы имя Героя Советского Союза Олега Кошевого было присвоено дружине, совет дружины обратился с ходатайством в ГК ВЛКСМ. После удовлетворения просьбы началась подготовка к торжественному сбору, где должно было быть присвоено это героическое имя. Развернулось соревнование за право рапортовать ГК ВЛКСМ о пионерских делах. На деньги, полученные за металлолом, приобрели большой портрет Олега Кошевого, написали

письма его матери и в музей молодогвардейцев. С именем и подвигом героя знакомили учащихся вторых и третьих классов [14, С. 29]. По словам старшей вожатой Т. Н. Васиной, в дружине стало традицией начинать пионерскую жизнь в новом учебном году с шествия к братской могиле советских воинов, где подростки возлагают венки, устанавливают знамя дружины и почетный караул. Часто проходили встречи с офицерами Бажуровым и Федосеевым, почетными пионерами дружины. «С большой радостью встречают всегда пионеры участницу обороны Брестской крепости В. С. Раневскую, которая ведет в школе кружок по оказанию медицинской помощи» [14, С. 27]. В рамках празднования 40-летия ВЛКСМ (1958 год) в этой школе проводились пионерские сборы «Красный галстук – символ связи трёх поколений». На сборе присутствовал ветеран В. А. Казеев, рассказавший пионерам, как его товарищ в годы Великой Отечественной войны спас полковое знамя, о встрече в Москве с матерью Зои Космодемьянской. В дружине проводилась большая работа по изучению жизни героев-пионеров и комсомольцев, чьи имена были присвоены отрядам [14, С. 26].

В этой же пионерской дружине собирали материал о героях Великой Отечественной войны – участниках боёв на Орловщине; оформили стенд «Родина помнит о Вас»; установили связь с участниками боев за город Мценск – Героем Советского Союза Рафтопулло и дважды Героем Советского Союза маршалом бронетанковых войск Катюковым; совершили поход на Родину Героя Советского Союза Кочергина, в деревню Подберезово [14, С. 29].

В дмитровском Доме пионеров в эти же годы работал краеведческий кружок, где большое внимание уделялось походам и экскурсиям по родному краю, после чего собранный материал оформлялся в альбомы «Исторические места города Дмитровска». В ходе туристической деятельности члены кружка неоднократно проводили походы по местам боев за освобождение района. В

частности, один из них был посвящен ознакомлению с боевым путем 37-й гвардейской Волгоградской дивизии, участвовавшей в освобождении города, по маршруту Дмитровск – Страшновский поселок – Брянцево – Мошки – Дмитровск.

Интересной формой работы кружка являлась и переписка с музеями, свидетелями и участниками важных событий, имевших большое общественное значение.

Краеведческий кружок также вел и тимуровскую работу, оказывая помощь престарелым, инвалидам Великой Отечественной войны, октябрятам [14, С. 59].

В плане Болховского РК ВЛКСМ (1957 год) отводилось немало места для физкультурно-спортивной и патриотической работы: «Создать при каждой сводной пионерской дружине тимуровские команды, которые должны взять шефство над детьми, матери которых работают в колхозе. В целях развития военно-спортивной работы провести военизированный поход. Организовать сдачу нормативов ГТО и БГТО. 30 июля и 5 августа возложить венки на могилы погибших воинов, организовать проведение костров, на которые пригласить участников Великой Отечественной войны...» [12].

В год сорокалетия Октябрьской революции многие дружины включились во Всесоюзную экспедицию, посвященную этой дате. Из отчета Корсаковского РК ВЛКСМ (1957 год): «Пионеры района включились во Всесоюзную экспедицию, посвященную сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. Объявлен конкурс на лучшее описание истории создания колхоза, совхоза. В школах организованы краеведческие уголки. Пионеры приняли активное участие в подготовке к Всемирному фестивалю молодежи и студентов» [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, приведенные в статье примеры различных форм и методов военно-физкультурной и патриотической работы, а также география региональных пионерских

организаций, в которых они применялись, свидетельствует о том, что в конце 50-х годов XX века в Орловской области была сформирована система, способствующая физическому развитию детей и подростков в комплексе с их нравственным и патриотическим воспитанием. Имелась четкая взаимосвязь содержания деятельности, ее кадрового и методического обеспечения, а также политического руководства.

Неформальный характер работы в данном направлении обеспечивался во многом участием в мероприятиях непосредственных участников Великой Отечественной войны, передававшим молодому поколению гордость за Победу, стремление отдать все свои силы и даже жизнь за Родину, за правое дело. Патриотизм поколения победителей был значительной воспитательной силой.

К сожалению, в новейшей истории России нравственные и патриотические приоритеты были достаточно размыты, хотя в Орловской области, во многом благодаря деятельности региональной пионерской организации «Орлята», военно-патриотическая работа с пионерами и школьниками не только не сокращалась, но всегда была значимой и приоритетной.

В настоящее непростое время целесообразно обратиться к прошлому результативному опыту работы по нравственному и патриотическому воспитанию, активнее применять его в школе, учреждениях дополнительного образования, в детском общественном движении.

Библиография / References:

1. Вожатый. – 1949. – № 1.
2. Вожатый. – 1951. – № 11.
3. V Всесоюзная конференция ВЛКСМ, 24–31 марта 1927 года. – М.: Молодая гвардия, 1927. – 126 с.
4. Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 132 с.
5. ГАОО. (Государственный архив Орловской области). Ф. № П-1233. Оп. 1. Д. 359.
6. ГАОО. Ф. № П-1233. Оп. 1. Д. 363.
7. ГАОО. Ф. № П-1233. Оп. 1. Д. 491.
8. ГАОО. Ф. № П-1233. Оп. 1. Д. 645.
9. ГАОО. Ф. № П-1233. Оп. 1. Д. 489.
10. ГАОО. Ф. № П-1283. Оп. 1. Д. 994.
11. ГАОО. Ф. № П-1283. Оп. 1. Д. 998.
12. ГАОО. Ф. № П-1283. Оп. 1. Д. 1330.
13. ГАОО. Ф. № П-1283. Оп. 1. Д. 1261.
14. Из опыта работы с пионерами: сборник статей. – Орёл: Орловское книжное издательство, 1963. – 216 с.
15. История Орловской областной пионерской организации: монография / В.А. Ливцов, Л.Н. Орлова и др. / под общ. ред. В.А. Ливцова. – Орёл: ООО «Горизонт», 2022. – 208 с.
16. Огненные годы. Молодёжь в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 годов. Сборник документов. – М.: Молодая гвардия, 1965. – 256 с.
17. Орловский комсомолец. – 1951. – 21 сентября.
18. Орловский комсомолец. – 1958. – №4. – 5 января.
19. Положение о детской коммунистической организации юных пионеров имени В. И. Ленина. – М.: Молодая гвардия, 1954. – 258 с.
20. Товарищ Комсомол: документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. В 2-х т. Т. 2, 1918–1941 / Сост.: В. Десятерик и др. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 256 с.
21. Цыганкова Е.А. Летний отдых как одно из направлений деятельности пионерской организации Орловской области в 50-е годы XX века // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2021. – № 1 (90). – С. 35–37.

1. Vozhatyj [Leader]. – 1949. – № 1. (In Russ.).

2. Vozhatyj [Leader]. – 1951. – № 11. (In Russ.).

3. V Vsesoyuznaya konferenciya VLKSM, 24–31 marta 1927 goda [V All-Union Conference of the Komsomol, March 24–31, 1927]. –

- M.: Molodaya gvardiya, 1927. – 126s. (In Russ.).
4. Vsesoyuznaya pionerskaya organizaciya imeni V.I. Lenina [All-Union Pioneer Organization named after V.I. Lenin]. – M.: Molodaya gvardiya, 1972. – 132s. (In Russ.).
5. GAOO. (Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti) [State archive of the Oryol region]. F №P-1233, Op.1. D.359. (In Russ.).
6. GAOO. F №P-1233 Op.1 D.363. (In Russ.).
7. GAOO. F №P-1233, Op.1. D.491. (In Russ.).
8. GAOO. F №P-1233, Op 1. D.645. (In Russ.).
9. GAOO. F №P-1233, Op.1. D.489. (In Russ.).
10. GAOO. F №P-1283, Op.1. D.994. (In Russ.).
11. GAOO. F №P-1283, Op.1. D.998. (In Russ.).
12. GAOO. F №P-1283, Op.1. D.1330. (In Russ.).
13. GAOO. F №P-1283, Op.1 D.1261. (In Russ.).
14. Iz opyta raboty s pionerami: Sbornik statej [From the experience of working with the pioneers: Collection of articles]. – Oryol: Orlovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 216s. (In Russ.).
15. Istoriya Orlovskoj oblastnoj pionerskoj organizacii: monografiya [History of the Oryol Regional Pioneer Organization: monograph] / V.A. Livcov, L.N. Orlova i dr. / pod obshch. red. V.A. Livcova. – Oryol: OOO «Gorizont» 2022. – 208s. (In Russ.).
16. Ognennye gody. Molodyozh' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 godov. Sbornik dokumentov [Fiery years. Youth during the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945. Collection of documents]. – M.: Molodaya gvardiya, 1965. – 256s. (In Russ.).
17. Orlovskij komsomolec [Orlovsky Komsomolets]. – 1951. – 21 sentyabrya. (In Russ.).
18. Orlovskij komsomolec [Orlovsky Komsomolets]. – 1958. – № 4. – 5 yanvarya. (In Russ.).
19. Polozhenie o detskoj kommunisticheskoj organizacii yunyh pionerov imeni V.I. Lenina [Regulations on the children's communist organization of young pioneers named after V.I. Lenin]. – M.: Molodaya gvardiya, 1954. – 258s. (In Russ.).
20. Tovarishch Komsomol: Dokumenty s"ezdov, konferencij i CK VLKSM [Comrade Komsomol: Documents of congresses, conferences and the Central Committee of the Komsomol]. V 2-h t T.2, 1918-1941 / Sost.: V. Desyaterik i dr. – M.: Molodaya gvardiya, 1969. – 256s. (In Russ.).
21. Cygankova E.A. Letnij otдых kak odno iz napravlenij deyatel'nosti pionerskoj organizacii Orlovskoj oblasti v 50-e gody XX veka [Summer vacation as one of the activities of the pioneer organization of the Oryol region in the 50s of the XX century] // Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – №1(90). – S. 35–37. (In Russ.).

УДК 342.56:316.422(47)

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-120-130

КОДИНЦЕВ Александр Яковлевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: balsak1@yandex.ru, AuthorID: 679446

KODINTSEV A.Ya., Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: balsak1@yandex.ru, AuthorID: 679446

АНАТОЛИЙ ФЁДОРОВИЧ КОНИ И МУРАВЬЕВСКАЯ КОМИССИЯ

ANATOLY FEDOROVICH KONI AND THE MURAVYOV'S COMMISSION

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении роли Анатолия Фёдоровича Кони в защите интересов судебного сословия Российской империи в условиях надвигающейся судебной контрреформы. Актуальность работы заключается в том, что многие идеи сенатора и его сторонников имеют значение и в наше время. Цель исследования заключается в установлении основных аспектов противостояния либеральных юристов государственной консервативной политике, направленной на ликвидацию достижений судебной реформы 1864 года. При проведении исследования автор использовал проблемно-хронологический метод. Изучается процесс обсуждения проекта переустройства органов юстиции. Предполагаемые изменения затрагивали статус судебных работников, структуру органов юстиции, положение суда присяжных заседателей и пр. Можно сделать вывод, что сформированный план переустройства органов суда не решил заявленных целей и усложнил судоустройство. В итоге, затянутый проект был окончательно отвергнут в годы первой русской революции.

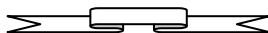
Ключевые слова: А.Ф. Кони, судебная контрреформа, муравьевская комиссия, судебная полиция, суд присяжных заседателей, мировая юстиция, обер-прокурор.

Abstract. The purpose of the article is to identify the role of Anatoly Fedorovich Koni in protecting the interests of the judicial estate of the Russian Empire in the context of the impending judicial counter-reform.

The relevance of the research lies in the fact that many of the ideas of the senator and his supporters have significance in our time as well. The author establishes the main aspects of liberal lawyers' opposition to the state conservative policy, aimed at eliminating the achievements of the judicial reform of 1864. The author used the problem-chronological method in conducting the study. The process of discussing the project of the judicial bodies restructuring is studied. The author emphasizes that the proposed changes affected the status of judicial officers, the structure of judicial bodies, the position of the jury court, etc.

As a result, the author comes to the conclusion that the plan of the judicial bodies restructuring did not solve the declared purposes and complicated the judicial system. Finally the protracted project was rejected during the first Russian Revolution.

Keywords: A.F. Koni, judicial counter-reform, Muravyov's commission, judicial police, jury trial, magistrate justice, chief prosecutor.

ВВЕДЕНИЕ

Труды Анатолия Фёдоровича Кони в области судоустройства не стали объектом полного и тщательного изучения. За редким исключением. В 2016 году исследователи Т. Е. Грязнова и А. Н. Язов опубликовали статью об идее судебной власти в трудах российских юристов поздней империи. Они отмечают, что Кони провёл чёткое разграничение властей исполнительной и судебной. Деятельность судебных органов направлена на разрешение конкретного спора о праве, деятельность администрации направлена на исполнение законов. Также разграничение происходит по силе принимаемых решений. Различаются мотивы властей. Основы правосудия вечны, основы деятельности администрации временны. Цель суда – установить справедливость, цель администрации – обеспечение общественного спокойствия и стабильности. Кроме того, администрация «смотрит вперед», а суд «смотрит назад», отыскивает истину. Администратор исходит из принципа целесообразности, судья – из принципа законности [1, С. 32–24].

В своей публикации Б. Н. Мальков и А. Ф. Щеглов в 2015 году обсудили нравственные цели судебной реформы 1864 года по трудам А. Ф. Кони [9, С. 21–25]. А. В. Илюхин проанализировал оценку работы суда присяжных на основе публикаций Кони [3, С. 40–46]. Подробно деятельность Кони по защите суда присяжных была проанализирована в работа Ю. Иванова. В ней автор описывает характеристику суда присяжных, данную Кони, как гимн суда общественной совести [2, С. 31–34].

Отдельный блок исследований составляют работы ученых, посвященные судебной контрреформе 1880–1890-х годов. В их числе капитальный труд Н. В. Немытиной [10], публикации А. А. Сорокина [12, С. 208–217; 13, С. 385–395], Ю. В. Щедриной [14, С. 115–131], Ю. М. Понихина и И. А. Игнатенко [11, С. 206–212] и пр. Современный и наиболее подробный очерк работ по этой контрреформе содержится в 8-м разделе моно-

графии «История суда и правосудия в России» (том 5), выполненной К. П. Краковским [8, С. 12–31]. В нашей работе большой перечень работ по контрреформе, представленный Краковским, мы специально не разбираем, затрагивая только позицию Кони во время работы муравьевской комиссии. В том числе Краковский подробно описывал борьбу Кони за сохранение основ судебных уставов 1864 года [8, С. 324–364].

О работе Кони в муравьевской комиссии упоминается в работах Елизаветы Баллантайн (Нью-Йорк), Карлы Кордин (Базель) и Марка Помара (Питтсбург) [15; 16; 17; 18].

МЕТОДОЛОГИЯ

При проведении исследования мы использовали проблемно-хронологический метод. С помощью указанного метода мы разделили нашу тему согласно стадиям работы муравьевской комиссии в хронологической последовательности. Используя метод, мы показываем последовательное развитие работы комиссии от реформы к контрреформе, устанавливая связи между стадиями работы комиссии. Страхи государственной власти и ее недовольство «свободой» судебной системы выросли в проект судебной деформации, порождавший (потенциально) неэффективную систему правосудия.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В середине 1893 года министр юстиции Н. А. Манасеин инициировал реформу судебной системы империи. План Манасеина был сформулирован неудачно и вызвал резкое возражение у работников юстиции и руководства государства. Министр предполагал изменение компетенции кассационных департаментов Сената, которые привели бы к уменьшению его полномочий (генерал-прокурор надзирал за старыми департаментами и мог опротестовать их решения, а принести протест на решения новых кассационных департаментов не мог). Кроме того, он предлагал создать «Верховный совет-

ный суд».

Было создано особое совещание для обсуждения предложения министра юстиции «о некоторых изменениях в судебных уставах» (председатель совещания Н. И. Стояновский). Обсудив предложения министра, члены совещания отметили, что они не продуманы и не подкреплены аналитическими данными о состоянии судебной системы. Что такое «Верховный совестный суд» было совершенно непонятно. Заинтересованные лица – председатели кассационных департаментов (в том числе Кони) – в состав совещания не были включены (император пожелал, чтобы также пригласили обер-прокуроров «для объяснений»).

Проект Манасеина был разослан по многим учреждениям, и началось масштабное обсуждение будущей реформы. Составлялись аналитические справки и исторические обзоры. Состоялись общие собрания сенаторов обоих департаментов, на которых было высказано много критических и отрицательных замечаний о проекте Манасеина. Подробный критический разбор проекта Манасеина провел государственный секретарь Н. В. Муравьев (особенно удачно он проанализировал вредные последствия от отмены кассационных функций департаментов). Записка Муравьева настолько понравилась царю, что стала одной из причин назначения его новым министром юстиции взамен смещенного Манасеина. Председатель совещания также высказался против. Несмотря на смещение Манасеина, волна, поднятая им, не пошла на спад. Новый министр пришел к управлению при условии провести масштабные реформы судебных уставов 1864 года.

7 апреля 1894 года была учреждена особая комиссия для пересмотра законоположений по судебной части (муравьевская комиссия). В составе комиссии был образован отдел судоустройства. Кони, входивший в другой отдел, тем не менее принимал участие в заседаниях отдела. Отдел провел 53 заседания за 4 года (РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1226. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–93; Ф. 1405. Оп. 542.

Д. 124. Л. 56–60, 84–140). Всего же комиссия провела 503 заседания.

Для сбора мнений в столицу были приглашены работники юстиции империи, которые несколько недель совещались. Одним из вопросов, поднятых Манасеиным и Муравьевым, был статус присяжных заседателей (далее – ПЗ) в соотношении с сословными представителями (далее – СП). 29–31 декабря 1894 года в столице состоялось большое совещание старших председателей и прокуроров судебных палат. На совещании господствовал Кони.

В первой речи он ориентировал работников юстиции на правильный и взвешенный подход к суду ПЗ, после чего поставил основные вопросы на обсуждение. Прежде всего, обер-прокурор отметил, что в 1887 году был повышен имущественный ценз ПЗ, что позволило исключить из него маргинальные группы населения. Кони отмечал, что с 1879 по 1892 год было осуждено только 29 заседателей за коррупционные преступления. Попытки выплачивать пособия присяжным, к сожалению, были пресечены. Кроме проблемы выплат Кони акцентировал внимание присутствовавших на хаосе с составлением списков ПЗ, на запрете на объявление ПЗ меры наказания, угрожающего подсудимому, на праве судьи отменять оправдательный приговор ПЗ, на праве подсудимого отказаться от суда ПЗ, на объединении судьи и ПЗ при вынесении приговора, на организации сословных представителей в судебных палатах, а также на серии других процессуальных проблем, возникающих в работе суда ПЗ. Вообще, Кони продолжал скептически относиться к институту СП. Сравнивая результативность СП и ПЗ, он указывал, что между ними нет особой разницы.

Через три дня, подводя итог заседанию, Кони дал общее заключение по поставленным им вопросам. Большинство членов совещания подтвердили важную роль суда ПЗ в судоустройстве империи. Отдельные юристы указывали, что по ряду дел правильный приговор мог быть вынесен только с участи-

ем присяжных. Репрессивность суда ПЗ была оценена выше, чем репрессивность коронных судей. Отдельные юристы не могли вообще назвать примеры неосновательных приговоров. ПЗ приносили в суд нравственное, христианское чувство. Чаще всего оправдания встречались по тем преступлениям, которые не встречали сочувствия у присяжных (против паспортной системы и пр.).

Два члена совещания указали, что ПЗ неумело обращаются со следственным материалом, не выдерживают репрессии по однородным делам, в разных местностях по-разному подходят к определению наказания по однородным делам, суд ПЗ требует затрат, много времени, усилий и пр.

Кони заручился поддержкой большинства членов совещания (18), высшие сотрудники юстиции почти все поголовно выступали за сохранение суда ПЗ. Члены совещания постановили, что при изменении законодательства необходимо допустить чины судебного ведомства к составлению списков ПЗ, повысить ценз имущества для чиновников (исключить мелких служащих), повысить штрафы за неявку на суд ПЗ и вообще повысить ответственность за незаконные попытки избежать заседания в суде ПЗ. Все поддержали идею о введении оплаты для ПЗ. Члены совещания высказались как минимум за сохранение подсудности суда ПЗ. Почти все члены совещания призвали прекратить «играть с ПЗ в прятки» и, наконец, рассказывать им о мере наказания, грозящей подсудимому. Вообще члены совещания настаивали на существенном расширении процессуальных прав ПЗ, которые парадоксальным образом, принимая принципиальное решение, были крайне ограничены в доступе к материалам следствия. Большой спор вызвала германская модель присяжных, которая предусматривала составление списка ПЗ сразу же для нескольких процессов. Большинство членов совещания высказалось против предоставления права отмены оправдательного приговора судьей. Кони приложил много усилий, доказывая вредные последствия получения

судьей такого права. Идея суда СП была оценена членами совещания отрицательно. Сословные представители вели себя пассивно, уклонялись от обязанностей, пытались переложить принятие решения на председателя суда и пр. При этом суд СП оказался дорогим. Что же делать? Сложилось много мнений. Предлагали ввести «специальных ПЗ», передать дела в коронные суды, передать дела суду обычного ПЗ, ввести шеффенский суд, объединить судью и ПЗ в одну коллегия и т. д. и т. п. [8; 4, С.336–337]. 28 и 29 декабря члены совещания обсуждали вопрос о состоянии судебного следствия, которое было признано неудовлетворительным [8, С. 337–338].

После новогоднего перерыва работа совещания возобновилась. 4 января 1895 года Кони сделал доклад о предельном возрасте судьи. Обер-прокурор напомнил, что уставы 1864 года ограничили предельный срок судьи 75 годами (что интересно, по Учреждению судебных установлений (далее – УСУ) формально увольнение было возможно только после подачи судьей прошения, в противном случае существовала длительная процедура увольнения). При этом 17 сенаторов выступали против. По мнению Кони, наилучшим выводом было бы выведение судьи за штат по достижении 75-летнего возраста с сохранением оклада. В конце концов, министерство юстиции выдвинуло в 1888 году предложение снизить возраст выхода в отставку до 55–65 лет. Возможно было продление срока пребывания на службе, но только на 3 года.

Проект, определявший возраст судьи, после долгих путешествий только к середине 1890-х годов вступил в стадию обсуждения работниками юстиции. Выступая перед членами совещания, Кони задавался вопросом: чем обусловлена такая разница в возрасте? Почему предлагается такой ранний выход на пенсию? Кони приводил примеры престарелых людей, находящихся в хорошей интеллектуальной форме. Снижение трудовой активности или выход на пенсию, по мнению Кони, может только касаться лиц «непредви-

денно морально ослабевших». Тут же автор намекал, что сенаторов, «морально ослабевших», переводят из кассационных (новых) департаментов в старые судебные департаменты, превращающиеся фактически в «свалку маразматиков». Бесплезно сравнивать работу судьи с работой других профессий. У судьи нет физически тяжелой работы, необходимости обострять свои чувства. Основная тяжесть работы судьи заключается в чувстве совести. Нельзя сравнивать работу судьи и профессора. В последнем случае необходима смена преподавателя, так как это дает новую, свежую струю, меняется методика преподавания, привносятся новые знания. «Наука прогрессивна, судебная деятельность консервативна», – говорит Кони. Взор ученого устремлен вперед, взор судьи – назад. Осторожность и осмотрительность – главные необходимые свойства судьи. Деятельность судьи ближе деятельности священника. Оба служат общественной нравственности. Старость тут не противопоказана, она украшает должность.

Увольнение судьи ставит его в тяжелое материальное положение. Пенсионная система империи была негибкой. Член палаты или окружного суда, получив выслугу, в 35 лет рассчитывал на 572 рубля, в 25 лет – на 256 рублей. Дополнительный доход от эмеритальной кассы был слишком мал. Далее Кони высчитывал идеальный брачный возраст работника юстиции. Это оказывался 30–45-летний возраст. Следовательно, в момент выхода на пенсию (если будет снижен возраст) он имел сына/дочь 20-летнего возраста, которые нуждались в серьезной поддержке. Вышедший на пенсию судья почти не имел шанса получить новую работу.

Против введения предельного возраста говорило и то, что планируемого (по новому закону) времени выхода на пенсию достигал небольшой процент работников юстиции. Далее Кони рассказывал о преимуществах стариков в судебных коллегиях. Они вносили нравственное чувство, спокойствие, разумное упрямство. Судебная деятельность изматывала людей. Предельный возраст мо-

жет убить сознание служения правосудию и создать взамен заурядную службу – личный наём на срок [5, С. 885–902].

В 1895 году Анатолий Фёдорович проводил большую ревизию кавказских судебных учреждений. 30 апреля 1895 года он принял участие в заседании Кавказского юридического общества. Доклад делал А. А. Красовский, который проанализировал проект нового уголовного уложения. Главный вопрос, который рассматривал докладчик, заключался в определении власти суда в связи с новым проектом. Красовский подметил важную особенность проекта – резкое сокращение казуальных составов и, наоборот, увеличение абстрактных составов преступлений. Он справедливо отмечал, что дискреционная власть суда существенно расширилась, и это, по его мнению, вело к вредным последствиям. Аргументы, выдвигаемые сторонниками судебной системы, он отвергал. В числе прочего Красовский утверждал, что очень трудно определить соразмерность между преступлением и наказанием. В итоге якобы это приведет к произволу судьи. Исходя из личных представлений, докладчик утверждал, что судья не пойдет за законодателем и обществом, а пойдет за своим мнением. Далее он приводил много примеров недоверия законодателя к судье. Судейская совесть – это миф. Ссылка на западный опыт неверна. Там судебное сословие является устоявшимся, уважаемым институтом. В России судебной традиции нет, общество суд не контролирует.

Кони, придерживающийся противоположной точки зрения, не мог пройти мимо такого доклада и выступил со встречным возражением. Анатолий Фёдорович указывал на то, что законодатель действовал как художник, а судья – как фотограф. Бесплезно применять универсальное наказание ко всем однородным преступлениям. Ошибочно было мнение о необходимости общественного контроля, напротив, суд должен быть свободен от него. Судейская совесть – не пустые слова, а возвышенное состояние. По новому проекту законодатель доверяет судье, и это

правильно [6, С. 555–561].

Вернувшись с Кавказа, Кони энергично приступил к работе в муравьевской комиссии. С самого начала в области судоустройства перед комиссией были поставлены специальные задачи. Предполагалось обобщить все изменения в судебных уставах с 1866 по 1893 год. Согласовать эти изменения и судебную практику и выработать новые акты. Предполагалось сохранить устность, гласность, состязательность, свободу убеждения судьи и прочее. В то же время планировалось рассмотреть независимость суда «в пределах его правительственного положения» и «упорядочить правила о несменяемости судей».

Ставились задачи упростить судебную организацию с целью экономии средств, пересмотреть правила о несменяемости судей, изменить организацию всех органов юстиции и прочее. Комиссия была разделена на четыре отдела (см. выше). Кони попал в 3-й отдел (уголовное судопроизводство) под председательством старого друга – Н. С. Таганцева. В 3-м отделе (судоустройство) обер-прокурор участвовал в общем голосовании по положениям новых проектов уставов, и при этом он выдвигал много своих возражений. Очень часто он оказывался один против всей комиссии. В отличие от Таганцева, Фойницкого, Случевского, Арсеньева, Владимирова и других друзей, он не пошел на сделку с совестью и последовательно выступал за сохранение основ 1864 года почти без изменений (ГАРФ. (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 564. Оп. 1. Д. 679. Л. 1–7). В этом его поддерживали многие юристы. Поступали письма от И. Щегловитова, В. А. Желиховского и других юристов (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 3821. Л. 5–6).

В 1896–1897 гг. комиссия рассматривала новый проект УСУ. При этом 1-й и 2-й отделы комиссии заседали совместно. Кони участвовал в этих заседаниях. Некоторое время существовал 5-й отдел, в который также входил Кони. Именно там у него сформировалась оппозиционная позиция к

слову судебной модели империи (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 668, Л. 10).

Жаркие споры на комиссии протекали по вопросу о создании нового апелляционного суда. Кони присоединился к большинству. Дискутировали по вопросу о территориальном охвате будущих окружных судов с целью приближения их к народу. Разумным компромиссом виделось создание уездных отделений окружных судов империи. Далее члены комиссии предполагали превращение этих отделений в замену съездов мировых судей или земских начальников (с сохранением в их составе будущих участковых судей), которые в новых проектах подлежали ликвидации. Таким образом, участники совещания «тихой сапой» протаскивали сохранение этих съездов в новом виде.

Комиссия предполагала ограничения при вводе отделений в отдельных регионах России, введение городских отделений в крупнейших городах, допускалось введение отделений в двух и более уездах при наличии большого количества дел. Большинство членов комиссии поддержало создание участковых судей, рассматривающих дела единолично и фактически заменяющих мировых судей. Нам неизвестна позиция Кони по этому вопросу. Он либо поддержал большинство, либо воздержался, но к сторонникам мировой юстиции формально не примкнул [14, С. 117–118] (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 668. Л. 29–45).

Решающие изменения в УСУ обсуждались на заседаниях комиссии по пересмотру законоположений по судебной части в феврале 1898 года, в том числе предлагалось в связи с ликвидацией мировой юстиции и предстоящей частичной отменой земских начальников повсеместно ввести участковых судей и подчинить их окружным судам (Кони выступал против), создать следственных судей и часть следственных функций возложить на участковых судей (Кони был против). Проект предполагал развитие института судебных кандидатов. Предполагалось разделить их на старших и младших, оставить только в окружных судах, ввести оклады для

кандидатов, снизить срок стажировки. Изменялся статус судебных приставов. Они оставались только при окружных судах, их полномочия сокращались (часть передавалась судебным рассыльным), отменялись органы самоуправления приставов, вводились требования по знаниям и образованию. Предполагалось составлять списки кандидатов, из которых должны были производиться назначения на открывшиеся вакансии в органах юстиции. Проект предусматривал создание при консультации министерства юстиции особого присутствия, которое бы имело право перемещать и смещать судей. Попытки Кони и его сторонников создать такое присутствие при Сенате, а не при министерстве провалились. Предполагалось существенно повысить оклады судебных чиновников. Коммерческие суды планировали ликвидировать. Предполагалось передавать исполнение части судебных решений волостным и сельским органам, ввести поверенных по судебным делам (РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 287. Л. 3–20).

Все эти нововведения не устраивали сенатора Кони, вызывали у него сильное отторжение. Исходя из приоритета сохранения «священных» уставов, обер-прокурор Уголовно-кассационного департамента (УКД) выработал несколько предложений в составе комиссий, которые составили его особое мнение, отличное от мнения большинства членов комиссии. В этих особых мнениях он выступал проводником не только идеи сохранения уставов, но также энергично защищал судебное сословие от предполагаемых ограничений и сокращений его прав.

Например, в особом мнении, высказанном Кони по статьям 296–302 проекта УСУ о порядке увольнения судей, он предлагал сохранить старую формулу УСУ о несменяемости судей (статьи 72 и 243 УСУ). Новые статьи предполагали временное устранение или увольнение от должности (отдел «Об определении и увольнении от должностей») участковых, добавочных и почетных судей. Проект предполагал определить статус вводимых участковых судей ниже, чем мировых.

При этом предполагалась широкая подсудность таких судей.

Кони выступал против передачи дисциплинарных полномочий консультации министерства юстиции, понимая, что это умаляет статус судей, пусть и участковых. Не было никакой необходимости (по его мнению) в такой передаче полномочий. Везде консультацию следовало заменить на Соединенное присутствие Сената. Кроме того, не надо было определение Сената по такому делу переносить на утверждение императора. Соответственно 302-я статья проекта должна была быть отменена. Эту позицию Кони поддержало только три члена комиссии, 23 проголосовали за противоположное мнение (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 1–3).

Следующая поправка, внесенная Кони, относилась к существенному изменению предварительного следствия. Предварительное следствие из правила превращалось в исключение, назначаемое только в случае совершения тяжких преступлений. Большинство составов преступлений, по проекту, подлежали рассмотрению в полицейских органах при почти полном прокурорском управлении.

Кони с идеей «полицизации» следствия категорически не соглашался. Он указывал на то, что неудачный опыт подчинения следствия полиции был отвергнут еще до судебной реформы 1864 года. По утверждению Кони, за все пореформенные годы не было случаев привлечения следователей за превышение власти, в то время как дела по полицейскому произволу продолжали поступать в большом количестве. Лишь правовое развитие с высшим образованием может удержать от совершения преступления по службе (тут Кони выступал как идеалист).

По его словам, приводить примеры успешных дознаний полиции было некорректно, так как они действовали под контролем судебных следователей. Суд же не будет иметь сил, чтобы проверить правильность действий полиции. Новое законодательство привело бы к существенному увеличению товарищей прокуроров. Прокурор-

ский надзор за полицейским следствием будет извращением судебной власти. Кроме того, проект не предполагал сбалансированной прокурорской власти. Так, прокуроры могут сами производить дознание и принимать меры пресечения. В то же время многие прокурорские чины не получали права определять случаи, когда надо было производить дознание. Лишь в крайних случаях надо было предоставлять полиции следственные полномочия.

Далее Кони вступал в теоретическую область, рассуждая о сущности органов юстиции. Он подчёркивал, что лучше всего, если каждый орган юстиции будет однородным, самостоятельным и автономным. Это повысит качество его работы. Полиция стоит вообще вне юстиции, у нее другие задачи. Нет никакой надобности сокращать судебную власть дальше. Наиболее важные следственные дела будут переданы участковым судьям. Следствие раздробится, перемешается и замедлится. Надо всё оставить как есть. За эту поправку проголосовало только два человека, против – 25 (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 4–8).

Следующее особое мнение, высказанное Кони, состояло в устройстве следственной части, передаваемой участковым судьям. Обер-прокурор Сената сразу же выступил против возложения на будущих участковых судей следственных функций. В противном случае возникло бы неизбежное замедление, небрежность, смешение и перекрещивание функций судьи, следователя, нотариуса и пристава. Появление двух видов участковых судей (следственного и судебного) приведет население в недоумение. Не проще ли назвать такого работника следственным судьей?

С некоторым раздражением Кони вновь говорил о ненужной (даже безумной) идее передачи следственных функций в полицию. Но если уж сего избежать якобы нельзя, то он придумал такой институт, как судебная полиция, то есть орган, подчиненный исключительно судебному ведомству. Но планы Кони были нереалистичны, и следственные

функции планировали передать в полицию при условии прохождения ее представителями испытания. Далее Кони в ироничном тоне говорил о том, как низшие чины полиции смогут осуществлять предварительное следствие. Полиция совершает множество правонарушений против частных лиц, находится вне ответственности за свои деяния, покрывается ее начальством. Кони вновь приходил к выводу, что надо следствие оставить как единый комплекс и, буде сильно хочется, назвать следователей следственными судьями. Кони лишь один проголосовал за свое предложение, 25 членов комиссии выступили против (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 9–11).

Идея судебной полиции завладела Кони. Под этим видом он пытался «тихой сапой» протащить сохранение судебного следствия. Возвращение следствия в полицию отбросило бы ее в дореформенное время (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 17–18).

Еще одним объектом возражения Кони стал вопрос об организации окружных судов (12-я статья проекта УСУ). Анатолий Фёдорович указывал, что система органов юстиции по новому проекту становилась еще более запутанной. При частичном сохранении судебных полномочий земских начальников оставалась острая необходимость не изменять существующую структуру окружных судов. Кони ставило в тупик предложение о создании в уезде апелляционного суда (выделенного из окружного суда). Он задавался вопросом: сколько же дел будет рассматривать этот суд при одновременном наличии уездного съезда земских начальников? Также бессмысленно было бы объединение этого будущего апелляционного суда со съездом. Создание также уездных и губернских отделений окружного суда, как намекал Кони, выглядело ещё большим безумием. То есть предполагалось функциональную подсудность заменить на территориальную. Ни о какой стройности судебной системы или приближении её к народу говорить не приходилось. Итог его рассуждений был таков: ничего менять не надо. Кони лишь один про-

голосовал за свое предложение, 25 членов комиссии выступили против [14, С. 117–118] (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 12–13).

При обсуждении судьбы мировой юстиции Кони активно выступал за ее сохранение. Так, 15 марта 1898 года он высказал свое особое мнение о сохранении мировой юстиции в крупных городах. Также он настаивал на сохранении ее выборности (вводимая в то время мировая юстиция в Сибири была назначаемой). Кони просил оставить месячный срок для вступления в должность назначенного судьей. Необходимо было сохранить уважение к судебной должности, нужна предварительная подготовка к исполнению полномочий (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 667. Л. 16).

Конфликты по поводу изменения судоустройства и уголовного процесса привели Кони сначала к потере поста обер-прокурора в 1896 году, а затем места сенатора в Уголовно-кассационном департаменте Сената в 1900 году. Враждебные отношения Кони и министра юстиции Муравьева сохранялись вплоть до отставки последнего. В письмах (К. К. Арсеньеву, П. Н. Обнинскому и др.) Кони негативно отзывался о работе комиссии, переживал за судьбу судебных учреждений. Так, в письме к П. Н. Обнинскому в 1899 году он упоминал, что участвовал более чем в 300 заседаниях муравьевской «подтасованной» комиссии, где часто оставался один. Бесцельную ломку хороших учреждений он сравнивал с «изнасилованием первой любви» без возможности ей помочь [7, С. 124–126, 133–134, 150–151; 8, С. 362; 14, С. 121].

5 июня 1899 года комиссия была торжественно закрыта (Кони не присутствовал на заседании и единственный не получил награды, его критические выступления в итоговый отчет комиссии не попали). После рассмотрения в заинтересованных ведомствах (МВД и Минфин проект не поддержали) материалы муравьевской комиссии по реформе судоустройства (42 тома, 4,5 тыс. статей!) в 1901 году поступили в Госсовет. Первоначально проект рассматривался в

Департаменте гражданских и духовных дел, законов, государственной экономики и промышленности, науки и торговли. В департаменте после долгого обсуждения пришли к выводу, что проект реформы судебных учреждений не упрощал их, а запутывал. Одновременно проект обсуждался в Соединенном присутствии департаментов Сената в 1902–1903 гг. и в юридическом сообществе. Наконец, в 1904 году было создано особое совещание во главе с И. Л. Горемыкиным (Галкин-Враский, Сабуров, Икскуль-фон-Гильдебрандт, Голубев, Шидловский, Гончаров, Череванский, Калачов, Бутовский, Платонов, Муравьев, Манухин). После вялого и долгого обсуждения 23 сентября 1905 года проект вернулся в министерство юстиции для перенаправления проекта в Государственную Думу. Фактически же проект был похоронен. Так контрреформаторские планы Муравьева потерпели неудачу [14, С. 128–130] (РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 944. Л. 107; Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–35).

ВЫВОДЫ

Бюрократическая система России породила идею перестройки судебных учреждений для адаптации ее к действующей авторитарной системе. Муравьев пытался сохранить основы судебных уставов с их одновременной модернизацией, что ему не удалось. Созданный план перестройки (адаптации) судебной системы не решил заявленных задач, в том числе не упростил судоустройство, а усложнил бы его. Это заметили другие государственные органы, в том числе Госсовет, которые не дали ходу реформаторским проектам Муравьева. Основной оппонент министра, а по временам единственный, Кони потерпел кадровое поражение и был полностью устранен из любимого Уголовно-кассационного департамента Сената, переведен в Общее собрание Сената. В то же время он приобрел чрезвычайную популярность в образованных группах российских городов. Его стали рассматривать в качестве политика.

Библиография / References:

- 1.Грязнова Т.Е., Язов А.Н. Судебная власть в интерпретации российских юристов конца XIX – XX в. // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 6. – С. 32–34.
- 2.Иванов Ю. «Я люблю суд присяжных и дорожу им...» // Российская Юстиция. – 1994. – № 1. – С. 31–34.
- 3.Илюхин А.В. А. Ф. Кони о суде присяжных // Российский судья. – 2001. – № 8. – С. 40–46.
- 4.Кони А.Ф. О суде присяжных и о суде с сословными представителями. – СПб., 1895.
- 5.Кони А.Ф. Предельный возраст для судей // Судебные речи. – СПб., 1905. – С. 885–902.
- 6.Кони А.Ф. Власть суда в применении наказания // За последние годы. – СПб., 1896. – С. 555–561.
- 7.Кони А.Ф. Собрание сочинение. В восьми томах. Т. 8. – М., 1968.
- 8.Краковский К.П., Соломко З.В. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 5: Судостроительство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года). – М.: Норма, 2020.
- 9.Мальков Б.Н., Щеглов А.Ф. Нравственные уроки судебной реформы // Вестник Российской правовой академии. – 2015. – № 2. – С. 21–25.
- 10.Немытина М.В. Суд в России: 2-я половина XIX – начало XX века. – Саратов, 1999.
- 11.Понихин Ю.М., Игнатенкова И.А. Основные положения дискуссии, развернувшейся при попытке пересмотра судебных уставов в области судостроительства комиссией Н. В. Муравьева // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2006. – №5 (51). – С. 206–212.
- 12.Сорокин А.А. Деятельность комиссии Н. В. Муравьева по реформе местного суда и либеральная общественность в конце XIX в. // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2014. – № 4 (17). – С. 208–217.
- 13.Сорокин А.А. Итоги работы комиссии Н. В. Муравьева по реформированию местного суда в оценках общественности // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. – Нижний Новгород, 2017. – С. 385–395.
- 14.Щедрина Ю.В. Реформирование механизма формирования судейского корпуса в России в конце в конце 1890-х – начале 1900-х годов: проекты комиссии Н. В. Муравьева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-2. – С.115–131.
- 15.Cordin, Carla Anatolij F. Koni (1844-1927) zwischen Herrscher und Volk: Ein liberaler Jurist und seine autobiografische Praxis in Zarenreich und Sowjetunion / Cordin, Carla. – Auflage. Böhlau Köln, 2019. – 447 P.
- 16.Elizabeth Ballantine Koni and the russian judiciary, 1864-1917. / Ballantine Elizabeth: Ph. D. - New Haven. – Yale University, 1986.
- 17.Mark G. Pomar. Anatoly Fedorovich Koni. Liberal Jurist as Moralizer. / G. Pomar Mark. – Pittsburgh 1996.
- 18.Michael Ginsburg. Koni and His Contemporaries / Michael Ginsburg // Indiana Slavic Studies. - I, 1956. - P.54-61.

1.Gryaznova T.E., Yazov A.N. Sudebnaya vlast' v interpretatsii rossiyskikh yuristov kontsa XIX–XX vv. [Judicial Power in the Interpretation of Russian Lawyers of the Late 19th – 20th Centuries]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. – № 6. – 2016. – S.32–34. (In Russ.)

2.Ivanov Y. «YA lyublyu sud prisyazhnykh i dorozhu im...» [«I love jury trial and value it...»]. *Rossiyskiy sud'ya*. – 1994. – №.1. – S.31–34. (In Russ.)

3.Ilyukhin A.V. A.F. Koni o sude prisyazhnykh [A.F. Koni on jury trial]. *Rossiyskiy sud'ya*. – 2001. – №.8. – S.40–46. (In Russ.)

4.Koni A.F. O sude prisyazhnykh i o sude s soslovnymi predstaviteleyami [On trial by jury and trial with class representatives]. – SPb., 1895. (In Russ.)

5.Koni A.F. Predel'nyy vozrast dlya sudey

[Age limit for judges]. *Sudebnyye rechi* = Judicial speeches. – SPb., 1905. – S. 885–902. (In Russ.)

6.Koni A.F. *Vlast' suda v primeneni naka-zaniya* [The power of the court in the application of punishment]. *Za posledniye gody*. – SPb., 1896. – P. 555–561. (In Russ.)

7.Koni A.F. *Sobraniye sochineniye. V vos'mi tomakh. T.8* [Collection essay. In eight volumes. T.8]. – M., 1968. (In Russ.)

8.Krakovsky K. P., Solomko 3. V. *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii: v 9 t. / otv. red. V. V. Yershov, V. M. Syrykh. T. 5: Sudoustroystvo i sudoproizvodstvo v period kontreform i v epokhu burzhuaznykh revolyutsiy (1881 – oktyabr' 1917 goda)* [History of court and justice in Russia: in 9 volumes / otv. ed. V. V. Ershov, V.M. Syrykh. T. 5: Judiciary and legal proceedings in the period of counter-reforms and in the era of bourgeois revolutions (1881 – October 1917)]. – M.: Norma, 2020. (In Russ.)

9.Malkov B.N., Shcheglov A.F. *Nravstvennyye uroki sudebnoy reformy* [Moral lessons of judicial reform]. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy Akademii*. – 2015. – №2. – S.21–25. (In Russ.)

10.Nemytina M.V. *Sud v Rossii: 2-ya polovina XIX - nachalo XX veka* [Court in Russia: 2nd half of the 19th – early 20th centuries]. Saratov, 1999. (In Russ.)

11.Ponikhidin Yu.M., Ignatenkova I.A. *Osnovnyye polozheniya diskussii, razvernulsya pri popytke peresmotra sudebnykh ustavov v oblasti sudoustroystva komissiyey N.V. Murav'yeva* [The main provisions of the discussion that unfolded during an attempt to revise the judicial charters in the field of judiciary by the commission of N.V. Muravyova]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava*. – 2006. – №. 5 (51). – S. 206–212. (In Russ.)

12.Sorokin A. A. *Deyatel'nost' Komissii N. V. Murav'yeva po reforme mestnogo suda i liberal'naya obshchestvennost' v kontse XIX v.* [The activities of the N. V. Muravyov Commission on the reform of the local court and the liberal community at the end of the 19th century]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. – 2014. – №. 4 (17). – S.208-217. (In Russ.)

13.Sorokin A.A. *Itogi raboty komissii N.V. Murav'yeva po reformirovaniyu mestnogo suda v otsenkakh obshchestvennosti* [The results of the work of the commission N.V. Muravyov on reforming the local court in public assessments]. *Narod i vlast': vzaimodeystviye v istorii i sovremennost'*. – Nizhny Novgorod, 2017. – S.385–395. (In Russ.)

14.Shchedrina Yu.V. *Reformirovaniye mekhanizma formirovaniya sudeyskogo korpusa v Rossii v kontse v kontse 1890-kh - nachale 1900-kh godov: proyekty komissii N.V. Murav'yeva* [Reforming the mechanism for the formation of the judiciary in Russia in the late 1890s - early 1900s: projects of the commission N.V. Muravyova]. *Istoriiko-pravovyye problemy: novyy rakurs*. – 2014. – №9-2. – S.115-131. (In Russ.)

ВЛАСОВ Виталий Витальевич, кандидат политических наук, доцент, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: vitaliyy_vlasov@ro.ru, AuthorID: 289250

VLASOV V.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (Russian Federation, Orel), e-mail: vitaliyy_vlasov@ro.ru, AuthorID: 289250

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

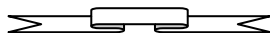
THE INTERACTION OF THE RUSSIAN STATE AND TRADITIONAL RELIGIOUS DENOMINATIONS: HISTORY AND MODERNITY

Аннотация. Целью статьи является выявление особенностей во взаимодействии российского государства и традиционных религиозных конфессий в разные исторические периоды. Автором проанализированы основные модели церковно-государственных отношений, складывавшихся между государством и традиционными религиозными конфессиями на протяжении всей истории нашей страны. Дана характеристика роли Православного Христианства и иных традиционных религий русского и других народов России. Предложены механизмы по оптимизации взаимодействия между органами государственной власти и традиционными религиозными конфессиями для решения задач, стоящих перед Российской Федерацией и, прежде всего, укрепления единства ее многонационального народа перед лицом возникших геополитических угроз.

Ключевые слова: традиционные религиозные конфессии, государственная власть, симфония властей, цезаропапизм, атеизм, идеология.

Abstract. The purpose of the article is to identify features in the interaction of the Russian state and traditional religious denominations in different historical periods. The author analyzes the main models of church-state relations developed between the state and traditional religious denominations throughout the history of our country. The role of Orthodox Christianity and other traditional religions of the Russian and other peoples of Russia is characterized. As a result, the author proposed mechanisms to optimize interaction between state authorities and traditional religious confessions in order to solve the problems facing the Russian Federation and to strengthen the unity of its multinational people in the face of geopolitical threats.

Keywords: traditional religious confessions, state power, symphony of authorities, Caesaropapism, atheism, ideology.

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР в 1991 году Российская Федерация пыталась интегрироваться в западный мир. Наша страна отказалась от коммунистической идеологии, приводя все сферы жизни общества в соответствие с европейскими стандартами. Можно сказать, Россия экономически и идеологически сдавалась Западу. Однако ряд событий сильно изменил отношение значительной части политической элиты и народа. В этой связи усилился запрос на формирование самостоятельного национального проекта, а также его идеологического обоснования. Особую роль здесь могут сыграть религиозные конфессии, традиционно исповедуемые нашим народом. В 90-е годы XX века американский мыслитель С. Хантингтон указывал, что в XXI веке именно религия будет играть значительную роль в противостоянии цивилизаций [9]. Схожие утверждения в то же время разделяли Б. Тиби [10, С. 37] и Д. Мартин [11, С. 103]. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость изучения исторического опыта взаимодействия государства с религиозными конфессиями, традиционно исповедуемыми многонациональным российским народом, для использования их потенциала в решении задач, стоящих перед российским обществом.

Целью нашего исследования является выработка предложений по оптимизации взаимодействия между органами государственной власти и традиционными религиозными конфессиями с учетом исторического опыта многонационального и многоконфессионального народа России.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) исследовать основные модели церковно-государственных отношений, существовавшие в истории России;
- 2) предложить оптимальный механизм координации усилий органов государственной и религиозных властей;
- 3) определить основные направления взаимодействия государства и традиционных

религиозных конфессий в современных условиях.

Методологическую основу исследования составили философские методы и принципы познания – метод сравнительного анализа в сочетании с принципами объективности, историзма, единства исторического и логического, диалектики объективного и субъективного факторов истории, общенаучных исследовательских подходов (системного, структурно-функционального) и общенаучных методов: синтеза, анализа, индукции, дедукции и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Начиная с истоков русской государственности религия играла важную роль в жизни общества. Идеологическим фундаментом, в значительной мере завершившим оформление Древнерусского государства, послужило принятие в 988 году христианства в его восточной (православной) версии. Это было обусловлено тем фактом, что господствовавшее до этого язычество, тесно связанное с кровнородственными отношениями отдельных племенных союзов, не удовлетворяло этой роли. Для укрепления формирующегося государства была необходима религиозная система, обеспечивающая легитимность верховной власти правителя и имеющая надплеменной характер. К этому времени русичи установили контроль над торговым путем «из варяг в греки», который стал экономической основой молодого государства. Он соединял Северную Европу, контролируемую викингами (варягами) с Византийской империей, самым богатым и наиболее культурным государством того времени. Варяги были преимущественно язычниками, поэтому оптимальным вариантом было принятие православного христианства – государственной религии Византии. Это открывало ворота в христианский мир со всеми его достижениями. На Руси появляются сочинения христианской литературы, переводы античных философов, а также создаются собственные

литературные произведения («Повесть временных лет», «Слово о Законе и Благодати» и т. д.).

Важным аспектом византийского влияния являлось восприятие православной концепции взаимоотношения власти и церкви, получившее название «симфония властей». Ее суть состояла в том, что священство (духовная власть) и царство (светская власть) находятся в состоянии синергии, заботясь друг о друге, подобно тому как во Христе органично соединены человеческая и Божественная сущности. В соответствии с указанной концепцией светская и духовная власти, составляя единое целое, имеют преимущество каждая в своей сфере. Первая главенствует в вопросах управления государством, а вторая – в церковных делах. Данная модель отношений государства и церкви сформировалась в Древней Руси с момента принятия христианства, а в дальнейшем перешла и в Московское царство вплоть до царствования Ивана IV Грозного. Это было обусловлено тем, что вначале митрополиты на Руси назначались Византийским патриархом и князьям было довольно сложно полностью контролировать церковную иерархию, так как Древнерусское государство на протяжении всей истории характеризовалось сильными центробежными тенденциями. Более того, с момента установления зависимости русских земель от Монгольской империи, а затем Золотой Орды правители указанных государственных образований, в соответствии с Ясой Чингисхана, оказывали покровительство религиозным организациям, проводя между князьями политику «разделяй и властвуй».

Князья были заинтересованы в поддержке церкви как важном факторе легитимации их власти. Со своей стороны, церковь нуждалась в поддержке княжеской власти, так как принятие новой религии произошло по инициативе княжеской элиты из политических соображений. Что касается обычных людей, то славяне, в отличие от основоположников христианства – евреев и греков, не были книжным народом, и языческие верования,

судя по всему, вполне соответствовали уровню их мировоззрения. Соответственно, церковь в миссионерской деятельности должна была опираться на силовой ресурс, который контролировался князьями. В дальнейшем, после отказа хана Узбека от предложений Ясы Чингисхана, касающихся религиозной терпимости и провозглашения в начале 1320-х годов ислама в качестве государственной религии Золотой Орды, церковные иерархи стали прикладывать усилия, направленные на объединение разрозненных русских земель под властью московского князя.

Сильное влияние на формирование нового взгляда на русскую государственность оказало взятие в 1453 году Константинополя армией османского султана Мехмеда II. На месте православной Византийской империи возникла мусульманская Османская империя. Был уничтожен центр православного мира того времени. Политическая элита и население объединяющихся русских княжеств стали воспринимать себя в качестве последнего оплота православной веры. Московский князь ощутил себя лидером православного христианства, который в глазах русских людей не мог быть чьим-либо данником. Как результат, князь Иван III объединяет большинство русских земель и освобождается от ордынской зависимости по итогам стояния в 1480 году на реке Угре. После этого, женившись на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог, стал называть себя царем, а его внук Иван IV Грозный уже официально венчался на царство. Новое мировоззрение нашло обоснование в политической концепции «Москва – третий Рим», выдвинутой монахом-старцем Филофеем Псковским в двух посланиях – конца 1523 года и начала 1524 года.

В царствование Ивана IV Русское царство стало многоконфессиональным, так как в это время были присоединены Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство. В указанных государственных образованиях доминирующей религией был ислам. На завоеванных землях стала проводиться

политика христианизации, которая имела более терпимый характер, нежели в большинстве государств того времени.

Иван IV отказался от концепции «симфония властей» во взаимоотношениях с церковью, стремясь полностью подчинить ее своей власти и таким образом перейти к цезаропапистской модели государственно-церковных отношений. Предпосылками для этого были:

- обретение Московским царством политической независимости;
- утверждение концепции об особой роли московского самодержца при Иване III;
- окончательное объединение русских земель Василием III;
- подавление знатных аристократических родов Иваном IV.

В этой связи вызывает интерес переписка Ивана Грозного с князем Андреем Курбским. Последний, сбежав к великому князю литовскому, полагал, что воспользовался обычным для того времени правом феодала покинуть своего господина и перейти на службу к другому. Однако в глазах Ивана Грозного это было предательством, так как уход от православного государя был равнозначен религиозной измене и, соответственно, рассматривался как государственное преступление.

Показательным аспектом усиления светской власти стало отстранение от должности в 1568 году и убийство в 1569 году митрополита Московского и всея Руси Филиппа.

Цезаропапистскую модель не удалось реализовать сразу, так как Ивану Грозному наследовал набожный и бездетный Федор Иванович, после которого династия Рюриковичей, правившая Русью на протяжении более чем 600 лет, пресеклась. Земским собором был выбран новый царь – Борис Годунов. Венчание на царство на основании выборов ставило под сомнение его легитимность в глазах современников. В 1589 году в Москве было утверждено патриаршество. Это привело к кризису доверия в отношении светской власти и росту авторитета церкви как объединяющей общенациональной силы. Данная тенденция усилилась в результате гражданского противостояния в период с

1598 по 1613 год, получившего название Смутное время, когда под вопрос было поставлено само существование русского государства.

В итоге в 1613 году на царство был избран представитель новой династии – Михаил Романов. Фактически же власть принадлежала его регенту и отцу – патриарху Филарету, который был соправителем царя и носил титул «великий государь». В правление Алексея Михайловича церковь в лице патриарха Никона открыто бросила вызов царской власти, обосновывая тезис, что «священство выше царства», таким образом пытаясь установить теократическую власть, когда светская власть подчинена духовной (религиозной) и вся жизнь государства и общества основана на религиозном законе. В противостоянии патриарха Никона и царя Алексея Михайловича победу одержал последний. В 1667 году Большой Московский собор осудил и низложил Никона. С этого периода времени начинает утверждаться цезаропапизм, окончательно закрепленный царем Петром I путем упразднения патриаршества в 1721 году. Церковная организация была подчинена Духовной канцелярии, а затем Святейшему синоду, являвшемуся по сути светским органом.

Императрицей Екатериной II были сделаны определенные шаги в направлении религиозных свобод. 17 июня 1773 года она подписала Указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения их по закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам». Данный указ значительно облегчил жизнь российских подданных, принадлежавших к различным религиозным меньшинствам. Более того, он способствовал притоку в Российскую империю христиан-протестантов из Европы.

Со временем в Российской империи сложилась иерархия религиозных конфессий, которая выглядела следующим образом:

- привилегированная конфессия – православное христианство, являвшееся государ-

ственной религией;

- терпимые конфессии – их исповедание разрешалось на территории империи;

- нетерпимые конфессии – запрещенные религиозные культы, некоторые из которых действительно представляли опасность для личности, общества и государства.

Привилегированное положение православного христианства выражалось в том, что российский суверен (царь, император) должен был исповедовать указанную религию и выступать гарантом защиты ее интересов. Выход из православия был запрещен. Православная церковь имела возможность осуществлять прозелитскую деятельность в отношении представителей всех иных религиозных конфессий. В случае заключения брака с иноверцем последний должен был принять православное христианство. Если один из супругов был христианин, он мог продолжать исповедовать свою веру, но дети воспитывались в православии.

Иные христианские конфессии обладали правом проповедовать свои религиозные воззрения в отношении нехристианских религий, но им было запрещено призывать в свою религию православных христиан.

Представители терпимых религий могли исповедовать свою религию и вместе с тем не имели права вести миссионерскую деятельность в отношении христианских конфессий.

Революция 1904–1905 годов привела к тому, что 17 апреля 1905 года император Николай II подписал Указ «Об укреплении начал веротерпимости», по которому отпадение от православия перестало быть уголовным преступлением [см. по 8, С. 104]. Окончательно цезаропапистская модель прекратила свое существование с падением монархии в феврале 1917 года.

Начиная с октября 1917 года в России, а затем в СССР начинает проводиться политика государственного атеизма, которая характеризовалась подавлением религиозных свобод. Образование и иные сферы общественной жизни были пропитаны атеистическим духом. Формально провозглашалось

право верующих на исповедание своей религии, однако в реальности они дискриминировались. Например, занять любую управленческую должность мог только член коммунистической партии, который обязан был придерживаться атеистических убеждений. Вместе с тем отношение к религии менялось на протяжении советской власти. До начала Великой Отечественной войны оказывалось жесткое, в том числе силовое, давление. Священнослужители подвергались репрессиям: уничтожались физически, арестовывались, ссылались и т. д. Храмы, мечети и иные культовые объекты закрывались или переоборудовались в амбары, склады, музеи атеизма и иные светские объекты, не имевшие отношения к религии. Религиозные ценности реквизировались.

Нападение нацистской Германии на СССР вынудило коммунистическое руководство обратиться к патриотическим, в том числе религиозным, чувствам граждан, что не представлялось возможным без опоры на традиционные религии. Было восстановлено патриаршество. Русская православная церковь и иные традиционные религиозные конфессии призвали верующих на защиту своей родины. Собирались средства для помощи армии. После окончания Великой Отечественной войны некоторое время терпимое отношение органов государственной власти к религиозным конфессиям сохранялось.

Ситуация изменилась с приходом к власти Н. С. Хрущева, который обещал «показать последнего попа». Возобновилось давление на религиозные общины, не носившее при этом характер открытого насилия, как это имело место при первых десятилетиях советской власти. Гонения выражались в разнузданной антирелигиозной пропаганде, закрытии храмов и иных объектов религиозного культа, давлении на верующих по месту работы и в образовательных организациях.

После отстранения в 1964 году Н. С. Хрущева от власти репрессии пошли на убыль. Государство официально декларировало атеистическую идеологию, однако если ве-

рующий активно не демонстрировал религиозность, то мог относительно спокойно соблюдать основные положения своего религиозного культа.

Концом политики государственного атеизма, по нашему мнению, можно считать июль 1988 года, когда в СССР торжественно отмечалось тысячелетие Крещения Руси. В условиях теряющей популярность коммунистической идеологии и разлагающегося партийного аппарата органы государственной власти попытались использовать религию в своих интересах. Центральная власть надеялась, что возрождение религиозных чувств можно будет использовать для предотвращения центробежных тенденций, а региональные элиты полагали, что это будет способствовать усилению их позиций. Как показала история, правы оказались последние.

Четыре рассмотренные модели взаимоотношений государства с религиозными конфессиями не обеспечивают свободу совести, то есть права исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой религии вообще. При симфонии властей, теократии и цезаропапизме дискриминируются представители негосударственных религиозных конфессий и атеисты, а при политике государственного атеизма, наоборот, преследуются верующие.

По нашему мнению, право на свободу совести реализуется при двух моделях церковно-государственных отношений, которые можно обозначить как:

- светское государство, равноудаленное от религиозных конфессий. При данной модели государство, гарантируя право граждан на свободу совести, не предоставляет привилегированного правового статуса и не выстраивает особых отношений с какими-либо религиозными конфессиями (США, Франция);

- светское государство с привилегированной (исторической или традиционной) религиозной конфессией. В этом случае гарантируется право на свободу совести, не допускается преследования атеистов и представителей всех религий, за исключением откровенных экстремистов. В то же время поддер-

живаются так называемые исторические или традиционные религиозные конфессии. Они наделяются государственным статусом (Греция, Швеция), или признается их особая роль как исторических конфессий (Польша), или предусматриваются гибкие механизмы финансовой поддержки (ФРГ) и т. д.

Обе указанные выше формы взаимодействия государства и религиозных конфессий имели место в истории постсоветской России.

После распада СССР и становления демократического Российского государства законодательно не выделялся особый статус какой-либо религиозной конфессии. Государство практически устранилось из религиозной сферы жизни общества. Это привело к тому, что в стране появилось множество сект, значительная часть которых носила тоталитарный и откровенно экстремистский характер. На Северном Кавказе экстремистские религиозные организации исламистского толка сыграли большую роль в разжигании гражданского противостояния. Стала очевидной необходимость более широкого взаимодействия государства с религиозными организациями, и прежде всего с традиционными религиями, и прежде всего с традиционными религиозными конфессиями, которые за много веков сосуществования в одном государстве сформировали уникальный опыт, обеспечивающий мирную жизнь в условиях многоконфессионального российского общества.

Переход Российского государства к модели светского государства с привилегированными религиозными конфессиями был ознаменован принятием 26 сентября 1997 года Федерального закона № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [2]. Анализируя указанный закон и иные нормативные правовые акты в рассматриваемой сфере правоотношений, можно сказать, что политика в религиозной сфере жизни стала гораздо более гибкой, учитывающей религиозные и исторические особенности Российского государства. Была закреплена особая роль православного христианства в истории России, становлении ее духовности и культуры. Также задекларировано уважи-

тельное отношение к направлениям христианства, ислама, буддизма, иудаизма, других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Мы полагаем, что из христианских религий это, прежде всего, различного рода старообрядческие толки православного христианства. В Поволжье и в Крыму традиционно исповедуется суннитский ислам ханафитского мазхаба. Для Северного Кавказа традиционной религией является суннитский ислам шафиитского мазхаба в виде различных суфийских братств (тарикатов), таких как кадирийя, накшбандийя и т. д. Ламаистский буддизм (школа Гелуг) неразрывно связан с идентичностью бурятского, тувинского и калмыцкого народов. Еврейские народы на территории нашей страны на протяжении веков исповедовали преимущественно ортодоксальную форму иудаизма. Также некоторые народы России придерживаются традиционных языческих верований. Например, среди марийцев распространено поклонение березовым рощам.

Важным этапом осознания роли, которую сыграли традиционные религиозные конфессии в истории нашей страны, стало внесение в Конституцию РФ статьи 67, где в части второй было закреплено: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [1]. Таким образом, общей идеей, объединяющей многонациональный народ Российской Федерации в политическую нацию, является идея памяти предков и веры в Бога [4, С. 28].

Мы полагаем справедливым, чтобы традиционные религиозные конфессии, неразрывно связанные с историей и идентичностью коренных народов Российской Федерации, играющие важную роль в поддержании национальной культуры российского народа, получали определенную поддержку от государства. Как отмечал С. Н. Булгаков: «...если грядущая Россия, её же ищем, станет стро-

иться без имени Христова, если демократия российская окажется в духовном разрыве со святою Русью, то какую цену она имеет и кому она нужна...» [см. по 5, С. 272]. Тем более традиционные религиозные конфессии, несмотря на длительный период секуляризации, продолжают играть большую роль, так как процент верующих остается довольно высоким. Они обладают большим потенциалом для решения задач, стоящих перед российским обществом.

Поддержка религиозными организациями политической системы повышает легитимность органов государственной власти в глазах верующих. Это могут быть вопросы, связанные с государственными программами в области благотворительности, патриотического воспитания молодежи, работы в армии. В частности, верующие военнослужащие вправе встречаться со священнослужителями, выполняющими функции капелланов. Традиционные религиозные организации организуют детские лагеря (воскресные школы), где по желанию молодые люди получают знания о своей культуре, национальной истории, а также о героических страницах прошлого своей страны.

Религия играет большую роль в формировании мировоззрения человека, что особенно актуально в современных условиях. В ответ на пропаганду Западом своих норм поведения как единственно верных, навязывание гомосексуализма, однополых браков и т. д. Российское государство отстаивает тезис об уникальности каждой цивилизации. В этой связи важна позиция традиционных религиозных конфессий, указывающих на несовместимость ряда пропагандируемых так называемых свобод с положениями общечеловеческой морали, закрепленными в Библии, Коране и других священных писаниях.

Вводимые в отношении нашей страны односторонние (в нарушение норм международного права) ограничения (санкции) влияют и будут влиять на российскую экономику. Указанные меры призваны снизить уровень жизни россиян с целью вызвать нестабиль-

ность в нашем обществе и заставить отказаться от суверенного пути развития. Исторический опыт свидетельствует, что русский народ способен выживать в тяжелейших условиях и значительную роль в этом играли традиционные религиозные конфессии. Православное христианство, ислам, буддизм учат верующих избегать излишеств, отдавать приоритет духовному перед материальным, выбирая свободу. Вне всякого сомнения, ориентация на традиционные религиозные ценности сделает российский народ гораздо более устойчивым перед лицом имеющихся вызовов.

Вместе с тем в трудные времена религиозные конфессии должны прилагать усилия по социальному служению. Так, в самой крупной конфессии нашей страны – Русской православной церкви – в 2017 году в монастырях и приходах действовали более 2900 церковных социальных учреждений, проектов и инициатив; созданы 90 церковных детских приютов более чем для 1,5 тыс. детей; функционировало более 50 центров защиты наркозависимых на одну тысячу человек; более чем в 20 епархиях открыты центры гуманитарной вещевой помощи [7, С. 211]. При этом религиозные конфессии продолжают наращивать деятельность по решению социальных задач, стоящих перед нашим обществом.

Религия обладает интегрирующей и дезинтегрирующей функциями. С одной стороны, она объединяет своих последователей на базе общих ценностей, а с другой – религиозные противоречия могут приобретать фанатичный характер. Если убедить людей, что борьба с врагами санкционирована Богом, то градус жестокости может быть очень высоким. Основной задачей органов государственной власти и традиционных религиозных конфессий в этом аспекте является максимальное усиление интегрирующей функции религии, направленной на формирование общегражданской идентичности россиян, и минимизация дезинтегрирующей, могущей раскалывать российскую нацию. Особое значение это приобрело в настоящее время,

когда для расшатывания политической стабильности внешние силы пытаются разжигать межнациональные и межрелигиозные противоречия. Так, в период частичной военной мобилизации украинские и западные СМИ, а также лидеры общественного мнения, работающие на русскоязычную аудиторию, стали активно проводить мысль о том, что в армию призывают больше представителей определенной национальности, нежели русских. При этом были случаи, когда один и тот же информационный ресурс вначале заявлял, что в основном призываются люди с национальных окраин, а через некоторое время утверждал, что российские власти заботятся исключительно о национальных окраинах и им безразлична судьба русских регионов.

Предпринимаются попытки противопоставить русскую идентичность общероссийской. На сайтах исламских радикалов проводится мысль, что Россия является страной, враждебной исламу, и, соответственно, мусульмане должны уклоняться от службы в Российской армии, противодействуя законным органам власти. В этой связи священнослужители традиционных конфессий отмечают, что Россия является родиной для всех верующих, проживающих на территории нашей страны, а религиозные общины собирают средства воинам и жителям пострадавших регионов. Представители духовенства (христиане, мусульмане, буддисты и т. д.) отправляются в места боевых действий для оказания духовной поддержки нашим воинам.

Настоящим вызовом для будущего нашего народа является демографический кризис. Количество умерших на протяжении нескольких десятилетий превышает число родившихся. Часто приходится слышать, что причиной этого является плохая экономическая ситуация. Вместе с тем статистика свидетельствует, что прямая зависимость в этом случае отсутствует. Уровень жизни в Российской империи или СССР до 60-х годов XX века, когда произошел демографический переход, был ниже, чем в современной Рос-

сии. При этом указанные периоды характеризовались расширенной структурой воспроизводства населения, которое стабильно увеличивалось. Начиная с середины 60-х годов XX века в СССР, а затем в России ежегодно делались миллионы аборт. Мы не считаем целесообразным запрещать или существенно ограничивать право женщины на аборт. Однако необходимо создать все возможные условия как экономической, так и моральной поддержки, чтобы будущие родители ребенка между аборт и отцовством (материнством) выбирали последнее. По нашему мнению, во всех медицинских учреждениях перед проведением медицинской операции, связанной с аборт, родителям следует предоставить возможность побеседовать при наличии у них желания с представителем той религиозной конфессии, к которой они принадлежат, или с психологом, если это касается атеиста.

Значительным вкладом в демографию является деятельность, направленная на поддержку многодетных семей. Каждый приход должен иметь заботу как минимум об одной многодетной семье.

Помимо низкой рождаемости, на демографию сильное влияние оказывает высокий уровень смертности. Органам государственной власти необходимо привлекать представителей традиционных религиозных конфессий для пропаганды здорового образа жизни. Известно, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм негативно относятся к курению и употреблению алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ. Указанную информацию следует доводить до верующих.

Для компенсации демографических потерь наша страна в ближайшее время с неизбежностью будет вынуждена принимать мигрантов, и здесь важным является вопрос их социализации. Поэтому государству следует приложить максимум усилий для их ознакомления с традиционными религиями нашего многонационального народа. Традиционным конфессиям, со своей стороны, нужно выходить за пределы собственных приходов и вести миссионерскую деятель-

ность среди мигрантов с целью удовлетворения их духовных запросов и интеграции в российское общество.

Серьезным вызовом является попытка изоляции России от остального мира. В этой связи необходимо использовать все возможности для минимизации ущерба. Религия может быть довольно эффективным средством в качестве «мягкой силы» в решении внешнеполитических задач. Наблюдая за ситуацией на Украине, можно видеть, что религиозный фактор активно использовался на протяжении истории и в настоящее время, когда с использованием мощи государственного аппарата осуществляются гонения на православных христиан, ориентирующихся на Русскую православную церковь. Эти люди являются «мягкой силой» Русского мира на Украине. Поэтому на освобождаемых территориях важно наладить деятельность православных приходов, что в дальнейшем будет важно для преодоления раскола и восстановления народов России и Украины. В своем докладе на Архиерейском соборе РПЦ 2 февраля 2013 года патриарх Кирилл подчеркнул: «...Церковь нельзя отделить от общества, от народа потому, что большинство населения России, Украины, Белоруссии исповедует православие» [3].

Огромное давление оказывается на Сербию, однако православные узы, связывающие два наших народа, не позволяют разорвать их историческое единство. Несмотря на напряженные отношения между Россией и Грузией, Русская православная церковь и Грузинская православная церковь прилагают большие усилия, направленные на минимизацию указанных негативных явлений.

Следует обратить внимание на то, что многие незападные страны не поддержали санкции, введенные против нашей страны. Это относится ко многим государствам исламского мира, в том числе к нефтяным монархиям Персидского залива. Важную роль в данном случае играют такие деловые и культурные площадки, как Организация исламского сотрудничества. Духовенство и руково-

дители регионов нашей страны, где традиционно исповедуется ислам, активно взаимодействуют с мусульманской уммой за рубежом. Они показывают, что Россия не только христианская, но и мусульманская страна, поддерживающая традиционные ценности и не допускающая оскорбления чувств верующих, где мусульмане чувствуют себя комфортно. Всё это способствует налаживанию экономических отношений с исламским миром. Иудейские организации играют большую роль в поддержании связей России с государством Израиль. Также наше государство является членом Всемирного буддийского альянса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, между государством и традиционными религиозными конфессиями сложились партнерские отношения. Как отметил В. В. Путин: «...если мы говорим об отделении Церкви от государства, то в современных условиях мы должны говорить о другом содержании этой светскости, и она должна заключаться в том, что между государством и религиозными организациями должен установиться совершенно другой режим взаимоотношений – режим партнёрства, взаимной помощи и поддержки...» [6]. Традиционные религиозные конфессии играют большую роль во всех сферах жизни нашей страны, получая в этом поддержку государства. Это не означает дискриминацию и преследование иных религиозных организаций, если их деятельность не противоречит требованиям российского законодательства. Вместе с тем, учитывая многонациональный и многоконфессиональный характер российского общества, необходимо самым жестким образом противодействовать религиозным организациям экстремистского толка и тоталитарным сектам, представляющим опасность для личности, общества и государства.

В заключении можно отметить, что:

1) на протяжении истории нашей страны, последовательно сменяя друг друга, имели место различные модели церковно-

государственных отношений:

- с момента крещения Руси вплоть до царствования Ивана Грозного – «симфония властей», когда светская и религиозная власть поддерживали друг друга, имея преимущество каждая в своей сфере деятельности: светская власть в управлении государством, а религиозная – относительно организации духовной жизни и церковного аппарата;

- с воцарением Ивана Грозного предпринимаются попытки установления цезаропапизма, то есть полного подчинения церкви светской власти. После смерти Ивана Грозного, а затем его сына и последовавшего за этим Смутного времени начинается противостояние цезаропапистской и теократической тенденций. В 1667 году патриарх Никон низлагается и теократическая модель, предполагающая приоритет церковной власти над светской, терпит окончательное поражение. Вплоть до 1917 года в России устанавливается цезаропапизм;

- в период времени с октября 1917 года и по июль 1988 года (год Крещения Руси) государственно-церковные отношения складываются в рамках политики государственного атеизма, характеризующегося подавлением прав верующих;

- с июля 1988 года по сентябрь 1997 года устанавливается модель светского государства, равноудаленного от всех религиозных конфессий, гарантирующего право на свободу совести. Указанный период характеризуется минимальным вмешательством государства в религиозную сферу жизни без выделения так называемых привилегированных конфессий;

- с сентября 1997 года вплоть до настоящего времени формируется модель светского государства с наличием привилегированных (исторических или традиционных) конфессий. Государство, гарантируя право на свободу совести и не препятствуя деятельности всех религиозных организаций, соблюдающих российское законодательство, оказывает поддержку традиционным (историческим) конфессиям, неразрывно связанным с

историей и культурой народов, проживающих в его границах;

2) наиболее оптимальная форма государственно-церковных отношений для нашей страны – светское государство с привилегированными конфессиями. Россия является страной с тысячелетней историей, на территории которой проживает множество коренных народов, не имеющих другой родины. Для них традиционные конфессии являются неотъемлемой частью их национальной культуры и идентичности. В этой связи, гарантируя право всех граждан на свободу совести, следует учитывать особую роль:

- православного христианства в истории нашей страны и ее культуры;
- суннитского ислама ханафитского мазхаба для народов Поволжья и Крыма;
- суннитского ислама шафиитского мазхаба в виде суфийских братств (тарикатов) для народов Северного Кавказа;
- ламаистского буддизма (школа Гелуг) для калмыков, тувинцев, бурят;
- ортодоксального иудаизма для евреев, традиционно проживающих в России;
- некоторых языческих религиозных верований.

Поддержка традиционных религиозных конфессий не должна означать дискриминацию и преследование иных религиозных организаций, если их деятельность не противоречит требованиям российского законодательства. При этом, учитывая многонациональный и многоконфессиональный характер российского общества, необходимо самым жестким образом противодействовать религиозным организациям экстремистского толка и тоталитарным сектам, представляющим опасность для личности, общества и государства;

3) основными направлениями взаимодействия органов государственной власти с традиционными религиозными конфессиями являются:

- укрепление легитимности политической системы;
- благотворительность;
- патриотическое воспитание молодежи;

- работа в армии;
- пропаганда норм общечеловеческой морали;
- противодействие идеологии стяжательства и потребления;
- консолидация российского общества и противодействие межнациональной и межрелигиозной розни;
- укрепление общегражданской идентичности российской нации;
- борьба с демографическим кризисом (популяризация многодетности, крепкой семьи, нежелательности абортов, популяризация здорового образа жизни, адаптация мигрантов);
- противодействие изоляции нашей страны на международной арене (путем объяснения позиции России по ключевым вопросам), среди верующих других стран.

Библиография / References:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета. – 1993. – № 237; СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
2. О свободе совести и религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125 (в ред. от 11.06.2021 № 169-ФЗ) // СЗ РФ. – 1997.
3. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском Соборе Русской православной церкви 2 февраля 2013 года. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/3453393.html> (дата обращения: 20.08.2022).
4. Ливцов В.А., Исаев А.В., Власов Ю.И. Религиозный экстремизм в Орловской области // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11. – № 1. – С. 99–106.
5. Овчинников А.И., Нефедовский Г.В. Взаимоотношения Церкви и государства в свете конституционной поправки с упомина-

нием о «вере в Бога» // Административное и муниципальное право. – 2020. – № 5. – С. 23–37.

6. Прокопенко Е.Е. Тенденции и рубежи взаимовлияния государства и религиозной организации как структурного элемента гражданского общества в современных российских условиях // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – Т. 5. – № 6А. – С. 267–285.

7. Солнышкина М.Г., Миронова Т.Д. Социальное служение РПЦ: взаимодействие институтов государства и церкви в области социальных программ // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 3. – С. 208–215.

8. Стенограмма встречи В.В. Путина со Святейшим Патриархом Кириллом и лидерами традиционных религиозных общин России. [Электронный ресурс]. – URL: <https://http://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html?ysclid=laohj3wn7m631795158> (дата обращения 09.08.2022).

9. Тимофеева А.А. Взаимоотношения Российского государства и церкви: история и современность // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 4 (33). – С. 364–367.

10. Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 576 с.

11. Tibi B. The Challenge of Fundamentalism. Political Islam and the New World Disorder. Berkeley, etc.: University of California Press, 1998.

12. Martin D. The Evangelical Upsurge and its Political implications // The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics / Ed. P.L. Berger. Washington, DC: Ethics and Public Policy Center & Grand Rapids, Michigan B. Ferdmans Publishing Company, 1999.

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [The Constitution of the Russian Federation] (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) s

uchotom popravok, vnesonnykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6–FKZ, ot 30.12.2008 № 7–FKZ, ot 05.02.2014 № 2–FKZ, ot 21.07.2014 № 11–FKZ, ot 14.03.2020 № 1–FKZ // Rossiyskaya gazeta. – 1993. – № 237; SZ RF. – 2020. – № 11. – St.1416. (In Russ.).

2. O svobode sovesti i religioznykh ob'yedineniyakh [On freedom of conscience and religious associations]: Federal'nyy zakon ot 26 sentyabrya 1997 g. №125 (v red. ot 11.06.2021 №169-FZ) // SZ RF. – 1997. (In Russ.).

3. Doklad Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla na Arkhiyereyskom Sobore Russkoy pravoslavnoy tserkvi 2 fevralya 2013 goda [Report of the Patriarch of Moscow and All Rus' Kirill at the Council of Bishops of the Russian Orthodox Church on February 2, 2013]. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/3453393.html> (Data obrashcheniya: 20.08.2022). (In Russ.).

4. Livtsov V.A., Isayev A.V., Vlasov Yu.I. (2016) Religioznyy ekstremizm v Orlovskoy oblasti [Religious extremism in the Oryol region] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – T.11. – №1. – S.99–106. (In Russ.).

5. Ovchinnikov A.I., Nefedovskiy G.V. (2020) Vzaimootnosheniya Tserkvi i gosudarstva v svete konstitutsionnoy popravki s upominayem o «vere v Boga» [Relations between the Church and the State in the Light of the Constitutional Amendment with a Mention of «Faith in God»] // Administrativnoye i munitsipal'noye pravo. – 2020. – №5. – S.23–37. (In Russ.).

6. Prokopenko E.E. (2016) Tendentsii i rubezhi vzaimovliyaniya gosudarstva i religioznoy organizatsii kak struktornogo elementa grazhdanskogo obshchestva v sovremennykh rossiyskikh usloviyakh [Trends and boundaries of mutual influence of the state and a religious organization as a structural element of civil society in modern Russian conditions] // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. – T.5. – №6А. – S.267–285. (In Russ.).

7. Solnyshkina M.G., Mironova T.D. (2019) Sotsial'noye sluzheniye RPTS: vzaimodeystviye institutov gosudarstva i tserkvi v oblasti sotsial'nykh programm [Social service of the Russian

Orthodox Church: interaction between the institutions of the state and the church in the field of social programs] // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. – №3. – S.208–215. (In Russ.).

8. Stenogramma vstrechi V.V. Putina so Svyateyshim Patriarkhom Kirillom i liderami traditsionnykh religioznykh obshchin Rossii [Transcript of the meeting V.V. Putin with His Holiness Patriarch Kirill and leaders of traditional religious communities in Russia]. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/2005767.html?ysclid=laohj3wn7m631795158> (data obrashcheniya 09.08.2022). (In Russ.).

9. Timofeyeva A.A. (2020) Vzaimootnosheniya rossiyskogo gosudarstva i tserkvi: istoriya i sovremennost' [Relations between the Russian State and the Church: History and Modernity] // Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal. – T.9. – №4 (33). – S. 364–367. (In Russ.).

10. Khantington Samyuel' (2017). Stolknoveniye tsivilizatsiy [Huntington Samuel. Clash of Civilizations] / Samyuel' Khantington; [per. s angl. T. Velimeyeva]. – M.: Izdatel'stvo AST. – 576s. (In Russ.).

УДК 273(470.319)''18/19'

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-144-154

ИСАЕВ Алексей Владимирович, кандидат политических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: IsaevLesha@yandex.ru, Author ID: 716259

МАТВИЕНКО Валентина Анатольевна, старший научный сотрудник, кандидат политических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Россия, Елец), e-mail: vamatv@mail.ru, Author ID: 650486

ISAEV A.V., Candidate of Political Science, Docent, Associate Professor of the Department of Civil disciplines and social security, Central Russian Institute of Management – branch of RANHIGS (Russian Federation, Orel), e-mail.ru: IsaevLesha@yandex.ru, Author ID: 716259

MATVIENKO V.A., Senior Researcher, Candidate of political sciences, Associate Professor, Yelets State University (Russian Federation, Yelets), e-mail.ru: vamatv@mail.ru, Author ID: 650486

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАСКОЛЬНИЧЕСТВА И СЕКТАНТСТВА В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

DISTRIBUTION OF DISCHARGE AND SECTANCY IN THE OREL PROVINCE AT THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Аннотация. Цель статьи – исследование отдельных вопросов распространения раскольников и сектантства в Орловской губернии в конце XIX – начале XX веков. В работе акцентировано внимание на причинах, мотивах, локализации такого распространения, взаимоотношениях между различными общинами. На основе анализа материалов «Миссионерского обозрения» и «Орловских епархиальных ведомостей» авторы приходят к выводу, что во главе раскольников и сектантов стояли наиболее энергичные и влиятельные люди. Феномен популярности различных сект и толков среди жителей Орловской губернии был обусловлен и внутренними (поиск правдоискательства, неудовлетворенность повседневной жизнью), и внешними факторами (изменения в политической, социальной или экономической жизни, бедность, физические недостатки, преклонность лет). В зависимости от места проживания раскольники и сектанты были как весьма фанатичными и нетерпимыми, так и более мягкими и уступчивыми по отношению к православной Церкви и её духовенству.

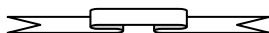
Ключевые слова: сектантство, раскольники, скопцы, Орловская губерния, «Миссионерское обозрение», «Орловские епархиальные ведомости».

Abstract. The purpose of the article is to study certain issues of the development of Schism and Sectarianism in Orel province in the late 19th and early 20th centuries.

The paper focuses on the causes, motives, localization of such distribution, the relationship between different communities. Based on the analysis of the materials of the Missionary Review and the Orel Diocesan Gazette, the authors emphasize that the most energetic and influential people were at the head of the schismatics and sectarians. The phenomenon of popularity of various sects and interpretations among residents of the Orel province was due to both internal (the search for truth-seeking, dissatisfaction with everyday life) and external factors (changes in political, social or economic life, poverty, physical disabilities, old age).

As a result, the authors draw the conclusion that schismatics and sectarians were both very fanatical and intolerant, and more lenient and compliant towards the Orthodox Church and its clergy depending on the place of residence.

Keywords: Sectionalism, schismatics, skoptsy, Oryol Province, Missionary Review, Oryol Diocesan Gazette.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX – начале XX века, несмотря на жесткую правовую регламентацию и запреты [3], уголовное преследование [8], ссылки и строгое тюремное заключение [12], раскольнические и сектантские общины имели широкую популярность в Российской империи. Локализация таких общин по губерниям была дифференцирована по различным причинам.

В этой связи вопросы распространения раскольничества и сектантства, в том числе в Орловской губернии, неоднократно поднимались на станицах «Миссионерского обозрения» и «Орловских епархиальных ведомостей».

Обращение к данной тематике позволит понять границы веротерпимости и предпосылки формирования современной модели российских государственно-конфессиональных отношений [15, С. 58–67].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Весьма обширны и интересны с исторической точки зрения работы Т. И. Буткевича [2], А. Введенского [3], Н. П. Карабчевского [8], А. С. Пругавина [12].

Современных работ по движению раскола и сектантства в России весьма много. Мы остановили свое внимание лишь на некоторых из них. Так, исследовательский интерес представляют работы С. Н. Абакумова, П. О. Горбачева, С. А. Иниковой, О. Г. Курдюмова, Е. С. Матвеевой, А. В. Меркулова, В. В. Мищенко и других [1, С. 53–57; 5; 7, С. 41–59; 9, С. 116–124; 10, С. 194–198; 11, С. 27–34]. Дополняют данную группу исследования Лоры Энгельштейн [16, 17, С. 237–276].

Отдельные вопросы распространения раскола и сектантства в Орловской губернии затронуты в журналах «Миссионерское обозрение» и «Орловские епархиальные ведомости» [4, С. 562–572; 6, С. 421–425; 13, С. 149; 14].

В работе использовался комплекс исто-

рических (проблемно-исторический и историко-системный) и общенаучных (метод библиографического/источникового анализа, системный) методов исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Орловская губерния считалась колыбелью целого ряда направлений сектантства и раскольничества. Этому способствовали следующие факторы.

Во второй половине XVII века Орловский край составлял «окраину» Московского государства. Как отмечал преподаватель Орловской духовной семинарии и миссионер Александр Георгиевский, «...сюда, на границу, подалее от правительственного центра, бежали все, кому почему-либо не жилось на своей Родине, и кто вне ее искал себе вольной волюшки» [4, С. 562–572].

Также поступали и раскольники, «которые скрывались от преследования правительства на Орловской «окраине», особенно в той части, которую охватывали брянские леса. С другой стороны, сами власти иногда ссылали сюда в виде наказания наиболее «упорных и рьяных» обрядоверов. Местом такой ссылки был мужской монастырь в селе Столбове Дмитровского уезда, пограничном с Кромским уездом» [4, С. 563], чем объяснялось преимущественное распространение здесь старообрядчества. Кроме того, некоторые из московских стрельцов, расселенных по разным городам и окраинам Орловской губернии, также придерживались раскола.

Все эти беглые и ссыльные люди, по словам А. Георгиевского, и были первыми «насадителями» своего учения на почве народного невежества [4, С. 564].

Местная обстановка также благоприятствовала успеху пришлых проповедников. Так, со времени закрытия Брянской епархии (около 1500 года) до возникновения в 1764 году самостоятельной епископской кафедры в г. Севске Орловский край в церковном отношении был разделен между разными епархиями, кафедральные города которых (Коломна, Москва, Смоленск,

Рязань и Воронеж) находились от него далеко. Как следствие, отсутствие ближайшего архипастырского надзора и непосредственного влияния епархиальных преосвященных давало простор для пропаганды раскола. Кроме того, приходское духовенство Орловского края, хотя и было близко к местному расколу, однако не могло бороться с ним по своему богословскому невежеству, нравственной заботности и материальной необеспеченности. Об этом свидетельствовал Синоду и преосвященный Кирилл Флоринский, второй епископ Севский (1768–1778 гг.), что сельские священники его епархии почти все совсем ненадежны для увещания раскольников. В духовной семинарии, открытой в Севске в 1778 году и затем (в 1827 г.) переведенной в г. Орёл, долгое время царил латынь; богословы, непобедимые в школьных латинских диспутах, ни слова не знали о русском расколе и в беседах со старообрядцами становились в тупик [4, С. 565]. Распространению раскола в Орловской губернии способствовало и двусмысленное отношение гражданской власти к нему.

Царствование императора Николая I и его преемников с их гражданскими мерами и одновременная с ними духовно-просветительная деятельность орловских архипастырей и приходских пастырей положили конец открытой и усиленной пропаганде раскола старообрядчества в Орловской епархии и ослабили его силу. Однако раскол продолжал существовать, имея свою внутреннюю и внешнюю жизнь [4, С. 565]. Так, на начало 1900-х годов в Орловской епархии насчитывается 3508 душ мужского и 3869 душ женского пола последователей раскола. Всех раскольнических приходов – 35 [4, С. 565]. М. Григорьев также отмечает, что общая численность раскольников-старообрядцев в Орловской епархии в 1899 году составляла до 7737 душ обоего пола. Почти все раскольники принадлежали к следующим согласиям: новопоморскому, федосеевскому, филипповскому, беллоповскому и австрийскому [6, С. 421-425].

Новопоморцы фанатично отстаивали свои взгляды, вели активную пропаганду среди членов Православной Церкви. Так, они нередко склоняли в раскол православных девушек посредством вступления с ними в брак по обрядам своего толка; вошедши в раскольническую семью, православные девушки под влиянием старших членов семьи мужа постепенно охладевали к православию. Филипповцы Орловской губернии широко, но тайно пропагандировали свое учение, используя убеждения, уговоры, денежные подкупы и материальные пособия и сманивая к себе стариков, вдов и детей.

Фанатизм и невежество раскольников Орловской губернии служили причиной того, что все их согласия и толки находились в постоянной непримиримой вражде между собою. Например, филипповцы сначала раскололись на два толка: гуляевцев и ситниковцев, которые, в свою очередь, ещё разделились на осьмокрещенцев и пятокрещенцев, или базинцев и кривошеинцев.

Своей активностью выделялись новопоморские наставники – крестьянин А. Ф. Пахомов и крестьянин С. А. Шмуров, а также филипповский лжеучитель С. Н. Кривошеин.

Как отмечается в «Миссионерском обозрении», Пахомов – человек, до фанатизма преданный расколу, со своими деятельными помощниками Максимом Грязновым, Никифором Разговоровым и Наумом Варнаковым обучают детей односельчан грамоте (но в духе раскола), всячески противодействуют устройству в их деревне школы, заботятся о благоуукрашении своего молитвенного дома, ходатайствуют об отведении для своих единоверцев особого кладбища (и получают на это разрешение) [6, С. 422]. Другой раскольнический деятель – крестьянин села Лужков Дмитровского уезда Шмуров – для возбуждения религиозного фанатизма среди своих единоверцев устраивает торжественные служения в своей молельной, на которые собираются

старообрядцы из всех окрестных деревень во главе с их благословенными отцами. Само богослужение в это время совершается особенно продолжительно – почти всю ночь, причем растворяются окна молельни, откуда слышится на соблазн православным протяжное заунывное пение. По окончании богослужения у Шмурова проходит совет с раскольниками по разным текущим вопросам, причем главное и окончательное решение предоставляется ему самому. При этом он не боится показывать своей веры. Так, например, 19 мая 1899 года Шмуров торжественно совершил крестный ход на огороды и там в присутствии православных отслужил молебен «на засев конопли» [6, С. 423].

Главный руководитель филипповцев Кривошеин также нисколько не стеснялся своих воззрений. В целях прозелитизма он вместе со своим помощником – крестьянином Павлом Шкутовым – разъезжал по сёлам и деревням Орловской епархии, где имелись их последователи, и собирал своих единоверцев, особенно нетвердых в вере, читал им Писание, толкуя его по своему разумению; вместе с тем он вел активную пропаганду и в «православных» селениях [6, С. 423].

Свою активность проявляли и столпы «древнего благочестия» из других местностей. Это, например, тульский начетчик Батов, имеющий огромное влияние на орловских раскольников и снабжающего всех новопоморцев местной епархии своими подпольными изданиями, начетчик из села Поныри Курской губернии, Самохвалов и Надежин из Нижнего Новгорода, к которым раскольники-беспоповцы обращались во всех наиболее важных случаях, жили по их советам и указаниям [6, С. 424].

Таким же авторитетом власти и влиянием в раскольнических общинах, в частности у федосеевцев, обладали «херувимки» или «монашки». Это «девицы из местных крестьянок, воспитываемые в преданности расколу и в духе фанатичной преданности своему согласию на Преображенском

безпоповщинском кладбище в Москве. Там они давали фиктивный обет безбрачия и становились через год «херувимками» и «монашками», изучали науку церковного чтения, письма и пения. Возвращаясь на родину, они играли исключительную роль в делах внутреннего управления федосеевской секты: они следили за направлением отдельных семей и лиц, руководили воспитанием детей своих единоверцев, отправляли у них богослужение и требы, налагали епитимьи, разрешали недоумения» [6, С. 424].

Что касается отношения раскольников к Православной Церкви, то в разных местностях и у разных согласий они были противоположны. Так, филипповцы и федосеевцы проявляли постоянную ненависть и фанатизм в своих отношениях к Церкви и ее духовенству. Они с особенным искусством и энергией противодействовали намерению присоединиться к Православной Церкви – увещевали, угрожали, обещали награды и так далее. В то же время последователи австрийского согласия в отношении к православию внешне нисколько не походили на раскольников: они посещали православные храмы, принимали священника в свои дома, подходили к нему под благословение и о своей принадлежности к расколу никогда открыто не заявляли. Неоднозначным было отношение некоторых беглоповцев Малоархангельского уезда к Церкви и ее служителям: раскольники обращались к приходскому священнику для совершения крещения, брака и погребения; таин же покаяния и причащения, а также священнического благословения от него не принимали и его самого с крестом и святой водой в свой дом не пускали.

Примечательно, что филипповцы, которые, как правило, относились весьма нетерпимо к православию, в деревне Красовке Кромского уезда мирно уживались и совместно трудились с православными (например, обрабатывали землю у Рибоьера за материал, предназначенный

для церковной ограды) [6, С. 424].

Отметим, что по сведениям, собранным епархиальным сектантским наблюдателем от приходов Орловской епархии, в 1901 году всех сектантов-рационалистов и мистиков насчитывалось 245 мужчин и 714 женщин (959 человек). Распространены они были в 68 приходах во всех 12 уездах губернии. В частности: а) штундистов числилось 25 мужчин и 17 женщин в 9 приходах Орловского, Кромского, Малоархангельского, Брянского, Трубчевского и Севского уездов; б) пашковцев – 10 мужчин (женского пола нет) в 3 приходах Орловского, Кромского и Болховского уездов; в) молокан – 7 мужчин и 7 женщин в одном приходе Брянского уезда; г) хлыстов – 92 мужчины и 95 женщин в 6 приходах Ливенского, Елецкого, Брянского и Трубчевского уездов; д) скопцов – 111 мужчин и 595 женщин в 49 приходах [14]. Последние были распространены в Орловском, Мценском, Карачевском, Кромском, Дмитровском, Болховском, Малоархангельском и Ливенском уездах (табл. 1).

Таблица 1 – Статистические данные о количестве скопцов в Орловской губернии (составлено по [14])

Table 1 – Statistical data on the number of eunuchs in the Oryol province (compiled according to [14])

Уезд	Мужчины	Женщины
Орловский	28	230
Мценский	1	15
Карачевский	10	55
Кромской	15	131
Дмитровский	1	32
Болховский	-	4
Малоархангельский	37	104
Ливенский	19	24
Всего		706

В «Миссионерском обозрении» за 1901 год указывается, что скопцы, например,

перед вступлением в секту дают обет употреблять всевозможные средства к тому, чтобы кого-нибудь породить от себя, то есть увлечь кого-нибудь в свою секту per castrationem, и тем самым поддержать ее существование. Каждый из них должен употреблять всю силу фанатизма к исполнению этого обета, и там, где не действуют их убеждения, они употребляют обман и подкуп, а при крайности не пренебрегают и насилием, в особенности так часто поступают родители с малолетними детьми [13, С. 149].

Как следствие, по словам адвоката Н. П. Карабчевского, уголовные дела религиозного характера нередко служили предметом судебного разбирательства [8, С. 236].

Так, в г. Мелитополе (Таврической губернии) в 1876 году в течение продолжительного времени в особом деревянном бараке проходили заседания Симферопольского окружного суда с участием присяжных заседателей по особому делу. Речь шла о лицах разного пола (как правило, женщины), возраста (дети 10–16 лет, большинство – 30–35 лет, старики за 70 лет) и сословия (крестьяне, мещане, купцы), заподозренных в принадлежности к скопческой секте и в распространении этого учения. Кроме того, в Самарском окружном суде обвинение было направлено против шести человек, из которых трое обвинялись в самооскоплении, а двое других – в распространении скопческой ереси. К числу ревностных самооскопителей принадлежали все люди в молодом возрасте: крестьянин Кузьма Сапрыкин 23 лет, брат его Ермолай 26 лет и крестьянка Анна Жукова 30 лет [8, С. 236–255].

Как отмечалось в «Орловских епархиальных ведомостях», физических скопцов насчитывалось всего лишь 45 мужчин и 40 женщин, да и те подверглись оскоплению уже много лет тому назад, в свое время были судимы за это гражданскою властью и оправданы. Все остальные лица, подозреваемые в принадлежности к данной секте, – это только духовные скопцы и скопчихи и притом, главным образом,

женщины – девицы и вдовицы, по бедности, физическим недостаткам, преклонности лет и другим причинам потерявшие надежду на выход замуж и остающиеся в сектантстве до первой возможности вступить в брак; случаев физического оскпления среди них нет, и о них ничего не слышно [14].

Вероучение скопцов, зародившись в Орловской губернии в XVIII веке [11, С. 27–34] (по другой версии – в Тульской) [5], распространилось как во многих губерниях Российской империи (Вятской, Иркутской, Курской, Тамбовской, Якутской и других), так и за ее пределами (Румыния) [7 С. 41–59] и просуществовало до 20-х – начала 30-х годов XX века [16, С. 7; 5].

Штунда и хлыстовщина были занесены в Орловский край с юга России крестьянами, во множестве живущими там на заработках; пашковщина – с севера России, главным образом орловским землевладельцем Н. П. Зиновьевым и служащими в его экономиях крестьянами Владимирской и Тверской губернии; последователями молоканства в Орловской губернии являются лишь немногие крестьяне Рязанской губернии, служащие на Брянском рельсопрокатном заводе [14, С. 1322].

Однако среди коренного населения губернии, исконно отличающегося глубокою преданностью православию, все эти секты мало находят себе последователей, только иногда – среди родных и близких знакомых самих пропагандистов новых вер. Особенно это касается штундистов, пашковцев и молокан: простой народ относится к ним, как к «немолякам», с полным пренебрежением и отвращением. При этом хлыстовщина привлекала истинно православных, но необразованных молодых людей своим показным благочестием, крайним мистицизмом и экстазом [14, С. 1322].

Отметим, что «характеристика рационалистического и мистического сектантства по всем приходам Орловской епархии была представлена Епархиальным Сектантским Наблюдателем в его отчетах за 1897, 1898 и 1899 годы и почти целиком

вошла в печатные отчеты о состоянии и деятельности Орловского Петропавловского Братства за те же годы в «Орловских епархиальных ведомостях» [14, С. 1322].

В качестве новых мест распространения рационалистического *сектантства* в 1900 году явились: деревня Щепетлево прихода села Алешковичи Севского уезда, деревня Георгиевская прихода села Преображенского в Куракине Малоархангельского уезда, деревня Глыбочка прихода села Алешанка Трубчевского уезда, Зиновьевский металлургический завод Кромского уезда и рельсопрокатный завод Брянского уезда [14, С. 1323].

Так, в конце 1899 года в деревне Щепетлево начал заниматься пропагандой штунды местный крестьянин-солдат Афанасий Пантюхов, однако он вскоре уехал в Харьковскую губернию, в Богодуховский уезд; возбужденное же Духовной консисторией по донесению Севского уездного исправника судебное следствие о Пантюхове не нашло достаточных данных для привлечения его к ответственности, поэтому было прекращено. Также последователи штундизма прибыли с юга России: в деревню Георгиевскую в лице местного крестьянина Ильи Липатова и его жены, а также в деревню Глыбочку в лице крестьянина Василия Ляпкина. На Кромском Зиновьевском заводе, в конторе инженера Бари, штундизма придерживался пришлый крестьянин Тимофей Холин, успевший завязать письменные отношения с единоверцами – братьями Зарубиными – крестьянами деревни Кнубри Орловского уезда [14, С. 1324].

Епархиальный сектантский наблюдатель отмечал, что указанные лица, как живущие единицами на далеком расстоянии друг от друга, не устраивали своих молитвенных собраний и чего-либо опасного для Православной Церкви не представляли, тем не менее в предупреждение распространения ими своего учения установлен за ними надзор полиции, а

местным же духовенством предприняты соответствующие миссионерские меры [14, С. 1324].

О сектантах на Брянском рельсопрокатном заводе епархиальный наблюдатель впервые узнал при производстве им следствия о хлыстах в селе Супонево Брянского уезда в январе 1900 года. В августе того же года по поручению епархиального начальства им при участии местного священника Иоанна Феодоровского было произведено следствие на данном заводе, которое показало следующее. Все сектанты Брянского завода – уроженцы не Орловской, а других губерний. Они разделяются на две категории: одни – в количестве 7 мужчин и 7 женщин (три семьи – крестьян Рязанской губернии, Зарайского уезда, деревни Луховичи, Алексея Бурмистрова, его брата Василия и крестьянина деревни Кунаков того же уезда Василия Городенского) – молокане так называемого уклеинского или тамбовского толка; а другие 10 мужчин и 9 женщин (семьи крестьянина Курской губернии, Тимского уезда, деревни Шумакова, Венедикта Федосеева, его брата Адриана, часть семьи их отца Егора, семья крестьянина Могилевской губернии, Чериковского уезда, села Залесовичи, Даниила Тимошенкова и часть семьи мещанки города Конотопа Анастасии Авдеенковой) исповедуют штунд-баптизм [14, С. 1325].

Последователи молоканства не только сами от рождения принадлежали к этой секте и воспитывали в ней своих детей, но и деды и прадеды были той же веры; живя на Бежице, они не занимались пропагандой своей веры и мало ею интересовались. Штундисты же, за исключением многих их детей, родились и крестились в Православной Церкви и долго принадлежали к ней. Венедикт Федосеев стал последователем штундизма в 1888 году в Харькове, жена его Мария Павлова – там же, хотя перекрещена была в 1897 году уже на Бежице (в реке Десне), Даниил Тимошенков – в 1883 году в Киеве, жена его Екатерина Ва-

сильева – в 1887 году там же, Анастасия Авдеенкова – в 1892 году в Киеве [14, С. 1325].

Кроме того, Даниил Тимошенков еще в Киеве за устройство им штундистских собраний в своем доме отсидел один месяц в арестном доме; за повторение этих собраний он был уволен с железнодорожной службы и административным порядком в 1895 году был сослан под надзор полиции в Плоцкую губернию на 5 лет, но чрез 1 год и 3 месяца по всемилостивейшему манифесту вследствие особого прошения его был освобожден. Анастасия Авдеенкова в 1898 и 1894 годах за совращение своих детей в штунду была приговорена Черниговским окружным судом к двухмесячному аресту, хотя потом по апелляции была оправдана Киевской судебной палатой [14, С. 1326].

Епархиальный наблюдатель отмечал, что первым представителем баптизма в Бежице в начале 90-х годов XIX века был начальник чугунолитейной мастерской немец Спонсберг. Он нашел себе единомышленника в другом немце – Феодоре Цымбале – и посодействовал поступлению в мастерскую на службу под его начальство Венедикта Федосеева. Спонсберг и Венедикт Федосеев потом вызвали в Бежицу Даниила Тимошенкова, а затем Анастасию Авдеенкову с ее семьей; переехала сюда и семья отца Венедикта Федосеева. Живя на Бежице, все эти сектанты взаимодействовали главным образом с киевскими штундистами: последних они иногда сами посещали в Киеве или принимали у себя, переписывались с ними (например, Тимошенков – с художником Раевским, известным устройщиком штундистских собраний) и иногда получали от них деньги (Тимошенков получил от своей киевской братии 10 рублей на расходы по подаче прошения на высочайшее имя). Кроме того, Венедикт Федосеев одно время держал у себя на квартире сына проживающего в городе Орле книгоноши Великобританского библейского общества Емельяна Алексева – Петра: оба, по словам Федосеева, были пашковцами [14, С. 1327].

Общались Федосеев и Тимошенков с супоневскими хлыстами (называя их «белоризцами») – они ходили в село Супонево узнать, в чем состоят богослужебные собрания сектантов. При этом и последние интересовались богомолениями заводских штундистов. В результате выяснилось, что между теми и другими нет ничего общего, однако штундисты активно прозелитировали по отношению к супоневским хлыстам: Венедикт Федосеев на святках 1899–1900 г., после разгрома хлыстов в селе Супонево, приютил у себя на время Тимофея Говорова с его женой и матерью и дал Николаю Ивакину одну брошюру штундистского содержания; Тимошенков также снабдил Иосифа Погапкина (или Николая Ивакина) сборником своих духовных стихотворений [14, С. 1327].

Ближе всего оказались отношения заводских штундистов и заводских молокан: и те и другие бывали друг у друга на собраниях. Однако руководителями и устроителями таких собраний были не молокане, а штундисты, при этом сами собрания устраивались по-штундистски в домах не только штундистов, но и молокан; при погребении жены молоканина Василия Бурмистрова читал и объяснял Евангелие штундист Тимошенков. Как следствие, по словам Михаила Бурмистрова, вера штундистов нравилась молоканам.

В целом в отношении заводских штундистов следствием были установлены следующие факты: 1) сектанты публично устраивали свои богомоленные собрания, даже иногда «с преломлением хлеба», а местная полиция не предпринимала никаких запретительных мер, кроме как дознания о них; 2) Венедикт Федосеев, его жена Мария Павлова и Даниил Тимошенков склонили в свою веру прибывших в Бежицу братьев и сестер Венедикта – Адриана, Николая, Харитину и Дарью Федосеевых; 3) последние, особенно Дарья, в свою очередь, склоняли к тому же самому своих родных отца и мать – Егора и

Марию Федосеевых, жену Адриана – Агрипину Федосееву, своих соквартирантов – Матвея и Надежду Померанцевых и Екатерину Семёнову, свою квартирную хозяйку – Наталью Аксикович и Ульяну Авдеенкову; 4) Венедикт и Мария Федосеевы воспитывают трех своих детей в штундизме: Венедикт запрещает своей дочери Вере осенять себя крестным знамением; сын его Евгений, хотя и крещен по-православному, уже штундист (не крещенный по-штундистски); а дочери Вера и Софья совсем никак не крещены; 5) Даниил и Екатерина Тимошенковы семерых своих детей также воспитывают в штундизме; никто из них не крещен по-православному, а один (Михаил) был крещен на Бежице (в реке Болве) по-штундистски; 6) Анастасия Авдеенкова также не воспитывает в православии своих пятерых детей, хотя муж Василий – православный [14, С. 1329].

Ввиду этого Духовная консистория постановила: 1) предписать священникам церкви Брянского завода под руководством и при участии сектантского наблюдателя преподавать всем сектантам пастырские увещания впредь до возвращения их в лоно православия, бдительно вести за ними наблюдение и немедленно доносить епархиальному начальству о каждом новом случае совращения в ересь; 2) просить орловского губернатора о содействии местной полиции причту в прекращении дальнейшего распространения штундизма и молитвенных собраний в домах сектантов, а также об установлении полицейского надзора за проживающими в г. Орле книгоношами Британского библейского общества Емельяном Алексеевым и его сыном Петром, подозреваемых в принадлежности к сектантству; в) просить прокурора Орловского окружного суда о привлечении Венедикта Федосеева, его жены Марии Павловой и Даниила Тимошенкова к ответственности по ч. 1 ст. 196 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года (за склонение в штунду Адриана, Николая, Харитины и Дарьи Федосеевых), а

последних – за проповедание штундизма по ч. 3 ст. 196 того же уложения; 4) попечение об охране малолетних детей штундистов возложить на местный причт и избранных им почетных прихожан; 5) об обстоятельствах настоящего дела донести Св. Синоду [14, С. 1329].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного анализа материалов «Миссионерского обозрения» и «Орловских епархиальных ведомостей» сделаем ряд выводов: во главе раскольников и сектантов стояли наиболее энергичные и влиятельные люди. Феномен популярности различных сект и толков среди жителей Орловской губернии был обусловлен и внутренними (правдоискательство, неудовлетворенность повседневной жизнью), и внешними факторами (изменения в политической, социальной или экономической жизни, бедность, физические недостатки, преклонность лет). В зависимости от места проживания в пределах губернии раскольники и сектанты были как весьма фанатичными и нетерпимыми, так и более мягкими и уступчивыми по отношению к Православной Церкви и её духовенству.

С распространением в народе грамотности и особенно религиозно-нравственного просвещения, проводимой вероисповедной политики активная деятельность анализируемых религиозных течений снижалась.

Библиография / References:

1. Абакумов С.Н. Зарождение старообрядчества в Орловском крае в конце XVII – первой половине XVIII в. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2010. – № 5 (13). – С. 53–57.

2. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. – 2-е изд. – Петроград: И.Л. Тузов, 1915. – 566 с.

3. Введенский А. Действующие законоположения касаясь старообрядцев и сектантов. – Одесса. 1912. – 204 с.

4. Георгиевский А. Краткая история прошлого и общая характеристика современного состояния расколо-сектантства в Орловской епархии в связи с миссией против него // Миссионерское обозрение. – 1901 (январь). – С. 562–572.

5. Горбачев П.О. Секта скопцов в Курской губернии (краткий исторический очерк) // Вестник Краснодарского государственного института культуры. – 2016. – № 2 (6). – С. 7.

6. Григорьев М. Раскол Орловской и Тамбовской епархий в 1898–1899 гг. // Миссионерское обозрение. – 1901 (январь). – С. 421–425.

7. Иникова С.А. Российские скопцы в Румынии (Часть I) // Вестник антропологии. – 2017. – № 3 (39). – С. 41–59.

8. Карабчевский Н.П. Около правосудия. Статьи, сообщения и судебные очерки. – СПб.: 1902. – 480 с.

9. Курдюмов О.Г. Исторические корни возникновения ереси скопцов в Российской империи: влияние Восточно-христианской аскезы // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – Т. 7. – № 4. – С. 116–124.

10. Матвеева Е.С., Меркулов А.В., Захарина В.С. Деятельность миссионерских обществ в сфере образования в XIX – начале XX в. (на материалах Орловской губернии) // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 3. – С. 194–198.

11. Мищенко В.В. Сектантство на территории Орловской губернии в конце XVIII – XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2011. – № 1. – С. 27–34.

12. Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантствомъ (к вопросу о вѣротерпимости). – М.: Типолиграфия товарищества «И.Н. Кушнерев и К», 1905. – 130 с.

13. Поразительное изуверство скопцов // Миссионерское обозрение. – 1901 (январь). – С. 149.

14. Рационалистическое и мистическое

сектанство в Орловской епархии // Орловские епархиальные ведомости. – 1901. – № 31. – 5 августа.

15. Шихер Н.Д. Дискуссии о предпосылках и результатах формирования современной модели российских государственно-конфессиональных отношений // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – Т. 11. – № 2. – С. 58–67.

16. Энгельштейн Л. Скопцы и царство небесное. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 336 с.

17. Engelstein Laura. «Notes». Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale, Ithaca, NY: Cornell University Press, 2018. – P. 237–276.

1. Abakumov S.N. (2010) Zarozhdenie staroobryadchestva v Orlovskom krae v konce XVII-pervoj polovine XVIII v.v. [The origin of the Old Believers in the Oryol region at the end of the 17th-first half of the 18th centuries] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Novye gumanitarnye issledovanija [Bulletin of the Oryol State University. Series: New Humanities Research]. – №5(13). – S.53-57. (In Russ.).

2. Butkevich T.I. (1915) Obzor russkih sekt i ih tolkov, s izlozheniem ih proishozhdenija, rasprostraneniya i verouchenijai s oproverzheniem poslednego [Review of Russian sects and their interpretations, outlining their origin, distribution and dogma and refuting the latter]. – 2-e izd. – Petrograd: I.L. Tuzov. – 566s. (In Russ.).

3. Vvedenskij A. (1912) Dejstvujushhie zakonopolozhenija kasaemo staroobryadcev i sektantov [Current regulations regarding the Old Believers and sectarians]. – Odessa. 1912. – 204s. (In Russ.).

4. Georgievskij A. (1901) Kratkaja istorija proshlogo i obshhaja harakteristika sovremennogo sostojanija raskolo-sektantstva v Orlovsko jeparhii, v svjazi s missiej protiv nego [A brief history of the past and a general description of the current state of schism-sectarianism in the Oryol diocese, in connection with the mission

against it] // Missionerskoe obozrenie [Missionary Review]. – S.562–572. (In Russ.).

5. Gorbachev P.O. (2016) Sekta skopcov v Kurskoj gubernii (kratkij istoricheskij ocherk) [The sect of eunuchs in the Kursk province (a brief historical essay)] // Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo institute kul'tury [Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture]. – №2(6). (In Russ.).

6. Grigor'ev M. (1901) Raskol Orlovskoj i Tambovskoj eparhij v 1898-1899 g.g. [The split of the Oryol and Tambov dioceses in 1898-1899] // Missionerskoe obozrenie [Missionary Review]. – P. 421-425. (In Russ.).

7. Inikova S.A. (2017) Rossijskie skopcy v Rumynii chast' I [Russian eunuchs in Romania, part I] // Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]. – № 3(39). – S.41–59. (In Russ.).

8. Karabchevskij N.P. (1902) Okolo pravosudija. Stat'i, soobshhenija i sudebnye ocherki [Around justice. Articles, communications and judicial essays]. – SPb. – 480s. (In Russ.).

9. Kurdjumov O.G. (2018) Istoricheskie korni vozniknovenija eresi skopcov v Rossijskoj imperii: vlijanie Vostochno-hristianskoj askezy [Historical roots of the eunuch heresy in the Russian Empire: the influence of Eastern Christian asceticism] // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija [Bulletin of State and Municipal Administration]. – T.7. – №4. – S.116–124. (In Russ.).

10. Matveeva E.S. at all (2019) Dejatel'nost' missionerskih obshhestv v sfere obrazovanija v XIX - nachale XXv. (na materialah Orlovskoj gubernii) [Activities of missionary societies in the field of education in the 19th – early 20th centuries (on the materials of the Oryol province)] // Vlast' [Power]. – T. 27. – №3. – S.194–198. (In Russ.).

11. Mishhenko V.V. (2011) Sektantstvo na territorii Orlovskoj gubernii v konce XVIII-XIX vv. [Sectarianism on the territory of the Oryol province at the end of the 18th-19th centuries] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences]. – № 1. – S.27–34. (In Russ.).

12. Prugavin, A.S. (1905) Monastyrskie tjur'my v bor'be s sektantstvom (k voprosu o veroterpimosti) [Monastic prisons in the fight against sectarianism (to the question of religious tolerance)]. – М., – 120s. (In Russ.).

13. Porazitel'noe izuverstvo skopcov [The amazing savagery of eunuchs] //Missionerskoe obozrenie [Missionary Review]. – 1901 (janvar'). – S.149. (In Russ.).

14. Racionalisticheskoe i misticheskoe sektantstvo v Orlovskoj eparhii [Rationalistic and mystical sectarianism in the Oryol diocese] // Orlovskie eparhial'nye vedomosti. № 31 ot 5 avgusta 1901 g. – Orel, 1901. (In Russ.).

15. Shiher N.D. (2022) Diskussii o predposylkah i rezul'tatah formirovanija sovremennoj modeli rossijskih gosudarstvenno-konfessional'nyh odnoshenij [Discussions about the prerequisites and results of the formation of a modern model of Russian state-confessional relations] // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija [Bulletin of State and Municipal Administration]. – T. 11. – № 2. – S.58–67. (In Russ.).

16. Jengel'shtejn, L. Skopcy i carstvo nebesnoe [Skoptsy and the kingdom of heaven]. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – 336s. (In Russ.).

УДК 329.12:141(47)

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-155-164

ОЛОВЯННИКОВА Александра Сергеевна, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, (Россия, Орёл), e-mail: olowjannikowa.alexandra@mail.ru, AuthorID: 1134016

OLOVYANNIKOVA A.S., Orel State University. I.S. Turgenev, (Russian Federation, Orel), e-mail: olowjannikowa.alexandra@mail.ru, AuthorID: 1134016

БОРИСОВ Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru, AuthorID: 663101

BORISOV A.S., PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru, AuthorID: 663101

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРОБЛЕМАТИКИ АДАПТАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ В РОССИИ

HISTORICAL CONDITIONALITY OF THE ADAPTATION'S COMPLEXITIES OF LIBERAL POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES IN RUSSIA

Аннотация: Целью статьи является анализ проблем, возникающих при адаптации положений либерального политико-правового учения к российской действительности. В ходе исследования уделяется внимание историческим особенностям развития либерализма в России, а также анализируют факторы, препятствующие его распространению и утверждению в качестве государственной идеологии. Авторы сопоставляют соответствующий исторический опыт со сложностями, характерными для развития отечественного либерализма в современных реалиях. При осуществлении анализа исторических документов и доктринальных положений, а также феноменов, свойственных современному общественному сознанию, и основных характеристик современной государственной власти, удаётся выявить аспекты либерального учения, наиболее сложные для адаптации в российских реалиях, и причины возникновения подобных трудностей.

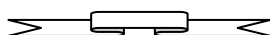
Ключевые слова: адаптация, исторические особенности, либерализм, либеральная мысль, неолиберализм, политико-правовые учения.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the problems that arise in adapting the provisions of the liberal political and legal doctrine to Russian reality.

The authors pay attention to the historical peculiarities of the development of liberalism in Russia, and analyzes the factors that hinder its dissemination and approval as a state ideology. The authors compare the relevant historical experience with the difficulties typical for the development of domestic liberalism in modern realities.

As a result, the authors identify the aspects of liberal teaching that are most difficult to adapt to Russian realities and the causes of such difficulties by analyzing of historical documents and doctrinal provisions, as well as the phenomena inherent in modern public consciousness and the main characteristics of modern state.

Keywords: adaptation, historical features, liberalism, liberal thought, neoliberalism, political and legal doctrines.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в России, несмотря на закрепление либеральных начал в Конституции, законодательных и иных нормативно-правовых актах, не получает распространения и поддержки либеральная идеология, не поддерживаемая среди органов государственной власти и не имеющая опоры в лице сильных институтов гражданского общества. Вместе с тем важность понимания либеральных идей широкими слоями прогрессивного общества нельзя недооценить, в результате чего возникает вопрос о проблемах, препятствующих активному использованию либеральных основ в различных общественных сферах (прежде всего – в политической).

Актуальность нашего исследования обусловлена сложностями в адаптации либеральной идеологии в условиях российской действительности – несмотря на закрепление отдельных либеральных положений в отечественных нормативно-правовых актах, можно отметить, что многие из них носят лишь декларативный характер, сталкиваясь с трудностями, а в некоторых случаях и с невозможностью практической реализации.

Корни проблем восприятия и реализации либеральных положений заложены в историческом развитии России, в формировавшемся на протяжении долгих веков общественном сознании, в специфике российской государственности и исторически сложившихся методах государственного управления, потому особенно важно изучить историческую ретроспективу адаптации либерализма в России. Учитывая данные факторы, можно объяснить сопутствующие трудности, связанные с реализацией защиты прав и свобод человека и гражданина на территории Российской Федерации, медленностью формирования гражданского общества и недостаточностью реформирования организации государственной власти, а также получить более полное понимание проблем и перспектив российского либерализма как политико-

правового учения.

Степень научной разработанности тематики данного исследования выражается в изучении истории российского либерализма такими учёными и исследователями, как В. А. Васильев, С. П. Золотарёв, А. А. Карамурза, В. В. Леонтович, Д. В. Мельник, В. А. Рыжков, С. М. Смагина, С. А. Соболева, К. И. Шнейдер и многие другие.

Цель

Целью нашего исследования является выявление исторически обусловленных причин, вызывающих сложности в адаптации либеральных положений в политико-правовой мысли России, а как следствие, формирующих особенности отечественного законодательства.

Задачи

Выявленная цель исследования достигается путём последовательной реализации следующих задач:

- проанализировать исторические особенности зарождения и становления идей либерализма в России;
- исследовать отличия между «западным» и «русским» либерализмом, обусловленные историческими особенностями российского государственного устройства;
- выявить основные сложности, возникающие в ходе адаптации либеральных идей в России на современном этапе развития;
- отметить либеральные начала, наиболее проблемно адаптируемые в российском обществе.

Методы

В ходе исследования мы применили анализ особенностей исторического развития российских политико-правовых учений, точек зрения на его самобытность, а также анализ специфики либерализма как политико-правового учения, после чего произвели синтез полученных знаний для формирования основных выводов исследования.

Для сопоставления различных периодов развития отечественной политико-правовой мысли и зарубежной либеральной мысли мы задействовали метод сравнения, сравни-

тельно-правовой метод исследования – при изучении нормативно-правовых актов и исторический – при изучении исторического контекста разработки тех или иных доктринальных положений.

Всё исследование проведено с помощью комплексного подхода, включающего в себя систему диалектических и герменевтических подходов и позволяющего более полно исследовать предмет исследования в его постепенном развитии, изменении и взаимосвязи с иными явлениями.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Некоторые исследователи отмечали, что либерализм как политико-правовое учение имеет слишком низкий потенциал для осуществления «социальной сборки», подразумевая, что идеология либерализма не обладает инструментами для выстраивания устойчивых национальных моделей. Этим обстоятельством обусловлен достаточно низкий «спрос» на либеральную идеологию во многих государствах – идеология либерализма полноценно реализуется лишь в 11 % государств земного шара [4].

В этой связи известность и популярность либерализма как политико-правового учения в большей степени обусловлена геополитическими особенностями, нежели фактической распространённостью либерализма как государственной идеологии. Так, либерализм имеет стойкую взаимосвязь с явлением западоцентризма – его можно считать органически подходящим западному устройству мира.

В то же время особенности развития Российского государства предполагают несколько иную специфику менталитета, мировоззренческих взглядов населения, политической организации общества и государства и, соответственно, идеологических положений. В сущности, западоцентристская либеральная идеология вступает в противоречие с отечественным традиционным жизнеустройством.

Следует отметить, что подобный вывод

совершенно не подразумевает, что либеральные начала не должны быть инкорпорированы в российскую правовую мысль, отечественное законодательство и государственное устройство, тем не менее при адаптации данных доктринальных положений приходится сталкиваться со сложностями, непосредственно связанными с российским традиционным – исторически обусловленным – жизнеустройством.

Государственность каждой отдельной страны выстраивается на скрепах, имеющих ярко выраженную индивидуальность. При этом идеология либерализма способна вступить в противоречие с данными скрепами – основополагающими началами.

Как известно, идеология как система ценностных установок позволяет достичь следующих целей: произвести духовное сплочение населения; создать почву для эффективного руководства государственными органами и должностными лицами; направить поведение людей в политической сфере, привлечь к осуществлению значимых политических действий; стимулировать стремление и желание людей быть вовлечёнными в политическую деятельность; осуществить интеграцию социальных групп; преодолеть политический конформизм населения и т.д.

Смена идеологических установок заключается не только в изменении системы законодательства и организации власти – она непосредственно связана с фундаментальными изменениями в сознании людей. Последние не могут происходить стремительно, в особенности если базовые идеологические ценности усваивались с детства и/или на протяжении длительного периода жизни.

В девяностые годы в России произошёл слом привычных идеологических установок – распавшееся союзное государство брало курс на деидеологизацию. Единая идеология отменялась нормативно-правовыми актами Российской Федерации: ст. 13 Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года, прямо предусматривает, что никакая идеология не может являться государственной и общеобязательной. Такое изме-

нение вступало в прямое противоречие с социалистической идеологией, существовавшей в советском государстве.

Несмотря на приобретающий легальный характер процесс деидеологизации, идеология не прекращала существовать в сознании людей, родившихся и живших во времена Советского Союза – в сущности, искоренение подобных идеологических установок требует смены нескольких поколений. На данный же момент они оказывают непосредственное влияние на восприятие различных политико-правовых учений, в частности приобретших идеологические черты за рубежом.

Как нам известно, либеральные ценности как атрибуты западоцентризма воспринимаются людьми, усвоившими основы социалистической идеологии, преимущественно в негативном ключе: сознание россиян советского происхождения вырабатывает предубеждение против либеральных установок, рассматривая их не по существу, а сугубо во взаимосвязи с негативным образом западной государственности, навязанным извне, что, естественно, исключает наличие объективности при рассмотрении доктринальных положений либерализма.

При этом ошибочно утверждать, что либеральная идеология совершенно чужда отечественному сознанию и законодательству. Напротив, в дореволюционные времена она получила наиболее значимые импульсы к своему дальнейшему развитию, однако не смогла получить его в результате резкого прихода к власти большевиков.

Возможно, при более поступательном внедрении либеральные начала нашли лучшее отражение в обществе и в государственной политике – они зародились ещё в XVIII в. и постепенно стали широко известны в рамках противопоставления взглядов «западников» и «славянофилов». В. И. Приленский, И. Ф. Худушина, В. В. Леонтович, отстаивавшие либеральные интересы, адаптированные из зарубежного, преимущественно западного опыта, отмечали, что корни либерализма в российской истории отсутствовали, однако сама природа либерализма

располагала к тому, чтобы он «перенимался» из одной культуры в другую [3, С.575].

Либеральный характер приписывают реформам Петра I и Екатерины II. При этом Пётр интерпретировал полезность либерального учения лишь в контексте экономических, социальных и культурных изменений – вместе с тем «модернизация», осуществляемая первым российским императором, курс на научно-технический прогресс и иные западные заимствования с трудом приживались в обществе с господствующим крепостным правом и абсолютной властью монарха.

Получило идейное развитие отечественное либеральное течение с проникновением идей Просвещения во времена правления Екатерины II, непосредственно интересовавшейся трудами европейских просветителей – в результате императрицей проводилась широко известная на данный момент политика «просвещенного абсолютизма», укрепляющая институт частной собственности и ограничивающая вмешательство государства в деятельность городов и купцов. Вместе с тем такие проявления либерализма касались в первую очередь дворян.

В целом период зарождения либерализма в России характеризуется самым примерным и расплывчатым пониманием сущности данного политико-правового учения – отсутствовало полное понимание важности политических и личных свобод населения, долгое время не имевшего о них представления.

Условно становление идей либерализма в России можно разделить на три этапа:

– начало XVIII в. – труды А. Н. Радищева, в которых либеральные мысли приобрели черты революционно-демократических идей;

– классический: с середины XIX в. – активное формирование либерально-правовой мысли в трудах К. Д. Кавелина и В. Н. Чичерина;

– конец XIX в. – начало XX в. – пик формирования идей отечественного либерализма.

При этом следует учесть, что первый этап в данном случае является сугубо теоретиче-

ским: либеральные идеи не могли найти своего непосредственного отражения при режиме полицейского государства с абсолютной и централизованной властью монарха, поскольку вступали в открытое противоречие с ценностями такого государства и не имели инструментов для реального отстаивания новых политико-правовых взглядов.

Выдающийся труд А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» принято считать первой обстоятельной работой, закреплявшей либеральные идеи как основу социально-политического течения. Примечательно, что некоторые взгляды А. Н. Радищева совпадали со взглядами Екатерины II, например, оба одинаково понимали категорию свободы, обозначали необходимость формирования института частной собственности и гуманизации правосудия.

Тем не менее реализацию либеральных начал А. Н. Радищев видел иначе, чем Екатерина II – проект будущего России, литературно изложенный А. Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву», императрицей был воспринят крайне негативно.

Представляет интерес, что при отвержении либерального – утопического, в сущности – проекта А. Н. Радищева, Екатерина II руководствовалась представлениями о сложности адаптации такого проекта к российским реалиям: надлежало в корне изменить сложившийся в России строй, чтобы его реализовать – в таком случае можно действовать в соответствии со «слепым произволом», игнорируя всё, что было приобретено и накоплено долгим опытом.

Можно отметить, что первые отечественные идеологи либерализма столкнулись с необходимостью адаптировать европейские либеральные идеи под российскую действительность – подобная адаптация вызвала множество сложностей изначально. Русское общество не имело, в отличие от западно-европейского, подходящей почвы для укрепления либеральных идей. В подобных условиях западники усваивали основы либерального политико-правового учения самостоятельно,

после чего искали соратников и обсуждали способы распространения либерализма в России в узких кругах.

Если мы обратим внимание на процесс формирования либеральной идеологии в Европе, то отметим его ярко выраженную особенность – либеральная идеология становилась оппозиционной и оспаривала действия правящих кругов. Иными словами, она противопоставлялась феодализму как социально-экономической системе, вступала с ней в открытую идейную конфронтацию, в то время как в России либеральная мысль развивалась не вопреки феодальным институтам, а в их рамках, что, в свою очередь, делало её менее влиятельной.

Некоторые славянофилы придают российскому либеральному течению более самостоятельный характер, однако, несмотря на дискуссии по данному вопросу, они сходятся с западниками во мнениях касательно самой сущности либерализма как идеологии, зарождающей демократические основы устройства государства и общества, противопоставленной бюрократическому режиму государственного управления и закрепляющей основные свободы и права человека в соответствии с натуралистическими положениями [3, С.576].

Для отечественного либерализма того времени характерны следующие специфические черты:

-во многом религиозный характер в противопоставление атеистичному либеральному учению Европы;

-ориентация на чувственность, в то время как западный либерализм опирался на рационализм и на реальную государственную политику;

-русский либерализм формируется преимущественно философами-теоретиками, а те, в свою очередь, видят сущность либерального течения слишком по-разному.

Не получила широкого государственного одобрения либералистическая идеология и в XIX в. В это время среди населения – в частности, в среде дворянства – появилось понимание важности категорий личных прав и

свобод. В результате начали появляться первые проекты конституционного устройства. К таковым можно отнести проекты реформ М. М. Сперанского, конституционные проекты Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля. Каждый из этих проектов так или иначе сводился к преобразованию абсолютной монархии в конституционную.

Однако Александр I, изначально принимавший курс на реформы, отказался реализовать какие-либо либеральные проекты по преобразованию государственного строя, руководствуясь страхом потерять власть.

В результате на основе постепенно формируемых идей либерализма складывался особый культурный слой российского населения, однако отсутствовали реальные инструменты для реализации либеральных идей в российской действительности, поскольку само государство выступало против коренных преобразований, а население – в частности, дворянство, в наибольшей степени вовлечённое в либеральные идеи – не имело на него рычагов давления.

Наиболее «прикладной» характер либерализм получил лишь в начале XX в. – незадолго до полной смены идеологической парадигмы. Отечественный либерализм начала XX столетия отметал радикальные революционные методы преобразований, набиравшие спрос в связи с распространением социалистического учения, но вместе с тем всё же носил оппозиционный характер, требуя от государства реформирования. Видными деятелями-либералами того времени стали П. Н. Милюков, П. Б. Струве, Б. Н. Чичерин. Наибольший вес приобретала либеральная кадетская партия. Шла разработка основ модели российского правового государства и демократизации власти вплоть до системы сдержек и противовесов ветвей власти и придания ей легитимного характера [5, С.37].

Тем не менее и в данный период, наиболее благоприятный для распространения либеральной идеологии в России, возникают сложности адаптации либерализма в сложившихся российских реалиях. Так, либералы-теоретики предпринимали попытки согла-

совать системы традиционных и либеральных ценностей – на учёт начал конструктивизма делали особенно существенный акцент октябристы.

Конфликт традиционных ценностей, свойственных как российской государственности, так и всему обществу в целом и демократизация страны – преимущественно западного образца – стали одной из причин, по которой либералы не смогли удержать власть наравне с нечётким положением либералов в расстановке политических сил. Западный образец государственного устройства отторгался как инородный. Попытка постепенного реформирования в условиях острых социальных противоречий и проблем не смогла дать нужного результата в сложившемся историческом контексте.

Впоследствии В. И. Ленин оценивал либерализм как контрреволюционную идеологию, неспособную к совершению важных преобразований, к тому же, в сущности, совершенно буржуазную, а в результате неприемлемую на идеологическом уровне и «бесплодную» на практическом уровне

Неудивительно, что в период монотеизма советской идеологии либерализм не мог получить истинного развития: его идеи пресекались властью и не принимались идеологизированным обществом.

В настоящий момент либеральные взгляды также имеют ряд проблем с адаптацией в Российском государстве и обществе – тенденции, прослеженные нами во время анализа ретроспективы, вновь обозначаются и на современном этапе развития России.

Плюралистические взгляды, свойственные либеральному течению, плохо усваиваются в обществе, воспитанном на началах единства и неопровержимости истины, вследствие чего вектор на учреждение единственно верной позиции, точки зрения, линии проведения государственной политики сохраняется даже в условиях официальной деидеологизации общества и государства. В результате даже те основы либерально-правовой мысли, что были восприняты в широких кругах российского населения положи-

тельно, сталкиваются со сложностями на этапе реализации и фактического внедрения в жизнеустройство общества.

Плюралистические начала в государственной политике стали находить своё осознанное отражение в период перестройки. Конструкция плюрализма мнений «в рамках социалистического выбора» изначально представлялась сомнительной, однако вопросы, которые она ставила перед правительственными кругами и обществом, позволяют непосредственно отметить проблемы адаптации либерализма в советском и постсоветском обществе. Так, социалистический плюрализм с трудом мог быть отделён от капиталистического, имеющего в советской идеологии негативную коннотацию, было неясно, на каких политико-идеологических основах зиждется «перестроечный» плюрализм, возникало противоречие между марксистским (а впоследствии ленинским) монизмом и многообразием мнений, свойственным либеральной идеологии [1, С.181].

Политика гласности подрывала авторитет сложившихся социалистических ценностей, в том числе духовных, и способствовала коренным изменениям в общественном сознании, однако данные изменения были постепенными и далеко не во всех слоях населения глобальными. Кроме того, сами по себе они ещё не формировали надёжных инструментов для полноценной, долговременной, стабильной реализации либерального плюрализма.

Здесь же можно отметить сложности с адаптацией такого основополагающего явления, питающего либерализм, как индивидуализм. В европейской философской и политико-правовой мысли он стал активно зарождаться в период Реформации – во времена преодоления жёстких канонов, навязанных католической церковью.

В результате постепенно формировалась система взглядов, согласно которой человек самостоятельно получает возможности для контроля над собственной жизнью и волен сам изменять условия, в которых существует, а значит, наделяется правом выбора. В ре-

зультате, как отмечал психолог Э. Фромм в своём труде «Бегство от свободы», первичные узы, связывающие человека и его чётко обозначенное место в мире, разрываются, человек становится свободнее и приобретает способность проявлять себя как индивидуальная, самостоятельная личность [6, С.53].

С изменениями в мировоззрении, принесёнными Реформацией, изменились и экономические и политические отношения в западном обществе.

Для российского населения индивидуализм долгое время считался явлением, в большей степени получившим негативную коннотацию. Коллективистские начала в организации крестьянской жизни, свойственные населению Древней Руси в период формирования первой российской государственности, постепенно лишь усиливались, упрочняясь с принятием и усилением крепостного права. Без общины как единицы организации общественной крестьянской жизни большая часть населения не могла существовать, поскольку именно община служила компенсаторным механизмом, позволяющим выжить в природных условиях, не предназначенных для продуктивного ведения хозяйства.

В советский период коллективистские начала, привычные для феодальных и зарождавшихся капиталистических отношений в России, несколько деформировались, однако сохранялся сам вектор на коллективизм, не свойственный западным государствам. Уравнивание всего населения в статусе и распределение материальных благ на основе социалистических формул не предоставляло реальных возможностей для продуцирования индивидуалистических начал, не культивировало способов выделения личности среди общей массы. В результате индивидуализм в общественном сознании советского человека приобретал больше сходства с эгоизмом и игнорированием общественных интересов, которые ставились выше личных, что находило непосредственное отражение в системе советского законодательства.

Силу противоречия понятий «коллективизм»/«индивидуализм» нельзя недооцени-

вать: коллективистские начала в прямом смысле превозносят интересы социальной группы/государства над интересами личности (в случае с положениями коммунистической идеологии превозносят интересы трудящихся), что откладывает непосредственный отпечаток на мировоззрение и самовосприятие индивида, служит мотивацией для его поступков, обуславливает «аморфность» личности в условиях неуверенности широких общественных масс, снижает уровень защиты и отстаивания личных интересов, а иногда и возможности осознать данные интересы.

В то же время современное законодательство, например Уголовный кодекс Российской Федерации, выстраивает иную систему интересов, чем в советские времена – первоочередное значение здесь приобретают интересы личности, затем – общества, после чего – государства.

Несмотря на это, переход от коллективистских начал к индивидуальным даётся населению России тяжело, в особенности через призму старших поколений, попавших под существенное влияние социалистической идеологии. В подобных условиях интересы личности поставлены в слабую позицию, а отличаться от общей политической повестки, в представлении общества, становится небезопасно.

Что касается политической расстановки сил, то с момента распада СССР и до настоящего времени в Российской Федерации отсутствует либеральная партия, имеющая вес на политической арене и в достаточной степени соответствующая канонам либерализма как политико-правового учения и политической идеологии. Представленная в Государственной Думе Федерального Собрания РФ Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) считается либеральной лишь формально, не отвечая тем не менее критериям либеральной идеологии.

Достаточно любопытными с точки зрения восприятия населением постсоветской России либерального учения являются данные, полученные Всероссийским центром исследования общественного мнения. Опрос об-

щественного мнения проводился в 2012 году – десять лет назад, однако его результаты представляют интерес и на данный момент для понимания отношения к либеральной идеологии в десятые годы. Данный опрос как раз показал, что лишь 5 % опрошенных ассоциируют либерализм с ЛДПР, в частности с фигурой бывшего главы партии В. Жириновского, что наглядно отражает «нелиберальный» образ партии в глазах общественности.

Как выяснилось в ходе опроса, больше половины респондентов не смогли дать определения слову «либерал» (56 % от общего числа опрошенных). Чуть меньше половины населения (42–43 %) проявили равнодушие к идеям либеральной направленности и к деятельности либеральных политиков в России. Симпатию к либеральной идеологии обозначил 21 % от общего числа опрошенных, следовательно, лишь пятая часть респондентов. Примечательно, что более половины из настроенных к течению положительно – сторонники ЛДПР (52 %), что тем не менее не предполагает «правильности» образа либерализма, выстроенного в восприятии респондентов. Ещё 16 % от общего числа опрошенных воспринимают либеральные идеи негативно [2].

Подобная система ценностей и уровень осведомлённости населения достаточно развитой страны о либеральных взглядах вызывает некоторую настороженность и ещё раз подтверждает тезис о сложностях адаптации либеральной идеологии в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе исследования мы выявили, что трудности адаптации либерального политико-правового учения в России проявляются в следующем:

- противоречия между либеральной идеологией «западного образца» и отечественными традиционными ценностями;
- своеобразие российского менталитета, проявляющегося в трудности восприятия и реализации идей плюрализма мнений, индивидуализма, толерантности и т. д.;

– несистемность отечественного либерализма;

– отсутствие в расстановке политических сил политических партий, в действительности представляющих ценности и позиции либерального учения;

– конформное отношение населения к политике вообще и к либеральным идеям в частности;

– медленно развивающийся институт гражданского общества;

– наличие ярко выраженной приверженности к консервативной идеологии широких слоёв населения, отсутствие гибкости в мышлении, в том числе в политическом;

– отсутствие развитой либеральной культуры в широких слоях населения: непросвещённость об основных либеральных ценностях, некорректное понимание сущности либерализма, низкая правовая и политическая культура российского общества.

Многие из этих трудностей имеют ярко выраженную историческую обусловленность, поскольку:

1. Российский либерализм начал развиваться достаточно поздно (фрагментарно в XVIII в.) – в российском обществе отсутствуют глубокие корни либеральной идеологии, основные либеральные взгляды заимствовались, а потому не принимались «русской почвой».

2. Российский либерализм развивался не как оппозиционная идеология по примеру европейских государств, а в рамках сложившихся феодальных, а позже ранних буржуазных отношений.

3. Либеральные начала деформировались в интересах правящей власти, в частности императоров (политика «просвещённого абсолютизма» Екатерины II). Противоречащие интересам власти либеральные идеи подавлялись.

4. У представителей либерализма в России отсутствовали реальные рычаги давления на власть, потому либеральные идеи в обществе носили в большей степени локальный характер и обсуждались в узких кругах (как правило, дворянства и интеллигенции).

5. В переломный для развития России момент – в 1917 году – либеральная идеология не смогла предложить комплекса эффективных мер и инструментов для формирования будущей государственности, в результате чего власть перешла к более радикальным большевикам, которые впоследствии жёстко подавляли оппозицию, как только та перестала быть удобной для целей большевиков.

6. Коллективистские начала, заложенные в массовом сознании в период существования крестьянских общин, а впоследствии главенство социалистической идеологии пресекали свойственный либеральным взглядам индивидуализм, придавая ему негативную коннотацию.

7. Марксистско-ленинский монизм оказал непосредственное влияние на устойчивое восприятие общественным сознанием одной правящей партии, в результате чего плюрализм в России, корректируемый в интересах государственной власти, так и не смог приобрести истинно либеральный облик.

8. Негативному восприятию либерализма поспособствовал и период перестройки и последующего распада СССР с экономическим кризисом и криминальными тенденциями 90-х годов, вследствие чего либерализм отразился в представлениях старших поколений как синоним анархизма, беззакония и упадка.

Библиография / References:

1. Васильев В.А. «Перестройка» социализма в направлении либерализма // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 1. – С. 178–189.

2. ВЦИОМ. Новости: Либералы в России: борцы за свободы или безответственные болтуны? – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/liberaly-v-rossii-borczy-za-svobodu-ili-bezotvetstvennye-boltuny> (дата обращения: 24.10.2022).

3. Золотарев С.П., Золотарева Т.Н. Возникновение и развитие либерализма в России // Научные ведомости. Серия «История.

Политология». – 2018. – № 3. – С. 573–580.

4. Соболева С.А. Идеология неолиберализма в России: последствия и перспективы // Гуманитарный вестник. – 2015. – № 1. – С. 1–15.

5. Смагина С.М. Российский либерализм начала XX века: теория и практика. Историко-графические сюжеты // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 2. – С. 36–43.

6. Фромм Э. Бегство от свободы [пер. с англ. А.В. Александровой]. – М.: АСТ, 2018. – 288 с.

1. Vasiliev V. A. «Perestroika» of socialism in the direction of liberalism // Socio-humanitarian knowledge. – 2017. – № 1. – p.p. 178-189. (In Russ.)

2. VTSIOM. News: Liberals in Russia: freedom fighters or irresponsible talkers? – URL: [https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/liberaly-v-rossii-borczy-za-svobodu-ili-](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/liberaly-v-rossii-borczy-za-svobodu-ili-bezotvetstvennye-boltuny)

[bezotvetstvennye-boltuny](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/liberaly-v-rossii-borczy-za-svobodu-ili-bezotvetstvennye-boltuny) – (accessed: 10/24/2022). (In Russ.)

3. Zolotarev S.P., Zolotareva T.N. The emergence and development of liberalism in Russia // Scientific Vedomosti. The series «History. Political Science». – 2018. – №3. – p.p. 573-580. (In Russ.)

4. Soboleva S.A. Ideology of neoliberalism in Russia: consequences and prospects // Humanitarian Bulletin. – 2015. – №1. – p.p. 1-15. (In Russ.)

5. Smagina S. M. Russian liberalism of the early twentieth century: theory and practice. Historiographical plots // Humanitarian and legal studies. – 2015. – № 2. – p.p. 36-43. (In Russ.)

6. Fromm E. Escape from freedom [trans. from the English A.V. Alexandrova]. — Moscow: AST, 2018. — 288 p. (In Russ.)

УДК 351.746.1:342.36(47)“1878/1881”

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-165-177

ГРЕБЕНКИН Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, сотрудник, Академия ФСО России (Россия, Орёл), e-mail: angrebyonkin@mail.ru, AuthorID: 539940

GREBENKIN A.N., Doctor of History, employee of Academy of the Federal Security Guard Service (Russian Federation, Orel), e-mail: angrebyonkin@mail.ru, AuthorID: 539940

ЛАРИН Артем Александрович, аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: larin-sm333@mail.ru

LARIN A.A., Postgraduate Student, Central Russian Institute of Management, branch of the RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: larin-sm333@mail.ru

**СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ
ВО ВРЕМЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПОЕЗДОК (1878–1881ГГ.)**

**THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EMPERORS' SECURITY SYSTEM DURING RAILWAY
TRIPS (1878-1881)**

Аннотация. Цель статьи – комплексный научный анализ формирования системы обеспечения безопасности российских императоров во время железнодорожных поездок в 1878–1881 гг. Актуальность исследования определяется необходимостью уточнения причин, способствовавших успеху членов революционной организации «Народная воля», стремившихся убить Александра II, а также конкретизации обстоятельств создания комплексной системы обеспечения безопасности Александра III. В определенной мере выводы исследования представляют ценность для истории отечественного железнодорожного транспорта и транспортной безопасности. Основу работы составляют неопубликованные материалы из фондов Российского государственного исторического архива и Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

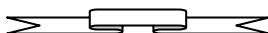
Ключевые слова: Российская империя, Александр II, Александр III, институт государственной охраны, Военная инспекция железных дорог, 1-й Железнодорожный батальон, Л.М. Альбертов, П.А. Черевин.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the development of the Russian emperors' security system during railway trips in 1878-1881.

The relevance of the study is determined by the need to clarify the reasons that contributed to the success of the members of the revolutionary organization “Narodnaya Volya”, who sought to kill Alexander II, as well as to specify the circumstances of the creation of a security system for Alexander III. To a certain extent,

As a result, the authors come to the conclusion that the findings of the study are valuable for the history of domestic railway transport and transport security. The work is based on unpublished materials from the collections of the Russian State Historical Archive and the Manuscripts Department of the Russian State Library.

Keywords: Russian Empire, Alexander II, Alexander III, Institute of State Security, Military Inspection of Railways, 1st Railway Battalion, L.M. Albertov, P.A. Cherevin.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что Александр II и члены его семьи с начала 1870-х гг. активно пользовались железнодорожным транспортом и даже совершали дальние поездки (на юг), какие-либо меры, направленные на обеспечение безопасности высочайших особ во время их путешествий, не принимались. Лишь 10 октября 1878 года были утверждены «Правила о поездках, употребляемых для проезда Высочайших особ по железным дорогам». Согласно данному документу всем железнодорожным обществам и товариществам вменялось «в особенную обязанность всеми зависящими от них мерами содействовать правильному, покойному и безопасному следованию Высочайших особ по состоящим в ведении означенных обществ и товариществ железным дорогам» (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 237. Оп. 1. Д. 32. Л. 1). Главное общество российских железных дорог и общество Московско-Курской железной дороги были должны содержать на Николаевской, Санкт-Петербургско-Варшавской и Московско-Курской железных дорогах вагоны для проезда высочайших особ в исправности и готовности к немедленному отправлению. Чертежи вагонов утверждались министром путей сообщения по соглашению с министром императорского двора и командующим Императорской Главной квартирой, все работы производились за счёт министерства путей сообщения. Надзор за вагонами поручался особым чиновникам, назначавшимся министром путей сообщения. Прочие железные дороги имели право оборудовать особые вагоны для проезда высочайших особ, причем их устройство и ремонт производились на общих основаниях. Скорость следования экстренных поездов, в которых следовали члены императорской фамилии, должна была составлять от 30 до 50 вёрст в час. Расписания их движения утверждались по соглашению с министром императорского двора, командующим Императорской Главной квар-

тирой и министром путей сообщения.

Состав вагонов в поездах для дальних поездок определялся министром путей сообщения по соглашению с министром императорского двора и командующим Императорской Главной квартирой. Их максимальное количество в летний период (с 15 мая по 15 октября) должно было составлять от 12 до 16 шестиколёсных вагонов, а в зимний период (с 15 октября по 15 мая) – от 10 до 14 вагонов. Число вагонов для поездок в окрестностях Санкт-Петербурга определялось «подлежащим железнодорожным управлением в том количестве, какое указано будет в самом требовании о наряде поезда» (РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 32. Л. 3). Каждый поезд предварительно осматривался лицами, назначенными для этой цели министром путей сообщения. Все необходимые исправления и изменения осуществлялись по их указанию. В случае необходимости могли назначаться особые дополнительные поезда, предназначенные для перевозки свиты, прислуги и багажа.

Таким образом, разработанные в 1878 году правила касались исключительно организационных и технических аспектов обеспечения безопасности Александра II и членов его семьи во время железнодорожных поездок. Какие-либо меры, направленные на охрану царских поездов и линий, по которым они следовали, не принимались. Попытка взрыва царского поезда, предпринятая в ноябре 1879 года народовольцами, показала, что железнодорожное полотно и прилегавшая к нему местность, несмотря на наличие большого количества железнодорожных жандармов, охранялись крайне слабо. Примечательно, что данный теракт не повлёк за собой пересмотра принципов обеспечения безопасности царских поездов – в течение всего 1880 года и первой половины 1881 года охрана железнодорожных путей, по которым должен был проехать императорский состав, по-прежнему отсутствовала, хотя полиции было вменено в обязанность регулярно осматривать железнодорожные

пути и помогать Санкт-Петербургскому жандармскому полицейскому управлению железных дорог.

Лишь убийство Александра II 1 марта 1881 года заставило заняться разработкой системы транспортной безопасности как составной части единой службы императорской охраны. В апреле 1881 года Временный совет при Санкт-Петербургском градоначальнике генерал-лейтенанте Н. М. Баранове поддержал предложение Баранова о принятии чрезвычайных мер по охране железных дорог, ведущих из столицы к летним императорским резиденциям. Была образована особая комиссия, в которую вошли тайный советник Е. И. Ламанский, тайный советник О. И. Квист, тайный советник Д. Ф. Кобеко, действительный статский советник Лихачев и уполномоченные от железнодорожных управлений. Комиссия составила проект временных мер, который был рассмотрен и одобрен Временным советом 17 апреля 1881 года, после чего Н. М. Баранов представил данный проект министру внутренних дел генералу от кавалерии М. Т. Лорис-Меликову.

Проектом предусматривались следующие меры временного характера. Общий надзор за каждой железной дорогой возлагался на особое лицо – полицейского инспектора дороги, который назначался Санкт-Петербургским градоначальником. Ему временно подчинялись жандармские управления дороги, городская, пригородная и уездная полиция, а также охранная железнодорожная стража. Необходимость привлечения большого количества людей властно диктовалось объёмом поставленных задач и необходимостью их скорейшего решения. Полицейский инспектор и подведомственные ему структуры отвечали за состояние полотна железной дороги на всём протяжении от Санкт-Петербурга до соответствующей летней императорской резиденции, а также за примыкавшее к ней пространство шириной 100 сажен в каждую сторону и все строения в этой полосе – как государственные, так и частные. Все меры, которые инспектор

намеревался принять, должны были быть согласованы с градоначальником.

В полицейское ведение инспектора дороги переходила железнодорожная прислуга (обер-кондукторы, путевые и переездные сторожа, стрелочники и т. д.). Железнодорожное начальство должно было оказывать ему полное содействие.

Железнодорожных жандармов следовало назначать не из вольнонаёмных, а «из лучших и надёжнейших унтер-офицеров и рядовых из наблюдательного состава корпуса жандармов» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 3). За отличную службу они получали награды по усмотрению градоначальника. Строгая система отбора вводилась и в отношении железнодорожных служащих. Чтобы привлечь на должности сторожей и стрелочников надёжных людей, в период пребывания императора и членов его семьи в летних резиденциях жалование этой категории работников увеличивалось вдвое.

«Ближайший и непосредственный надзор за безопасностью пути и лежащих на пространстве 100 сажен по каждую сторону пути зданий и сооружений» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 4) возлагался на охранную вооружённую стражу, состоявшую из надёжных унтер-офицеров и рядовых. Число стражников определялось Санкт-Петербургским градоначальником. По его усмотрению часть стражи могла быть конной. Стражники размещались в зданиях, расположенных вдоль железнодорожного пути, и должны были обеспечивать постоянный контроль за самим путём и близлежащими строениями. Особое внимание при этом должно было уделяться мостам и проложенным под полотном трубам, которые следовало периодически проверять. Стражники снабжались сигнальными флагами и фонарями.

Для присмотра за стражниками полицейский инспектор назначал наиболее опытных жандармских унтер-офицеров, за каждым из которых закреплялся участок протяжённостью не более 10 вёрст. Проверка деятельности Охранной стражи и тщательный осмотр построек, расположенных вдоль ли-

нии (особенно тех, которые находились в непосредственной близости от железнодорожного полотна), должны были осуществляться не реже 3 раз в месяц самим полицейским инспектором совместно с офицером Отдельного корпуса жандармов и офицером сапёрных войск.

За благонадёжность и действия лиц, проживавших на железнодорожных станциях и в зданиях, расположенных рядом с железной дорогой, отвечали соответствующие железнодорожные управления. Все жильцы должны были быть известны полицейскому инспектору. Помещение на жительство посторонних лиц не допускалось.

Императорские покои, размещённые на станциях, поручались непосредственному надзору полицейских инспекторов. К самим покоям предъявлялся ряд серьёзных требований. Нельзя было допускать, чтобы под покоем размещалось открытое пространство (например, галерея). Подвалы, находившиеся под императорскими покоем, запирались на замки, регулярно осматривались и обязательно проверялись непосредственно перед приходом поезда, в котором следовали высочайшие особы. В этих подвалах могли размещаться на жительство исключительно чины полицейской и жандармской команд. Размещение прочих лиц, а также устройство складов категорически воспрещалось. Все окна и отдушины подвалов должны были быть забраны железными решётками. Эти правила распространялись не только на подвалы, находившиеся непосредственно под императорскими покоем, но и на «прилегающие к ним на пятисажённом во все стороны расстоянии» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 6). Отопление императорских покоев с помощью печей, расположенных в подвалах, следовало постепенно заменить отоплением, расположенным в самих покоем. До этой замены топить печи в подвалах следовало с особыми мерами предосторожности. Когда отопление не действовало, подвалы, в которых размещались печи, закрывались на замки, а двери опломбировывались. Раз в неделю двери открывались для тщательного осмотра под-

валов, после чего закрывались и запечатывались снова.

Серьёзные меры предосторожности принимались относительно мостов и труб, расположенных под полотном. Люки, предназначенные для осмотра постов, должны были запираются с помощью прочных запоров. Трубы с обоих концов забирались крепкими железными решётками. Ключи от замков, на которые закрывались люки и решётки, находились только у дорожных мастеров и местных жандармских унтер-офицеров.

На время прохода императорских поездов запасные пути должны были быть по возможности освобождены от других поездов и вагонов. Если убрать их не представлялось возможности, то пустые вагоны следовало запереть и поручить особому надзору железнодорожной прислуги. Кроме того, в момент проследования императорских поездов «пространство в 15 сажёнов по каждую сторону полотна железной дороги должно быть закрыто для всякого движения как конного, так и пешего, и всё это пространство должно быть совершенно свободно» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 7). Для этого на всех дорогах, шедших как параллельно, так и перпендикулярно рельсовому пути, в местах их приближения к железнодорожному полотну на расстояние менее 15 сажёнов устанавливались шлагбаумы или рогатки. Всё пространство, прилегавшее к железной дороге, на таком же расстоянии очищалось от зарослей кустарника, деревья обрезались, сплошные заборы заменялись решётчатыми оградами, землянки, склады сена, поленицы убирались. Дороги и мосты, пересекавшие рельсовый путь, на расстоянии 15 сажёнов ограждались шлагбаумами и рогатками.

Время и срок применения всех этих правил определялись Санкт-Петербургским градоначальником, «который, заблаговременно сообщая о сем подлежащему железнодорожному управлению, вместе с тем назначает полицейского инспектора и входит с кем следует в сношение об образовании охранной стражи в составе, признаваемом им нужным» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 7 об. – 8).

Параллельно с созданием нормативно-правовых основ транспортной безопасности принимались важные организационные решения. 12 мая 1881 года 1-й Железнодорожный батальон перешёл в подчинение дворцового коменданта, и тогда же ему «была поручена постоянная охрана железнодорожных путей, соединяющих столицу с загородными императорскими резиденциями» [4, С. 261].

13 мая 1881 года Александр III одобрил всеподданнейший доклад министра внутренних дел, в соответствии с которым охрана императора как во время пребывания во дворцах, так и в путешествиях поручалась генерал-адъютанту графу И. И. Воронцову-Дашкову, ставшему первым Главным начальником Охраны. Ему подчинялся полицейский инспектор железных дорог, отвечавший за охрану железнодорожных путей во время следования по ним царских поездов, а также надзор за этими путями «в пределах, определяемых самим назначением учреждаемого надзора» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 9). В подчинение полицейскому инспектору переходили полицейские чины, служившие на вокзалах и на линиях железных дорог, и железнодорожная прислуга. Полицейский инспектор наделялся правом предъявлять связанные с его служебными обязанностями требования к правлениям железных дорог и к частным лицам, проживавшим в пределах 100-саженного пространства по обе стороны от железнодорожного пути.

Новые сообщения о готовившихся террористических актах заставляли принимать дополнительные меры по обеспечению безопасности императорских поездов. В мае 1881 года в Департамент государственной полиции МВД поступили сведения о том, что члены революционных организаций намереваются совершить порчу рельсов на пути следования высочайшего состава. В соответствии с полученной информацией министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев приказал начальнику Санкт-Петербургского жандармско-полицейского управления железных дорог полковнику И. Н. Познанскому

связаться с правлением Главного общества российских железных дорог по поводу усиления надзора на Николаевской железной дороге. Пристальное внимание следовало обратить на рельсовый путь и мосты. В начале июня 1881 года Познанский сообщил, что он налаживает контакт с директором Николаевской железной дороги, но полагает, что предъявленные требования не будут выполнены без содействия министерства путей сообщения. Главным обстоятельством, затруднявшим реализацию намеченных мер, было сокращение количества железнодорожных служащих.

13 июня Главный начальник Охраны граф И. И. Воронцов-Дашков сообщил министру внутренних дел о необходимости привлечения городской полиции к охране стосаженной полосы вдоль участков железных дорог, находившихся в черте города. 30 июня граф Н. П. Игнатьев в ответном письме сообщил, что согласен с данным предложением и уже отдал соответствующие распоряжения Санкт-Петербургскому градоначальнику.

В тот же день директор Департамента государственной полиции МВД В. К. Плеве сообщил графу И. И. Воронцову-Дашкову, что министерство путей сообщения ещё в марте предложило Совету управления Главного общества российских железных дорог отдать немедленные распоряжения о введении на Николаевской железной дороге всех необходимых мер безопасности. Согласно уведомлению товарища министра путей сообщения А. Я. Гюббенета «в настоящее время на Николаевской дороге частию уже приведены, а частию приводятся в исполнение следующие меры к ограждению дороги от злоумышленных покушений, предложенные начальником жандармско-полицейского управления» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 21). Все расположенные вдоль дороги нежилые постройки (склады, амбары и т. д.) были «поручены особому надзору благонадежных агентов, под личной их ответственностью» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 21 об.). Подвалы станционных зданий были освобождены от хранившихся там вещей,

все перегородки снесены, окна забраны решётками либо заложены кирпичом, жилые помещения отделены от нежилых стенами, двери заперты, ключи от замков переданы станционным жандармам. Жилые помещения в подвалах, согласно данным ранее указаниям, были предоставлены чинам жандармерии и полиции. Подвальные помещения, находившиеся непосредственно под императорскими покоями, были полностью освобождены и заперты. Галереи и пространства, расположенные под станционными платформами, были очищены, входы в галереи закрыты на замки. Из жилых будок, расположенных вдоль линии, были выселены все посторонние лица. Телеграфистам вменялось в обязанность немедленно сообщать станционным жандармам о телеграммах, содержание которых казалось им подозрительным. Директор Николаевской железной дороги в свою очередь сообщил, что им дополнительно «представлены сообщения об увеличении стражи вдоль пути, равно как и назначении особых сторожей при всех мостах и трубах, находящихся на дороге» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 24).

В августе 1881 года была образована первая в отечественной истории единая структура, занимавшаяся обеспечением безопасности императора – Охрана Его Императорского Величества (далее – Е. И. В.). В её состав вошла Железнодорожная инспекция, отвечавшая за охрану железнодорожных путей во время следования императорских поездов. Она состояла из военного инспектора железных дорог, назначавшегося из числа штаб-офицеров инженерных войск, чиновника особых поручений, секретаря и писаря. Военному инспектору подчинялся железнодорожный батальон, «мобилизованный, применяясь к штатам, объявленным в приказе по военному ведомству 1876 года за № 231» (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 58. Раздел II. К. 139. Д. 17. Л. 3 об.).

20 августа 1881 года были приняты к руководству «Правила при следовании императорских поездов». Все лица, находившиеся в

императорских поездах, и их прислуга снабжались особыми билетами за подписью Главного начальника Охраны Е. И. В. генерал-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова. Без этих билетов в поезд никто не допускался. Из числа чинов министерства путей сообщения и служащих на частных железных дорогах на императорские поезда допускались лишь старший инспектор всех российских железных дорог и управляющие теми дорогами, по которым следовал поезд. Из чинов жандармско-полицейских управлений железных дорог на поезда допускались лишь их начальники. Императорский поезд должны были сопровождать военный инспектор железных дорог подполковник Л. М. Албертов (Альбертов), начальник тракции (службы тяги. – **А. Г., А. Л.**), старший машинист 1-го Железнодорожного батальона, кондукторская смена от этого же батальона, один обер-кондуктор от дороги следования, паровозная прислуга от дорог следования (машинист, его помощник и кочегар) и назначенные из числа чинов 1-го Железнодорожного батальона смазчики, слесари, осмотрщики и прочие рабочие. Начальники участков или дистанций сопровождали поезд на протяжении своей дистанции, находясь в вездущем паровозе.

В начале сентября 1881 года был составлен проект инструкции военному инспектору железных дорог. Согласно данному документу, должность военного инспектора учреждалась «с целью распространения всесторонней охраны на железных дорогах как на пути, так и на императорских поездах» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 10). Он отвечал за принятие необходимых мер безопасности на железной дороге и относившихся к ней сооружениях, а также в пределах 100-саженной полосы по каждую сторону пути, в том числе в отношении находившихся там частных строений. Военному инспектору непосредственно подчинялись железнодорожный батальон, предназначенный для охраны пути, путевых сооружений, «а также для управления движением императорских поездов» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об.), жан-

дармское полицейское управление соответствующей дороги и полицейские учреждения, расположенные вдоль охраняемой линии. Он имел право отдавать чинам железнодорожного батальона непосредственные распоряжения и личные указания, касавшиеся вопросов охраны пути и путевых сооружений, а также движения императорских поездов, содержания их подвижного состава и деятельности мастерских батальона. Правлениям и управлениям железных дорог военный инспектор мог указывать на обнаруженные им нарушения постановлений министерства путей сообщения, которые могли привести к возникновению угрозы охраняемому пути и сооружениям. Правительственная инспекция железных дорог должна была оказывать инспектору надлежащее содействие. Жандармско-полицейским управлениям железных дорог военный инспектор отдавал распоряжения, касавшиеся надзора за личным составом железнодорожных служащих дороги следования высочайшего поезда, а также за всеми помещениями и сооружениями, находившимися в полосе отчуждения. От городской полиции и исправников инспектор требовал принятия следующих мер безопасности: 1) сбора точных сведений о лицах, проживавших в пределах 100-саженной полосы вдоль железнодорожного полотна; 2) оформления их прописки; 3) наблюдения за питейными заведениями и гостиницами; 4) оповещения жителей населённых пунктов, расположенных вдоль железнодорожного пути, о соблюдении ими правил, относившихся к неприкосновенности железнодорожных путей и сооружений, проходу, проезду или прогону скота через пути, проходу под железнодорожными мостами; 5) наблюдения за подёнными рабочими, которых нанимало управление железной дороги.

В проекте инструкции жандармско-полицейским управлениям железных дорог отмечалось, что они должны были иметь точные сведения о степени политической благонадёжности всех служащих тех железных дорог, по которым следовал императорский поезд. Ни один человек не мог быть

допущен не только к службе, но и к подённой работе без тщательной предварительной проверки силами жандармско-полицейского управления и выдачи соответствующего удостоверения. Железнодорожные жандармы должны были обеспечить постоянное наблюдение за деятельностью мастерских. Подвальные этажи зданий и сооружений, находившихся вблизи дороги следования, ни в коем случае нельзя было отводить под квартиры вольнонаёмных служащих или склады; в крайних случаях там располагались на жительство чины жандармско-полицейских управлений или 1-го Железнодорожного батальона. Окна свободных помещений забивались железными решётками, а входы в них забивались наглухо. Чины управлений должны были тщательно осматривать все жилые помещения и постройки, размещённые в полосе отчуждения. Ключи от императорских покоев находились у старшего жандармского унтер-офицера, вход туда для уборки и ремонта допускался лишь в его присутствии. Ко времени проследования императорского поезда железнодорожные жандармы удаляли со станции всех посторонних и принимали меры по освобождению соседних путей от паровозов и вагонов. Для того чтобы быстро провести в жизнь все намеченные меры, железнодорожным жандармам рекомендовалось «...благоразумными и осторожными действиями гг. офицеров... приобрести в составе железнодорожных служащих вполне преданных и расторопных тайных агентов...» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 17 об.).

Принятые меры были более чем своевременными. Как отмечают Б. Н. Григорьев и Б. Г. Колоколов, «летом и осенью 1881 года в канцелярию Черевина (товарища министра внутренних дел, с 3 сентября 1881 года – Главного начальника Охраны Е. И. В. – А. Г.) поступило несколько тревожных сигналов о готовящихся покушениях на царя во время его передвижения по стране по железной дороге» [1, С. 647]. В одном из сообщений говорилось о том, что революционеры планировали взорвать царский вагон. Роль исполнителя отводилась человеку, который

должен был устроиться на железную дорогу в качестве смазчика колёс. Однако военный инспектор Л. М. Альбертов убедил производившего расследование капитана Г. П. Судейкина, что совершить теракт подобным образом невозможно ввиду назначения поездной прислуги исключительно из состава чинов 1-го Железнодорожного батальона, проходивших особую проверку, а также выставления оцепления вокруг поезда во время остановок.

2 октября 1881 года новый Главный начальник Охраны Е. И. В. генерал-майор Свиты П. А. Черевин предложил министру путей сообщения К. Н. Посьету возложить паспортный контроль в отношении лиц, служивших на железных дорогах либо проживавших в прилегающей к ним местности, исключительно на чинов жандармско-полицейских управлений железных дорог, вместо того чтобы распределять обязанности, связанные с его осуществлением, между местной полицией или становыми приставами, администрацией дорог и железнодорожными жандармами. Из-за значительного расстояния между железными дорогами и становыми квартирами, в которых прописывались паспорта, сведения о лицах, подлежащих полицейскому наблюдению, часто поступали с запозданием. Поэтому при каждом начальнике отделения жандармско-полицейского управления железных дорог следовало учредить паспортный стол в составе писмоводителя и писца (писцов). В течение октября железные дороги представили Главному начальнику Охраны свои соображения по поводу нового порядка осуществления паспортного контроля.

27 октября П. А. Черевин уведомил К. Н. Посьета о том, что начальники вызываемых для охраны железных дорог воинских частей «входят неминуемо в столкновение с чинами технической и жандармско-полицейской частей» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 35) ввиду отсутствия четкой регламентации полномочий и разграничения сфер компетенции. Черевин предложил выработать подробную инструкцию по охране императорских поез-

дов. Она должна была быть составлена особой комиссией в составе представителей военного ведомства, министерства путей сообщения и Отдельного корпуса жандармов при участии военного инспектора железных дорог. В качестве представителя министерства путей сообщения Главный начальник Охраны предложил назначить помощника правительственного инспектора Николаевской железной дороги статского советника барона А. Ф. Таубе. Проект данного документа под названием «Инструкция для охраны пути на случай проезда государя императора» был составлен генерал-адъютантом графом Э. И. Тотлебенем. Сама комиссия по приказанию управляющего военным министерством была образована при Главном штабе. Её возглавил помощник начальника Главного штаба генерал-майор Свиты М. Ф. Миркович. В ноябре от Генерального штаба в состав комиссии вошел помощник заведующего передвижением войск по всем железным и водяным путям империи генерал-майор Н. М. Головин, от Охраны Е. И. В. – начальник Санкт-Петербургского жандармско-полицейского управления железных дорог полковник И. Н. Познанский и командир 1-го Железнодорожного батальона полковник Л. М. Альбертов. Комиссия начала работу в кабинете генерала М. Ф. Мирковича в Главном штабе 13 ноября 1881 года.

В комиссии был рассмотрен новый проект инструкции военному инспектору железных дорог. На инспектора возлагались следующие обязанности: 1) постоянное наблюдение за состоянием императорских поездов; 2) отдача приказаний о техническом осмотре этих поездов; 3) представление на утверждение Главного начальника Охраны результатов этого осмотра в случае выявления необходимости осуществления каких-либо ремонтных работ; 4) осмотр и проба отремонтированного подвижного состава; 5) взаимодействие с железными дорогами по вопросам использования принадлежавших им императорских поездов; 6) своевременное взаимодействие с правительственными инспекциями и управлениями дорог по поводу

составления маршрутов высочайших путешествий; 7) поддержание связи с местными жандармско-полицейскими управлениями железных дорог и иными структурами, на которые могли распространяться распоряжения об охране пути следования императорского поезда; 8) командирование в случае необходимости на основании распоряжения Главного начальника Охраны чинов 1-го Железнодорожного батальона на железные дороги для ознакомления с местными условиями; 9) исполнение особых обязанностей в случае его нахождения в императорском поезде. Был вычеркнут пункт о личном сопровождении инспектором царского поезда по тем дорогам, которые вели в императорские резиденции и на которых были расположены чинов 1-го Железнодорожного батальона.

Военный инспектор осуществлял контроль за состоянием подвижного состава императорских поездов с помощью чинов 1-го Железнодорожного батальона либо агентов-техников дороги, а также иными способами по усмотрению Главного начальника Охраны. В случае обнаружения неисправности подвижного состава военный инспектор составлял их описание с указанием стоимости ремонтных работ, а затем представлял подготовленные документы Главному начальнику Охраны, который определял, каким образом следует осуществить ремонт. По окончании ремонта инспектор вновь осматривал подвижной состав с помощью чинов 1-го Железнодорожного батальона или агентов-техников.

Согласно первоначальному варианту инструкции в случае, если император желал воспользоваться подвижным составом, не находившимся в ведении 1-го Железнодорожного батальона, инспектор должен был связаться с управлением той дороги, которой он принадлежал. После этого управление приводило паровозы и вагоны в полную исправность, назначало на них слесарей, смазчиков и сцепщиков, а затем передавало состав на ту дорогу, по которой должен был проследовать император. Однако комиссия сочла неудобным назначать в императорский

поезд временную прислугу, ввиду того что она не могла успеть ознакомиться с особенностями устройства подвижного состава.

Военный инспектор должен был взаимодействовать с инспекциями и управлениями железных дорог по поводу составления маршрутов следования императорского и дополнительного поездов на основании данных, полученных им от Главного начальника Охраны. Комиссия включила в данный пункт условие, согласно которому это взаимодействие должно было быть налажено по возможности заблаговременно, так как согласование графиков движения поездов требовало времени. Готовые проекты передавались на утверждение Главного начальника Охраны.

Военный инспектор был обязан лично сопровождать императорский поезд по тем дорогам к пригородным резиденциям, на которых был расположен 1-й Железнодорожный батальон. Руководствуясь распоряжениями Главного начальника Охраны, он распределял чинов батальона по маршруту следования. Непосредственная расстановка чинов как 1-го Железнодорожного батальона, так и пехоты и кавалерии вдоль рельсового пути и на станциях осуществлялась железнодорожными жандармами совместно с начальниками дистанций или дорожными мастерами.

Поезд должны были сопровождать: лицо, командированное от министерства путей сообщения, правительственный инспектор дороги, начальник жандармско-полицейского управления железных дорог, директор или управляющий дорогой, поездная прислуга (обер-кондуктор и кондукторы) от дороги следования, техническая прислуга (слесари, осмотрщики, смазчики и т. д.) от дороги – собственности поезда. Представитель от министерства путей сообщения назначался самим министром. На паровозе были обязаны находиться начальник участка службы пути, начальник участка службы тяги, обер-машинист, а также паровозная прислуга от дороги следования – машинист, его помощник и кочегар. Свитский поезд сопровождали: лицо, командированное от министерства путей сообщения, помощник правитель-

ственного инспектора дороги, жандармский офицер по назначению начальника жандармско-полицейского управления железных дорог, лицо, заведующее поездом от управления дороги. На паровозе находились: агент службы пути, агент службы тяги, паровозная прислуга от дороги следования, поездная прислуга от дороги следования, техническая прислуга от дороги, которой принадлежал поезд.

При нахождении в императорском поезде в пути следования военный инспектор следил за тем, чтобы все осмотрщики, слесари и смазчики имели удостоверения об их благонадёжности, подписанные управляющим, инспектором и начальником жандармского управления той дороги, в собственности которой находился подвижной состав, а оберкондукторы, кондукторы, машинисты, помощники машинистов и кочегары – удостоверения за подписью тех же должностных лиц дорог следования. Комиссия особо отмечала, что обер-кондуктор и тормозные кондукторы должны были назначаться от дороги следования поезда. И если тормозных кондукторов по соображениям охраны можно было назначать от дороги-собственницы, то в отношении обер-кондуктора никаких исключений не допускалось, так как он должен был брать пропуск при проходе станций и по этой причине должен был быть хорошо знаком с особенностями организации движения на дороге.

Военный инспектор наблюдал за тем, чтобы на паровозе императорского поезда находились лишь лица, внесённые в утверждённый Главным начальником Охраны список. Присутствие посторонних воспрещалось «ввиду как тесноты, так и замешательства и возможности отвлечения паровозной прислуги от прямых обязанностей, что и подтверждено министерскими опытами, и в том числе при последнем путешествии государя императора» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 55).

При необходимости изменения маршрута, скорости или остановок императорского поезда военный инспектор обращался к находившемуся в императорском поезде старше-

му по должности представителю министерства путей сообщения, а тот, в свою очередь, делал надлежащие распоряжения через инспектора и управляющего дорогой. Отдавать приказы непосредственно паровозной и поездной прислуге было категорически воспрещено. Чинам жандармско-полицейских управлений железных дорог распоряжения, касавшиеся охраны, делались через начальника соответствующего управления, находившегося в поезде. Обо всех случаях, связанных с опасностью для императорского поезда, военный инспектор должен был докладывать Главному начальнику Охраны.

В ноябре 1881 года Главное управление Отдельного корпуса жандармов уведомило министра путей сообщения о мерах, принимаемых в целях предотвращения совершения террористических актов на железных дорогах. Станционные жандармы были обязаны наблюдать не только за станциями, но и за прилегающими к ним участками рельсового пути со всеми находившимися на них сооружениями. Границами участков служили естественные преграды (реки и протоки). Протяжённость участка составляла в среднем 15 вёрст (по 7,5 версты в каждую сторону). Жандармы должны были объезжать свои участки на дрезинах как минимум дважды в месяц. Они осматривали казармы, будки, мосты, трубы, канавы, выемки, насыпи и т. д. О результатах каждого объезда делался подробный доклад начальнику отделения. Кроме того, жандармы регулярно выезжали для расследования происшествий, поэтому объезд линии совершался ими даже чаще, чем раз в неделю.

Производя дознания и обыски в населённых пунктах, расположенных вблизи дороги, жандармы получали сведения обо всех вновь прибывших туда на жительство лицах, о постройках, раскопках, продаже и покупке зданий и т. д. Обо всём, что казалось им подозрительным, жандармы немедленно сообщали начальникам отделений, а также местным становым приставам и урядникам. У каждого старшего станционного жандарма имелась особая тетрадь, в которую он впи-

сывал всех лиц, проживавших на территории его участка, а также членов их семей, прислугу и лиц, проживавших совместно с ними. Жандармам помогали дорожные мастера, прекрасно знавшие местных жителей. В местах, где имелась возможность устроить подкопы, около путей были прорыты глубокие канавы, за которыми наблюдали как жандармы, так и дорожные мастера.

В ожидании проследования императорских поездов как рельсовый путь, так и придорожные сооружения осматривались лично начальниками жандармских отделений совместно с начальниками участков ремонта пути. В дни проезда императорского поезда жандармы должны были ещё раз осмотреть станционные участки. Места, подлежащие особому наблюдению, вносились в специальные ведомости и на время проследования поезда брались под охрану жандармами.

Главное управление Отдельного корпуса жандармов предлагало принять следующие дополнительные меры. Вновь принимаемые на службу работники, прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей, должны были явиться к начальнику жандармско-полицейского управления соответствующей железной дороги либо к начальнику ближайшего отделения для проверки паспорта и выяснения степени политической благонадёжности. На должности семафорных сигнальщиков, стрелочников и путевых сторожей рекомендовалось назначать запасных и отставных нижних чинов, проработавших как минимум год в качестве ремонтных рабочих. В строениях, находившихся вблизи пути, могли проживать лишь начальники станций, их помощники, кассиры и жандармы. У всех мостов требовалось поставить постоянных сторожей, которые должны были проживать вблизи охраняемых ими объектов. Первоначально предполагалось запретить доступ в помещения телеграфных аппаратов всем посторонним лицам (за исключением жандармов) и принять меры к тому, «чтобы телеграфисты не имели при себе так называемых учеников» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 63 об.), однако затем этот пункт был ис-

ключён. Обо всех полученных или отправленных со станции телеграммах подозрительного содержания следовало немедленно сообщить старшему станционному жандарму. Все отверстия придорожных построек, обращённых к пути (отдушины под платформами, подвальные окна и т. д.) нужно было заделывать или закрыть надёжными решётками. Доступ в галереи, расположенные под платформами и путями, следовало запретить, а ключи от дверей отдать на хранение старшему станционному жандарму.

В целях обеспечения безопасности следования императорских поездов в этом же уведомлении предлагалось принимать следующие меры. Начальники тех жандармско-полицейских управлений железных дорог, в районе которых предполагалась высочайшая поездка, должны были в течение недели, предшествовавшей проезду, и в день проезда иметь «полное право распоряжения всеми без исключения полицейскими чинами и всеми средствами, назначенными для охраны пути, так как успех охраны зависит в особенности от единства распоряжений и знания местных условий» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 64). Охрану станций и путей следовало возложить на чинов жандармско-полицейских управлений железных дорог и железнодорожных служащих, подчинявшихся по вопросам охраны начальнику и офицерам жандармско-полицейского управления соответствующей дороги. Кроме того, к охране привлекались чины общей полиции. Они должны были охранять пространство между станциями и территорию, прилегающую к полосе отчуждения под железную дорогу, на расстоянии 75–200 сажен в обе стороны. Места, подлежащие усиленной охране, определялись чинами железнодорожной жандармской полиции, а руководство и ответственность за промахи возлагались на войсковое и полицейское начальство. Поскольку районы станций были весьма удобны для совершения террористических актов «скученностью станционных построек, недостаточным присмотром за ними, существованием под путями и около них множества галерей, труб и проч.»

(РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 65), чины железнодорожной жандармерии должны были получить право входить для осмотра во все придорожные постройки.

Пристальное внимание к вопросам охраны императорских поездов не было праздным. 9 декабря 1881 года командующий 2-й эксплуатационной ротой 1-го Железнодорожного батальона поручик Тер-Степанов подал командиру батальона полковнику Л. М. Альбертову рапорт. Из его содержания следовало, что 7 декабря, около 8 часов вечера, рядовой К. Постаренко по просьбе переездного сторожа А. Микулина остался присматривать за переездом около скачки. К нему зашел сторож из будки около большого переезда Е. Менгель, находившийся в нетрезвом состоянии, и стал расспрашивать, как прошёл батальон на параде, бывшем 6 декабря. Когда Постаренко ответил, что батальон прошёл на параде хорошо и что Александр III пожаловал каждому солдату по рублю, Менгель сказал: «...что ни толкуй, а государю несдобровать, и его наверное убьют, и навряд ли ему удастся дожить до коронации, и весь дом Романовых перебьют, и будет государь, выбранный из народа; ведь вашим солдатам не уследить, и если я захочу, то и устрою подкоп под императорский поезд, и нынешний государь будет убит так же, как и его покойный отец» (РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 2. Л. 67 – 67 об.). Тер-Степанов уведомил об этом инциденте начальника Гатчинского отделения Санкт-Петербургского жандармско-полицейского управления железных дорог и приказал жандармскому унтер-офицеру следить за Менгелем.

Разработанный комплекс мероприятий реализовывался на практике. 18 декабря 1881 года силами офицеров Гатчинского отделения Санкт-Петербургского жандармско-полицейского управления железных дорог, начальника полицейской команды на станции Санкт-Петербург Балтийской железной дороги, офицеров и нижних чинов 1-го Железнодорожного батальона был осуществлен тщательный осмотр всех зданий и построек, находившихся вблизи станции от 1-го пере-

езда до Митрофаньевского кладбища. Осмотр, во время которого разбирались полы зданий, зондировалась почва, проверялись погреба, выгребные ямы, колодцы и трубы, занял 6 часов. Ничего опасного или подозрительного обнаружено не было, тем не менее некоторые дома были взяты под усиленный и постоянный надзор.

В самом конце 1881 года военный инспектор полковник Л. М. Альбертов предложил схему охраны железнодорожных путей во время императорских путешествий, предполагавшую расстановку вдоль маршрута царского поезда войск таким образом, чтобы «под их контролем находилась буквально каждая сажень железнодорожного пути» [2, С. 234]. Сразу же началась подготовка соответствующей инструкции в комиссии под руководством генерал-майора Свиты М. Ф. Мирковича, о которой говорилось выше. Работа над этим документом затянулась, поэтому «Инструкция войскам, вызванным для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности» [3, С. 1] была высочайше утверждена лишь 7 апреля 1883 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, система обеспечения безопасности российских императоров и членов их семей во время железнодорожных поездок, начало которой было положено в 1878 году, стала быстро развиваться лишь после убийства Александра II. В течение нескольких месяцев она обрела чёткие контуры: была учреждена должность военного инспектора, определён круг его полномочий, выработаны схемы взаимодействия воинских, жандармских и полицейских структур, задействованных в охране железных дорог, с военной инспекцией и чинами министерства путей сообщения, определены меры, направленные на предотвращение террористических актов. Хотя не всё из того, что было спешно создано в 1881 году, выдержало проверку временем, основополагающие принципы обеспечения безопасности железнодорожных поездок императора оставались

в силе в течение более 30 лет.

Авторы приходят к выводу, что в 1878 году был сделан первый шаг к созданию системы транспортной безопасности царя и его семьи, однако он был связан исключительно с организационными и техническими аспектами движения императорских поездов. В работе показано, что большая часть мер, направленных на обеспечение безопасности железнодорожных поездок императорской семьи, была принята в марте – декабре 1881 года, уже после гибели Александра II. Интенсивная работа была вызвана страхом совершения покушения на нового императора. Авторы обращают внимание на необходимость одновременного решения вопросов, связанных с охраной поезда и трассы его следования, и приходят к выводу, что это обстоятельство побудило задействовать в охране железнодорожных поездок Александра III большое количество воинских, жандармских, полицейских и иных структур. Статья завершается выводом о том, что большая часть принципов, выработанных в 1881 году, оставалась в силе вплоть до начала Первой мировой войны.

Библиография / References:

1. Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 851 с.
2. Зимин И.В. Царская работа. XIX – начало XX века. Повседневная жизнь Российского императорского двора. – М.: Центрполиграф, 2011. – 640 с.
3. Инструкция войскам, вызванным для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности: Высочайше утверждена 7 апреля 1883 г. – СПб., 1883. – 16 с.
4. Магазинер Н.А. Императорские поезда. Как это было: хроника строительства и эксплуатации. – СПб.: Реноме, 2017. – 382 с.
5. Меркулов П.А., Цыбаков Д.Л. Информатизация мировой политики: сущностное выражение и практические результаты // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10. – № 6. –

С. 89–96.

6. Цыбаков Д.Л. Милитаризация общественных отношений: политическая природа, традиционные и современные формы. – Орёл, 2007.

1. Grigor'ev B.N., Kolokolov B.G. (2007) Povsednevnyaya zhizn' rossijskih zhandarmov [Everyday life of Russian gendarmes]. – M.: Molodaya gvardiya. – 851s. (In Russ.).
2. Zimin I.V. (2011) Carskaya rabota. XIX – nachalo XX veka. Povsednevnyaya zhizn' Rossijskogo imperatorskogo dvora [The Royal job. XIX – beginning of XX century Everyday life of the Russian Imperial court]. – M.: Centrpoligraf. – 640s. (In Russ.).
3. Instrukciya vojskam, vyzvannym dlya ohrany ekstrennyh poezdov chrezvychajnoj vazhnosti [Instructions to the troops called to guard emergency trains of extreme importance]: Vysochajshe utverzhdena 7 aprelya 1883 goda. – SPb., 1883. – 16s. (In Russ.).
4. Magaziner N.A. (2017) Imperatorskie poezda. Kak eto bylo: hronika stroitel'stva i ekspluatatsii [Imperial trains. How it was: chronicle of construction and operation]. – SPb.: Renome. – 382s. (In Russ.).
5. Merkulov P.A., Tsybakov D.L. (2015) Informatizatsiya mirovoy politiki: sushchnostnoye vyrazheniye i prakticheskiye rezul'taty [Informatization of world politics: essential expression and practical results] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – T.10. – №6. – S.89–96. (In Russ.).
6. Tsybakov D.L. (2007) Militarizatsiya obshchestvennykh otnosheniy [Militarization of public relations]: politicheskaya priroda, traditsionnyye i sovremennyye formy. – Orol. (In Russ.).

УДК 354.31:351/354(47)“1861/...”

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-4-178-186

ВЫХОДОВ Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: alex-exit@mail.ru, AuthorID: 688639

YUKHODOV A.A., Candidate of Legal Sciences, docent of the chair of State and legal disciplines of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Russian Federation, Orel), e-mail: alex-exit@mail.ru, AuthorID: 688639

ФУНКЦИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 60-Х – НАЧАЛА 80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

FUNCTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS IN THE SPHERE OF STATE ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE 60S - EARLY 80S OF THE 19TH CENTURY

Аннотация. Цель статьи заключается в исследовании организации управления внутренними делами Российской империи с 1862 по 1881 годы. На основе анализа законодательства автор делает выводы об изменениях в структуре, полномочиях и функционировании министерства внутренних дел Российской империи и общей полиции, в период с окончания полицейской реформы 1862 года и до смерти императора Александра II. Охарактеризовав структурные изменения, автор проследил социально-политические трансформации, осуществляемые в соответствии с либеральными реформами Императора и их последствиями. Особое внимание уделено причинам передачи общей полиции функций в области осуществления армейского призыва, акцизного табачного сбора, появления права на использование оружия, беспрепятственного прохода на территории фабрик и заводов, а также образование института полицейского урядника и сыскных частей. Кроме этого, в статье обращается внимание на взаимосвязь объединения общей и политической полиции в структуре министерства и изменением его восприятия и основного назначения. На основе анализа выявлены особенности государственного подхода к управлению внутренними делами в период 60-х – начала 80-х годов XIX века.

Ключевые слова: Российская империя, МВД, Департамент государственной полиции, полицейский урядник, Главное тюремное управление.

Abstract. The purpose of the article is to study the management system of Internal Affairs of the Russian Empire from 1862 to 1881.

Much attention is given to an analysis of changes in the structure, powers and functioning of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and the general police, in the period from the end of the police reform of 1862 to the death of Emperor Alexander II. The author traced the socio-political transformations carried out in accordance with the liberal reforms of the emperor and their consequences. Special attention is paid to the reasons for the transfer of functions to the general police in the field of army conscription, tobacco excise duty, the appearance of the right to use weapons, unhindered passage on the territory of factories and factories, as well as the formation of the institute of a police officer and detective units. In addition, the article draws attention to the relationship between the unification of the general and political police in the structure of the ministry and the change in its perception and main purpose.

As a result, the author revealed the features of the state approach to the management of internal affairs in the period of the 60s - early 80s of the 19th centuries.

Keywords: Russian Empire, Ministry of Internal Affairs, State Police Department, police officer, Main Prison Department.

ВВЕДЕНИЕ

В начале второй половины XIX века, в связи с очевидной необходимостью осуществления эффективной реализации Крестьянской реформы в 1862 году, были созданы уездные полицейские управления, составившие систему уездной полиции, объединявшую под единым началом городскую и земскую полицию. Однако унификации всех полицейских органов и учреждений, имевших полицейские функции, одновременно не произошло, что объясняется разной организацией управления в губерниях и на остальной территории государства. Процесс был длительным, старые органы исчезали постепенно. Например, Санкт-Петербургская управа благочиния продолжала существовать до 1875 года. В самих губернских городах произошло выделение полицейских участков, которыми заведовали участковые приставы. В свою очередь, на более низком уровне полицейский участок делился на околотки с двумя околоточными надзирателями, действовавшими на основе Инструкции 1867 года [3, С. 126].

Дальнейшие исторически значимые либеральные реформы Александра II предопределили поступательное реформирование Министерства внутренних дел Российской империи (далее – МВД РИ) в 60–80-х гг. XIX столетия, наделяя его дополнительными правами и обязанностями ввиду нарождавшихся правоотношений всесословного общества.

Институт уездной полиции продолжил формироваться в марте 1863 года, когда указом Сената военных офицеров допустили занимать должности уездного исправника, возглавлявшего уездное полицейское управление, и его помощника [6, С. 287].

Создание единого полицейского органа концентрировало в нём все функции общей полиции, которые ранее были распределены в органах благочиния города и земства. Одной из таких функций является контроль за внутренней миграцией населения, в содержание которой среди прочего входила обя-

занность приезжающего или убывающего лица «отметиться» об этом в полиции. С июля 1863 года министр МВД РИ получил право на установление в уездных и окружных городах штрафа в случае «не объявления» полиции данных лиц. При этом выплаченные по данным штрафам суммы направлялись в доход министерства [7, С. 791].

Кроме этого, МВД РИ усиливало контроль и цензуру за книгопечатными изданиями, а также приобретало самостоятельность от Министерства народного просвещения в вопросах открытия новых газет и журналов. Цензура периодических изданий также заключалась в предоставлении 12 мая 1863 года министру исключительного права прекращать временно в них публикацию частных объявлений. В целом с апреля 1865 года в структуре министерства за данное направление отвечал начальник управления по делам книгопечатания, выросшего в последующие годы до Главного управления по делам печати. Передача учреждений Министерства народного просвещения в структуру Министерства внутренних дел продолжилась и далее. В 1867 году были переданы городские и общественные библиотеки, Императорское Виленское медицинское общество.

Примечательно, что в данном аспекте, помимо министерства, расширялся персонафицированно правовой статус самого министра. При этом важно понимать, что наделение высшего должностного лица министерства дополнительными функциями и задачами, выполнение которых он не мог поручить нижестоящим должностным лицам, требовало от него объективных затрат времени на их исполнение, а равно и на подготовку к исполнению, и опосредованно ставило их реализацию в государстве в прямую зависимость от профессиональных и деловых качеств одного человека. Впрочем, такая практика не была единичным случаем в рассматриваемый период. Например, министр внутренних дел Российской империи занимал важное место в механизме разрешения жалоб на губернские присутствия о поземель-

ном и хозяйственном устройстве крестьян, обладая полномочиями по отмене их постановлений или оставлении их в силе. Также это прослеживается и в предоставлении императором в 1874 году права МВД РИ утверждать образование новых полицейских должностей в городах в случае наличия ходоатайства городского общества и финансирования, предоставляемого им же, а также права сокращать штат губернских правлений и губернаторских канцелярий (1876 г.).

В то же время особенности взаимоотношений центральной власти Российской империи и ей окраин в рассматриваемый период предопределили неоднородность централизованного управления внутренними делами в государстве. Наиболее наглядно это было продемонстрировано приказом Военного министерства от 31 декабря 1863 года, согласно которому на территории Царства Польского объявлялось военно-полицейское управление с созданием должности генерал-полицмейстера. При этом примечательно, что, в отличие от остальной территории Российской империи, придерживавшейся в данное время отделения политической от общей полиции, генерал-полицмейстер совмещал руководство департаментами полиции исполнительной и полиции административной, имевшей в своем составе Особую канцелярию [8, С. 354]. Таким образом, с 1 января 1864 года в Царстве Польском начало действовать Управление генерал-полицмейстера, являвшегося высшим органом общей и политической (государственной безопасности) полиции на данной территории. Особый правовой статус окраины в Российской империи, касающийся полицейского управления, продолжил формироваться, в результате чего в декабре 1866 года в Царстве Польском появились специальные полицейские команды – земские стражи. В дальнейшем ежегодно на уровне решений императора, кабинета министров, МВД РИ и созданного в 1871 году Комитета по делам Царства Польского компетенция министерства и его содержание на управление внутренними делами на данной территории толь-

ко возрастали. Схожие процессы происходили на других окраинах государства.

Представляется, что рассмотрение либеральных реформ Александра II в отрыве друг от друга является контрпродуктивным и не отражающим всю систему преобразований, осуществляемых в начале 60-х годов XIX века. Одной из таких реформ, напрямую скорректировавшей управление внутренними делами Российской империи в рассматриваемый период, несомненно, была судебная реформа 1864 года.

В соответствии с судебными установлениями от 20 ноября 1864 года был определен правовой статус полиции при производстве предварительного следствия и исполнения судебных решений. В целом полномочия полицейских органов в рассматриваемой сфере были сведены до двух основных направлений. Во-первых, несмотря на то что для исполнения решения мировых судей и их съездов был создан институт судебных приставов, не являвшихся служащими или сотрудниками полиции, в отдельных местностях Российской империи, не имевших данных должностных лиц или при их недостатке, их права и обязанности могли делегироваться местной полиции, находившейся, в случае их исполнения, под руководством председателя судебных мест [9, С. 206]. Во-вторых, применительно к участию полиции в предварительном следствии в пореформенный период необходимо отметить, что оно сводилось в большей степени к дознанию, исключая выемку документов и обыск, с последующей передачей информации судебному следователю. В случаях, «не терпящих отлагательств», полиция выполняла все полномочия судебного следователя до его приезда, в том числе выемку и обыск.

Таким образом, за исключением рассмотренных выше направлений, одним из результатов судебной реформы 1864 года стала передача полномочий в сфере производства предварительного следствия и исполнения судебных решений от полиции к судебным следователям и судебным приставам. По аналогии в результате Земской реформы

(1864 г.) и Городской реформы (1870 г.), значительное количество вопросов, касающихся местного хозяйства, было выведено из компетенции общей полиции [4, С. 60], что наглядно демонстрировало существующий тренд на сужение предмета ведения общей полиции в пореформенный период.

Начиная с 1865 года в МВД РИ начинается внутренняя оптимизация министерства, основным результатом которой стало частичное перераспределение дел между Департаментом полиции исполнительной, Департаментом общих дел, Департаментом хозяйственным и сокращение численности самого министерства [10, С. 669]. Кроме этого, был установлен 15-летний срок службы низших полицейских чинов с последующим правом на 12-летний бессрочный отпуск. Были предусмотрены и поощрения для служащих, которые не уходили в отставку, а продолжали исполнять свои обязанности сверх срока службы. С 1872 года был улучшен социальный статус и льготы низших чинов полицейских и пожарных команд с распространением на них пенсий и единовременных пособий, существовавших в военном министерстве, в том числе пенсионного обеспечения вдов погибших сотрудников [11, С. 779].

Однако, несмотря на осуществляемые преобразования в системе МВД РИ, само понимание компетенции внутренних дел в рассматриваемый период далеко не ограничивалось «полицированием», обеспечением благочиния, а допускалось отнесение к ней отдельных вопросов жизнедеятельности общества и государства, на первый взгляд не имеющих прямого отношения к обеспечению общественного порядка и безопасности.

Например, 23 декабря 1866 года по инициативе генерал-адъютанта князя Суворова Александр II к ведению министерства отнес Российское общество покровительства животным [12, С. 476]. Позже по аналогии в 1867 году к МВД РИ были отнесены Санкт-Петербургское общество покровительства животным и Одесское общество сострадания к животным, а в структуре Медицинского де-

партаментов в 1868 году было создано Ветеринарное управление [5, С. 121]. Развитию ветеринарного дела МВД РИ уделяло значительное внимание, и начиная с 1871 года при Медицинском департаменте начался выпуск периодического издания «Архив ветеринарных наук», содержащего полезные сведения и достижения отечественной науки в рассматриваемой сфере. В целом под непосредственным руководством министерства во второй половине XIX века выходило разнообразное количество изданий по отдельным направлениям его деятельности [1, С. 16].

Вместе с тем компетенция министерства расширилась после присоединения к нему 9 марта 1868 года Министерства почт и телеграфов [13, С. 248], завершив тем самым период его обособления и начав отечественную реформу «почтового дела». В период с 1871 по 1874 год МВД РИ обобщило опыт самостоятельного заведования данным направлением, который вылился в создание Почтового устава 1874 года.

В рассматриваемый период в Российской империи произошло увеличение числа общественных и частных благотворительных заведений, чья деятельность напрямую облегчала функционирование приказов общественного призрения. Очевидно, что их деятельность была важной и значимой, благосклонно рассматривалась верховной властью, но существующий процессуальный порядок открытия, включающий обязательное утверждение императором их уставов, содержащих, помимо прочего, цели и задачи учреждения, с одной стороны, замедлял их распространение в государстве, а с другой – требовал постоянного личного внимания государя. В этой связи 3 января 1869 года право утверждения уставов общественных и частных благотворительных заведений было передано в компетенцию министра внутренних дел.

Ещё одним направлением деятельности, находившимся в компетенции МВД РИ в целом и полиции в частности, в соответствии с Уставом об акцизе с табака 1872 года, стал

акцизный надзор за изготовлением табака и, собственно, сам табачный сбор [14, С. 1167]. При этом важно понимать, что, несмотря на полицейскую реформу 1862 года, полной унификации полицейской системы не произошло, а сами полицейские учреждения в губернских городах, столицах, уездных городах имели существенные отличия как в штате, так и в полномочиях, в связи с чем конкретные полномочия полицейского учреждения по табачному сбору зависели от его вида.

Далее можно отметить Армейскую реформу 1874 года, в результате которой была введена в государстве всеобщая воинская повинность, напрямую затрагивавшая вопросы комплектования полицейских учреждений. Ежегодно с 1 ноября по 31 декабря (в Сибири с 15 октября) осуществлялся призыв по жребию между молодыми людьми, достигшими двадцатилетнего возраста, при этом убирались различные сословные ограничения, препятствующие воинской повинности. Подготовительные процессы внутри МВД РИ к переходу на новый формат армейского призыва шли заранее. Так, 4 июля 1873 года был установлен новый порядок формирования (комплектования) полицейских и пожарных команд, в результате которого после 6-месячного обучения от 4000 до 5000 солдат были направлены на восполнение нехватки полицейских кадров в рассматриваемых учреждениях с последующим их переводом на службу в полицию по вольному найму. После этого периода призыв на полицейскую и пожарную службу из армии не допускался, а комплектование осуществлялось исключительно вольнонаемными служащими, которых, в случае их нахождения в полицейском штате, к службе в армии не привлекали [15, С. 2]. Введение всеобщей воинской повинности актуализировало и проблему борьбы с уклонистами, осуществление последней было также поручено полицейским учреждениям на основе принятой Инструкции полицейским учреждениям по наблюдениям за укрывающимися от воинской повинности от 17 сентября 1874 года

[16, С. 418]. Полицейские учреждения в границах территории осуществления полномочий должны были следить, чтобы молодые люди не допускали уклонения от прохождения воинской службы, к которому приравнивалось отсутствие уважительной причины неявки на места освидетельствования при наличии положительного жребия призыва. Для активизации призыва в сельской местности в новых реалиях в сентябре 1876 года Александр II предоставил исправникам право налагать взыскания на волостных и сельских должностных лиц в связи с неисполнением ими обязанностей по призыву. Данная административная мера должна была предоставить руководству уездных полицейских управлений дополнительные возможности воздействия на низшие полицейские чины в уездах по исполнению рассматриваемой функции.

В мае 1875 года в структуре МВД РИ был создан Статистический совет, целью которого было содействие иным министерствам и главным управлениям в обработке статистической информации и сведений. Таким образом, учитывая, что в состав членов делегировались представители министерств, данный структурный элемент министерства наглядно демонстрировал координирующую роль МВД РИ в обеспечении функционирования иных отраслевых структурных образований в государстве.

Следует согласиться с тем утверждением, что, в связи с возросшим числом беспорядков, полицейские учреждения и средства, имевшиеся у них в наличии, требовали усиления [2, С. 24]. В этой связи одним из важных преобразований общей полиции в рассматриваемый период, с целью усиления уездной полиции в губерниях, управляемых по общему учреждению, в помощь становым приставам было учреждено 9 июня 1778 года института полицейского урядника [17, С. 398], при этом должности тысяцких в северо-западных губерниях и конных раскельных в юго-западных губерниях ликвидировались. В обязанности полицейского урядника входило руководство и надзор за сот-

скими и десятскими на местах. Примечательно, что, несмотря на допустимость «пешего» урядника, основной единицей должен был стать «конный» полицейский урядник, что может свидетельствовать о запрашиваемой руководством государства мобильности урядника в осуществлении своих функций в пределах территории уезда. Уже в 1879 году Комитет министров увеличил первоначальную численность урядников (5109) на 550 лиц. Ещё одной из современных характеристик, предъявляемой к должности полицейского урядника, была требуемая от него исключительная профессиональная направленность, выражающаяся в числе прочего и в запрете на исполнение им поручений, не относящихся к его компетенции.

Конец 70-х и начало 80-х годов XIX века характеризовались возросшей террористической активностью реакционно настроенных по отношению к монархии лиц. Атаки носили как групповой, так и личностный характер, а их объектами становились служащие полицейских учреждений, III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, являвшегося главным органом политической полиции в рассматриваемый период, представители светских властей, губернаторы и сам Александр II, переживший не одно покушение на свою жизнь. В результате этого система обеспечения благочиния, общественной и государственной безопасности, построенная с 1826 года и адресно реформированная в последующие годы, объективно не справлялась с новыми реалиями и требовала более глубоких преобразований, которые изначально не осуществлялись, а сводились в большей степени к реагированию по факту совершения очередного акта.

Так, 8 августа 1878 года чины общей полиции и жандармерии получили право беспрепятственного прохода на территории фабрик и заводов, а также осуществления в их пределах в присутствии управляющих обыски и аресты, а 10 октября 1879 года были определены для них правила использования оружия, содержащие основания его применения, в том числе при восстановлении

полицейскими и жандармскими командами общественного порядка и безопасности. Кроме этого, численность полиции в девяти крупных городах и финансовых центрах Российской империи долгое время практически не изменялась, тогда как их население выросло в разы, в результате чего были увеличены полицейские штаты в Одессе, Киеве, Харькове, Казани, Саратове, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Николаеве. Однако вполне очевидно, что данное увеличение, сопряженное с повышением ассигнований на их деятельность, производилось по наиболее умеренному направлению, более похожему на «залатывание дыр», чем на кардинальное изменение соотношения населения и полицейских должностных лиц, позволяющего эффективно обеспечить благочиние. Эти ограничения были predeterminedены финансовыми возможностями МВД РИ, которые были скованы необходимостью ввода новых дополнительных сборов и пошлин при повышении ассигнований на свою деятельность, что, в свою очередь, способно было привести к росту протестных и иных негативных для государства возмущений в обществе, не способствовавших общественной безопасности и спокойствию. В то же время решение о выделении в 1878 году ассигнований губернаторам 46 губерний, находящихся на общем управлении [18, С. 241], на создание в них сыскных частей, ориентированных прежде всего на розыск, осуществляемый общей полицией, только лишь подчеркивает значимость, потребность и своевременность данного преобразования.

Продолжался расширяться центральный аппарат министерства за счет создания 27 февраля 1879 года нового Главного тюремного управления МВД РИ [19, С. 96]. Однако детальное изучение механизма его образования свидетельствует о том, что основу образуемого главного управления составил штат делопроизводства по тюремной части Департамента полиции исполнительной министерства, тем самым непосредственное расширение штата произошло только за счет принятия в свой состав Канцелярии при пре-

зиденте попечительного общества о тюрьмах. В то же время само выделение данного направления внутренних дел в статус «главного управления» только лишь подчеркивало государственную значимость централизованного управления и необходимости реформирования всей тюремной системы Российской империи.

Радикальные действия террористической оппозиции вынудили Александра II создать Верховную распорядительную комиссию с целью реформирования всей системы высшей (политической) полиции, заведование которой III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, очевидно, было не эффективным. В результате 6 августа 1880 года III отделение было ликвидировано. В структуре МВД РИ был образован Департамент государственной полиции, слившийся в последующем с Департаментом полиции исполнительной, в который были переданы дела данной категории. Вместе с этим Корпус жандармов также перешёл под управление министерства [20, С. 529]. С целью «облегчения» исполнения новых функций и задач из МВД РИ были выделены самостоятельное Министерство почт и телеграфов, Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Кроме этого, ввиду включения Корпуса жандармов в министерство, возникла необходимость и в создании в его структуре Судебного отдела для заведования судебными делами, поступающими в министерство на рассмотрение.

Данные структурные изменения, в результате которых в государстве появилось министерство, объединившее руководство общей и политической полициями, значительно изменили восприятие, назначение МВД РИ и, ввиду убийства 1 (13) марта 1881 года Александра II, подвели черту изменениям в сфере государственного управления внутренними делами в Российской империи в период 60-х – начала 80-х годов XIX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, следует выделить ряд тенденций в государственном подходе к управлению внутренними делами в 60-х – начале 80-х годов XIX века, опосредованных последствиями Крестьянской реформы, либеральных реформ Александра II, с последующим изменением общественного устройства, усилением протестных движений и форм общественного и политического террора:

- преобразования в структуре министерства, включающие образование Статистического совета, Главного тюремного управления, Департамента государственной полиции, Судебного отдела, происходили с учетом необходимости экономии государственных средств;

- расширялся объем полномочий самого министра, в том числе за счет делегирования дополнительных прав от императора;

- значительное внимание уделялось усилению полицейского управления национальных окраин с отличающимся от 46 губерний, находящихся на общем управлении, распределением компетенции, штатом, руководством, а также совмещением в «единых руках» общей и политической полиций;

- передача полномочий в сфере производства предварительного следствия и исполнения судебных решений от полиции к судебным следователям и судебным приставам;

- передача общей полиции функций в области осуществления призыва, акцизного табачного сбора, конкретизировано право на использование оружия, беспрепятственного прохода на территории фабрик и заводов, а также на образование в ней института полицейского урядника и сыскных частей;

- полицейские учреждения в губернских городах, столицах, уездных городах, на окраинах Российской империи имели существенные отличия как в штате, так и в полномочиях.

Библиография / References:

1. Иванов А.А., Эриашвили Н.Д. Становление ведомственной печати МВД Российской империи // Образование. Наука. Научные кадры. – 2018. – № 1. – С. 15–17.
 2. Колядная М.С. Правовые основы реорганизации структурных изменений МВД Российской империи в пореформенный период // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 1. – С. 22–27.
 3. Михеева С.Н., Скипский Г.А. Институт околоточных надзирателей в структуре полицейской системы городов Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 125–131.
 4. Романова А.В. Становление и развитие компетенции МВД Российской империи в начале XIX – начале XX в. (на примере исполнительной полиции) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – № 9. – С. 56–63.
 5. Ховалыг М.В. О некоторых аспектах деятельности медицинского департамента по развитию медицинских и ветеринарных знаний // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 2. – С. 120–121.
 6. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXVIII. №39431.
 7. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXVIII. №39840.
 8. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXVIII. №40456.
 9. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XXXIX. №41475.
 10. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XL. № 42232.
 11. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLVI. № 50334.
 12. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLI. № 44034.
 13. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLIII. № 45574.
 14. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLVII. №51668.
 15. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLVIII. №52439.
 16. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLIX. № 53881.
 17. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. LIII. № 58610.
 18. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. LIII. № 59026.
 19. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. LIV. № 59360.
 20. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. LV. № 61279.
1. Ivanov A.A., Eriashvili N.D. (2018) Stanovleniye vedomstvennoy pechati MVD Rossiyskoy imperii [The formation of the departmental press of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire] // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry. – №1. – S.15–17. (In Russ.).
 2. Kolyadnaya M.S. (2019) Pravovyye osnovy reorganizatsii strukturnykh izmeneniy MVD Rossiyskoy imperii v poreformennyy period [Legal bases of reorganization of structural changes of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the post-reform period] // Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii. – № 1. - S. 22–27. (In Russ.).
 3. Mikheyeva S.N., Skipskiy G.A. (2022) Institut okolotochnykh nadzirately v strukture politseyskoy sistemy gorodov Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX veka [Institute of Probation Officers in the structure of the police system of the cities of the Russian Empire in the second half of the XIX century] // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – №3. – S.125–131. (In Russ.).
 4. Romanova A.V. (2017) Stanovleniye i razvitiye kompetentsii MVD Rossiyskoy imperii v nachale XIX - nachale XX v. (na primere ispolnitelnoy politzii) [Formation and development of the competence of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the early XIX – early XX century. (on the example of the

executive police)] // Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl. – № 9. – S.56–63. (In Russ.).

5. Khovalyg M.V. (2019) O nekotorykh aspektakh deyatelnosti meditsinskogo departamenta po razvitiyu meditsinskikh i veterinarnykh znaniy [On some aspects of the activities of the Medical Department for the development of medical and veterinary knowledge] // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – № 2. – S.120–121. (In Russ.).

6. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second meeting]. T.XXXVIII. № 39.431. (In Russ.).

7. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXXVIII. № 39.840. (In Russ.).

8. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXXVIII. № 40.456. (In Russ.).

9. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XXXIX. № 41.475. (In Russ.).

10. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XL. № 42.232. (In Russ.).

11. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XLVI. № 50.334. (In Russ.).

12. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XLI. № 44.034. (In Russ.).

13. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XLIII. № 45.574. (In Russ.).

14. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XLVII. № 51.668. (In Russ.).

15. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XLVIII. № 52.439. (In Russ.).

16. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T.XLIX. № 53.881. (In Russ.).

17. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T. LIII. № 58.610. (In Russ.).

18. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T. T. LIII. № 59.026. (In Russ.).

19. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T. T. LIV. № 59.360. (In Russ.).

20. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroye sobraniye. T. T. LV. № 61.279. (In Russ.).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Цель журнала – создание коммуникационной площадки для обсуждения и изучения проблем истории развития государственного и муниципального управления; эволюции социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и другие, и их влияния на формирование и реализацию реформ в области государственного, муниципального, корпоративного управления, а также аккумуляцию исторического опыта российской государственности и развития государственных и социальных институтов.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, ученым, экспертам и управленцам-практикам.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.:

<http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов

по адресу: e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Точка зрения авторов необязательно отражает мнение редакции.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Среднерусский вестник общественных наук» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК с 01.02.2022 г.:

5.6.1. – Отечественная история (исторические науки),

5.6.2. – Всеобщая история (исторические науки)

JOURNAL OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION • VOLUME 11 • ISSUE № 4 • 2022

DEAR READERS!

The purpose of the Journal is to create communication platform for discussing and studying the problems of history development of state and municipal government; the evolution of social institutions, such as traditions, morality, law, family, public associations, the state and others, and their impact on the formation and implementation of reforms in state, municipal, corporate governance, as well as the accumulation of historical experience of Russian statehood and the development of state and social institutions.

The Journal is addressed to the scientific community, students, graduate students and teachers, scientists, experts and practical managers.

"Journal of Public and Municipal administration" invites you to cooperation and creative dialogue of university teachers, graduate students, applicants for scientific degrees, practitioners of government and administration.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».

119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82.

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Рег. ПИ № ФС77-71949 от 26.12.2017.**

**При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.**

Главный редактор П. А. Меркулов

**Ответственный секретарь Е. С. Матвеева
Переводчик Е. А. Князькова
Корректор И. Л. Кургузова**

**Подписной индекс в общероссийском
каталоге «Пресса России» – 15166.**

Выходит четыре раза в год.

Адрес редакции и издателя: 3020001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Тел./факс 8(4862)43-20-28.

Издатель: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

Отпечатано в типографии издательства Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
по адресу: 3020001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Подписано в печать 20.12.2022. Дата выхода тиража в свет 28.12.2022.2

Усл. п. л. 12,4.

Формат 70x100 1/16

Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Цена свободная.

© **Вестник государственного и муниципального управления**

Научно-образовательное издание

№ 4 (46) 2022г.